МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Гришин Александр Андреевич

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ/ОБЛАСТИ В 1918–1943 гг.

Специальность 5.6.8 –

Документалистика, документоведение, архивоведение

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
Никонов Вадим Вадимович
доктор исторических наук,
доцент

Москва – 2026

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Государственно-церковные отношения в Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 40

1.1. Организация антирелигиозной деятельности государственными структурами на территории Московской губернии в 1918–1929 гг. 40

1.2. Организация антирелигиозной деятельности государственными структурами в 1929–1943 гг. на территории Московской области 65

1.3. Устройство Московской епархии в 1918–1943 гг. 87

Глава 2. Историко-документальное наследие государственного администрирования жизнедеятельности Русской Православной Церкви на территории Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 113

2.1. Комплекс документов по регулированию жизнедеятельности приходов Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 113

2.2. Корпус материалов антирелигиозной пропаганды и агитации в Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 142

2.3. Материалы о политических репрессиях духовенства и мирян Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 168

Глава 3. Формирование и систематизация историко-документального наследия взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 197

3.1. Документальные материалы органов управления Московской епархией в 1918–1943 гг.: характеристика и особенности формирования. 197

3.2. Корпус материалов о деятельности обновленческих церковно-административных структур на территории Московской губернии/области в 1918–1943 гг. 232

Заключение 257

Список использованных источников и литературы 264

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления опыта взаимоотношений Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) и государства в один из наиболее драматичных периодов отечественной истории. Вопрос о месте РПЦ в общественной жизни и характере ее отношений с государством сохраняет научную и общественную значимость. Для понимания природы этих отношений важно обратиться к историческому опыту, в частности к периоду 1918–1943 гг., когда коренным образом изменились положение РПЦ и характер государственной политики в отношении ее канонических подразделений. Существенно, что правовые и административные решения этого периода с последующими изменениями, связанными с потеплением отношений, легли в основу современного государственно-церковного законодательства.

Документы, возникшие в результате деятельности государственных структур и канонических подразделений РПЦ в условиях острого идеологического противостояния, представляют собой уникальный источниковый комплекс. Их анализ позволяет проследить эволюцию практик документирования советских учреждений, реконструировать механизмы создания документов и выявить особенности формирования архивных фондов в условиях коренного изменения правового положения РПЦ и государственного воздействия на деятельность ее институтов.

Московская губерния (с 1929 г. – Московская область) занимала особое место в истории взаимоотношений государства и РПЦ в советский период. Близость к центральным органам государственной власти и высшего церковного управления обусловила значительную роль региона в формировании и реализации государственной религиозной политики. Здесь апробировались методы ее проведения, впоследствии применявшиеся и в других регионах страны. Вместе с тем сохранившиеся в архивах Москвы и

Московской области комплексы документов, отражающие государственно-церковные отношения на данной территории в 1918–1943 гг., до настоящего времени не становились предметом самостоятельного комплексного исследования.

Характерной особенностью исследуемых документальных комплексов является рассредоточенность материалов органов управления РПЦ по различным архивным фондам. В частности, документы Московского епархиального управления сохранились в фондах органов государственной безопасности, исполнительных комитетов, судебных учреждений и других советских организаций. Особое место занимают материалы обновленческого Московского епархиального управления, сохранившиеся в самостоятельном архивном фонде. Их включение в источниковую базу исследования обусловлено тем, что обновленческий раскол, инспирированный органами советской власти, стал одним из проявлений государственного вмешательства в систему управления РПЦ. Совокупное изучение указанных материалов позволяет установить состав и содержание документального наследия РПЦ, а также проследить особенности его формирования и сохранения в архивных фондах.

Таким образом, комплексное исследование документального наследия взаимоотношений РПЦ и государства на территории Московской губернии, а затем Московской области в 1918–1943 гг. позволяет выявить влияние государственной религиозной политики на деятельность органов управления РПЦ, состав создававшейся документации и условия ее сохранения. Полученные результаты имеют значение для реконструкции рассредоточенных документальных комплексов и совершенствования методов их архивоведческого изучения.

В работе используется **терминологический аппарат**, принятый в документоведении, архивоведении и церковной истории. Под *историко-документальным наследием* понимается совокупность документов

государственных органов и канонических подразделений РПЦ, отражающих их взаимоотношения, а также связанных с ними материалов обновленческих структур, возникших в результате раскола. Под *каноническими подразделениями РПЦ* понимаются входящие в ее состав церковные структуры, в том числе епархии, благочиния, приходы и монастыри, согласно действующему Уставу РПЦ[1]. Применительно к исследуемому периоду данный термин используется с учетом исторически сложившегося устройства церковного управления. Термин *«государственно-церковные отношения»* в настоящем исследовании обозначает взаимоотношения советского государства и РПЦ, выражавшиеся в законодательном регулировании, деятельности государственных органов и ответных действиях канонических церковных структур. Под *приходом* понимается, согласно определению Приходского устава Поместного Собора 1917–1918 гг., «общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального Архиерея, под руководством поставленного последним священника – настоятеля»[2].

Использование в настоящем исследовании наименования *«Русская Православная Церковь»* обусловлено необходимостью единообразного обозначения Поместной Церкви на протяжении всего рассматриваемого периода. В документах Поместного Собора 1917–1918 гг. употреблялось историческое наименование «Православная Российская Церковь», тогда как современное название «Русская Православная Церковь» вошло в

---

[1] Устав Русской Православной Церкви. Гл. I «Общие положения», п. 2 // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: https://sobor.patriarchia.ru/article/98941 (дата обращения: 29.10.2026).

[2] Определение Священного Собора Православной Российской Церкви «О православном приходе» от 7 (20) апреля 1918 г. (Приходский устав). Гл. I, п. 1 // Определения Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Азбука веры : православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/opredelenija-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg/#0_18 (дата обращения: 30.10.2026).

употребление в 1943 году, а в 1945 году было закреплено в Положении об управлении Русской Православной Церкви[3]. Применение этого наименования позволяет подчеркнуть историческую и каноническую преемственность РПЦ независимо от изменений государственного устройства и характера отношений с властью. При этом под РПЦ понимаются ее канонические структуры, тогда как документы обновленческих органов рассматриваются в связи с расколом, возникшим в ее среде, и государственной политикой в отношении РПЦ. При цитировании исторических документов, а также упоминании названий церковных учреждений и научных трудов сохраняется терминология соответствующей эпохи.

Историографический обзор. Несмотря на значительный объем исследований, посвященных религиозной политике советского государства, в том числе его взаимоотношениям с РПЦ, вопросы формирования и сохранения документального наследия этих взаимоотношений в Московской губернии/области до сих пор не подвергались самостоятельному комплексному анализу. Существующие исследования можно разделить на две основные группы в соответствии с их тематической направленностью: 1) работы по истории государственной политики в отношении религиозных объединений, включая РПЦ; 2) исследования, посвященные отдельным аспектам документального наследия этого периода.

Первая группа – исследования по истории религиозной политики советского государства и его взаимоотношений с РПЦ. Работы советского периода, изданные в СССР до начала 1990-х гг., отличались односторонностью в освещении данной проблематики. Публикации 1920–1930-х гг. носили преимущественно агитационно-пропагандистский характер. Религия рассматривалась с позиций марксистско-ленинской идеологии, а

[3] Положение об управлении Русской Православной Церкви : принято Поместным Собором Русской Православной Церкви 31 января 1945 г. [Электронный ресурс] // Древо : открытая православная энциклопедия. URL: https://drevo-info.ru/articles/17773 (дата обращения: 26.10.2026).

РПЦ, занимавшая особое место в дореволюционном российском обществе, изображалась как опора самодержавия и противник советской власти. Показательными примерами такого подхода служат работы Н.М. Лукина[4], А.И. Введенского[5], Ем. Ярославского[6]. Значительное место занимали публикации, посвященные изъятию церковных ценностей и борьбе с голодом 1921–1922 гг.[7]

Более взвешенный подход демонстрировали работы начала 1930-х гг., прежде всего практическое руководство Н.М. Орлеанского[8], посвященное вопросам правового положения религиозных объединений, и вышедшее в 1930 г. исследование Н.М. Никольского «История русской церкви»[9]. В их основе лежало стремление к систематизации фактического материала и его научному осмыслению. Вместе с тем исследовательский подход сочетался с господствовавшими идеологическими установками. Показательно, что сам Никольский, при подготовке второго издания своего труда в 1931 г., стремился, по его собственным словам, привести его в соответствие с «научными требованиями и ожиданиями советской общественности»[10]. Впоследствии книга неоднократно переиздавалась, в том числе в 1980-е гг., что свидетельствует о сохранении интереса к ней в советской исторической литературе.

---

[4] Лукин Н.М. (И. Антонов) Церковь и государство. М., Пг., 1918.

[5] Введенский А.И. Церковь и голод. М., 1922 ; Введенский А.И. Церковь Патриарха Тихона. М., 1923 ; Введенский А.И. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства. М., 1923.

[6] Ярославский Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М, 1925. 36 с. ; Ярославский Ем. Как родятся живут и умирают боги и богини. М., 1923. 48 с. ; Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. М., 1925. 388 с. ; Ярославский Ем. Агитационно-пропагандистская работа Р. К. П. (между XI-м и XII-м съездами). М., 1923.

[7] Горев М.В. Церковные богатства и голод в России. М., 1922. 8 с.; Зорин Д. Князья церкви и голод. Революция и церковь. Ростов н/Д, 1922. 68 с.

[8] Орлеанский Н. М. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М.: Безбожник, 1930. 223 с.

[9] Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Атеист, 1930. 248 с.

[10] Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 10.

С середины 1950-х гг., после XX съезда КПСС, характер исследований несколько изменился. Труды Р.Ю. Плаксина[11], Э.И. Лисавцева[12], Н.Ф. Зыбковца[13], А.И. Клибанова[14] можно рассматривать уже как исследовательские работы, в которых наряду с прежними идеологическими оценками предпринимались попытки научного изучения истории религии и деятельности религиозных организаций. Тем не менее положение верующих в советском государстве по-прежнему оценивалось преимущественно с позиций официальной атеистической идеологии. Период антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. ознаменовался активизацией издания литературы, тиражирующей устоявшиеся представления о роли религии в обществе. Лишь отдельные исследования – А.А. Шишкина[15] об обновленческом расколе или труд Ю.А. Розенбаума[16] о советском законодательстве в отношении религиозных организаций – обладают научной ценностью. Характерным примером официального подхода позднесоветского периода служит работа В.А. Куроедова, председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР, в которой развитие отношений государства с религиозными объединениями рассматривалось с позиций проводившейся им политики[17].

Особое место в историографии 1920–1980-х гг. занимают сочинения представителей русской эмиграции, а также исследования и свидетельства современников, опубликованные за пределами СССР. При различии авторских подходов их объединяет обращение к истории РПЦ в условиях советской власти. Авторы этих текстов, как правило, являлись современниками и непосредственными участниками противостояния РПЦ и

---

[11] Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. М., 1967. 193 с.
[12] Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М. : Мысль, 1971.
[13] Зыбковец Н.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917– 1921 гг.). М. : Наука, 1975.
[14] Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. 719 с.
[15] Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1970. 366 с.
[16] Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М. : Наука, 1985.
[17] Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М. : Политиздат, 1984.

советской власти либо опирались на свидетельства его участников. Важное значение этих материалов определяется возможностью обращения к событиям вне рамок официальной советской историографии. Вместе с тем ограниченный доступ к отечественным архивам и личная вовлеченность авторов нередко обусловливали субъективность оценок. К наиболее ранним попыткам осмысления советской религиозной политики такого рода относится исследование С.П. Мельгунова «Красный террор в России»[18], вышедшее в первой половине 1920-х гг. Ценные свидетельства содержатся в работе В.Ф. Марцинковского «Записки верующего»[19] и трудах протоиерея Димитрия Константинова[20]. Для подобных трудов характерна полярность личностных оценок происходившего. Например, протоиерей Михаил Польский в своих трудах последовательно отстаивал позицию непримиримости к лояльному курсу митрополита Сергия (Страгородского)[21].

Одной из первых попыток комплексного осмысления истории взаимоотношений РПЦ и советского государства стала монография Л.Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг.»[22]. Написанная отечественным автором, но увидевшая свет за рубежом, она заняла важное место в изучении церковной истории советского периода. В отличие от радикальных оценок эмиграции, Регельсон дал умеренную, взвешенную характеристику действиям митрополита Сергия. Не имея современных возможностей для верификации архивных данных, автор компенсировал это созданием обширного справочного аппарата: книга снабжена ценными приложениями со сведениями о епископате (с разделением на «сергианцев» и

[18] Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923. Берлин, 1924. 312 с.
[19] Марцинковский В.Ф. Записки верующего: из истории религиозного движения в Советской России (1917–1923). Прага, 1929. 224 с.
[20] Константинов Д.В., прот. Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР. Мюнхен, 1956. 78 с.; Константинов Д.В., прот. Русская православная церковь в СССР: сб. Мюнхен, 1962. 244 с.
[21] Польский М. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и заграницей. Джорданвиль. 1948. 196 с.
[22] Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945 гг. Париж, 1977. 625 с.

«непоминающих»), а также подробными биографическими справками и библиографией.

Качественно новый этап в изучении истории РПЦ начался с конца 1980-х гг. Празднование Тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. и последовавшее за ним открытие ранее засекреченных архивов создали условия для более полного изучения истории взаимоотношений РПЦ и советского государства. Публикации В.А. Алексеева и М.И. Одинцова[23] 1989 г. стали важным этапом пересмотра прежних представлений об этой проблематике. Последующие исследования 1990-х гг. этих же авторов[24], а также М.Ю. Крапивина[25], О.Ю. Васильевой и П.Н. Кнышевского[26] знаменовали отход от прежней парадигмы.

В постсоветской историографии традиционно выделяются труды светских и церковных авторов. В рамках церковной литературы концептуальный фон задают обобщающее исследование протоиерея Владислава Цыпина[27], уделяющего особое внимание вопросам канонической преемственности и организации высшего церковного управления, и очерки протоиерея Георгия Митрофанова[28], где представлен более критический взгляд на деятельность церковного руководства в условиях советской власти. Наиболее отчетливо различие их подходов проявляется в оценке деятельности митрополита Сергия (Страгородского), исполнявшего обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). Цыпин рассматривает проводившийся митрополитом Сергием

---

[23] Алексеев В.А. Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 41–44 ; Одинцов М.И. Другого раза не было (о встрече И.В. Сталина с руководством Русской православной церкви) // Наука и религия. 1989. № 2. С. 8–9.

[24] Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. : Россия молодая, 1992.

[25] Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Волгоград : Перемена, 1997.

[26] Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н. Красные конкистадоры. М. : Соратник, 1994.

[27] Цыпин В.А., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. 832 с.

[28] Митрофанов Г.Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. М., 2021. 528 с.

курс на легализацию высшего церковного управления, включая принятие Декларации 1927 г., преимущественно как попытку сохранить единство РПЦ и обеспечить продолжение ее деятельности в условиях гонений[29]. Митрофанов, напротив, связывает с последующими действиями митрополита Сергия усиление единоличного начала в церковном управлении и отступление от принципов соборности, подчеркивая при этом значение позиции несогласных с его курсом иерархов, в том числе митрополитов Кирилла (Смирнова), Агафангела (Преображенского) и Петра (Полянского)[30].

Однако совершенно особое место здесь занимают многолетние исследования архимандрита Дамаскина (Орловского), внесшего значительный вклад в выявление и систематизацию сведений о репрессированных священнослужителях и мирянах РПЦ. Сбор сведений о репрессированном духовенстве он инициировал еще в 1970-е гг. посредством полулегальных опросов, успев зафиксировать уникальные свидетельства уходящего поколения очевидцев. В период гласности этот массив устной истории был дополнен материалами из рассекреченных архивов, что позволило автору выработать собственную методологию[31]. Начав путь с анонимной брошюры, изданной в Монреале (1988)[32], Орловский перешел к созданию фундаментального многотомного свода «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия»,

---

[29] Цыпин В. А., прот. История Русской Церкви (1917–1997). Глава IV. Русская Церковь при Местоблюстителе патриаршего престола митрополите Петре и заместителе Местоблюстителя митрополите Сергии (1925–1936) [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/4 (дата обращения: 28.10.2026).

[30] Митрофанов Г. Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. М.: Практика, 2021. 528 с.

[31] Дамаскин (Орловский), игум. Методология и практические особенности исследования подвига новомучеников и исповедников Российских // XVII Международные Рождественские образовательные чтения / Прославление и почитание святых (Москва, 17 февраля 2009 г.) : материалы конференции. М., 2009. С. 12–25.

[32] Святитель Василий Кинешемский. 2-е изд., испр. и доп. Монреаль, 1988. 31 с.

первый том которого увидел свет в 1992 г.[33]. В дальнейшем публикация этого колоссального объема данных приобрела форму системного выпуска мартирологов. Жизнеописания начали группировать как по календарному принципу для богослужебного поминовения, так и по территориальному. Этот локально-географический подход имеет ключевое значение для исследования церковной истории Московского региона: именно в рамках данного проекта были детально реконструированы биографии новомучеников Балашихинских, Верейских, Наро-Фоминских, Воскресенских и других подмосковных приходов.

Среди светских исследователей необходимо отметить труды М.В. Шкаровского, посвященные истории Церкви в Ленинграде и окрестностях[34], исследования С.Л. Фирсова о взаимоотношениях власти и Церкви[35], труды М.И. Одинцова, вводившего в научный оборот многочисленные архивные документы[36]. Важный вклад внесли работы А.А. Кострюкова[37], А.Л. Беглова[38], О.В. Хлевнюка[39], И.А. Курляндского[40]. С 2000 г. начала издаваться многотомная Православная энциклопедия, в создании которой участвовали выдающиеся церковные историки, а

---

[33] Дамаскин (Орловский), иеромон. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992. 238 с.

[34] Шкаровский М.В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах: От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. 216. с. ; Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995. 207 с.

[35] Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014. 474 с. ; Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, Патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 1999.

[36] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М., 2014. 421 с.

[37] Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М., 2007. 398 с.

[38] Беглов А.Л. Русская православная церковь. XX век. М., 2015. 792 с.; Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.

[39] Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

[40] Курляндский И.А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки / Институт российской истории РАН. СПб., 2019. 376 с.

Гжельским государственным университетом издается многотомный труд «За Христа претерпевшие», посвященный истории РПЦ и политическим репрессиям 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Важную роль в подготовке издания играет доктор исторических наук В.В. Никонов. В нем собраны биографии духовенства и мирян, пострадавших в годы гонений на Церковь, сгруппированные по территориальному принципу. Русская Православная Церковь оценила проект как беспрецедентный по широте охвата и оригинальности исследовательской концепции[41].

Наряду с отечественными трудами существенное значение для разработки темы сохраняют исследования представителей русского зарубежья. Особое место в ней занимают труды представителей русской эмиграции (А. Краснов-Левитин[42], Д. Поспеловский[43], В. Мосс[44], Г. Рар[45] и др.). Привлекая документы русского зарубежья, а впоследствии и материалы открывшихся отечественных архивов, эти авторы смогли существенно расширить источниковую базу и предложить более глубокий, взвешенный взгляд на историю взаимоотношений РПЦ и советского государства.

Ярким примером такого подхода служат «Очерки по истории русской церковной смуты» А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова. Опираясь в том числе на опыт личного общения с лидерами обновленчества, исследователи показали сложную, двойственную природу этого явления. Авторы рассматривали обновленческий раскол в тесной связи с политикой советской власти, одновременно обращая внимание на дореволюционные предпосылки церковного реформаторства и неоднородность самого движения. Такой

---

[41] Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на годовом собрании духовенства и мирян 28 декабря 2018 г. // Московские епархиальные ведомости. 2018. № 12. С. 27.

[42] Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. 674 с.

[43] Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. 410 с.; Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. 412 с.

[44] Мосс В.Э. Православная церковь на перепутье. 1917–1999. СПб., 2001. 405 с.

[45] Рар Г.А. Плененная церковь. Франкфурт, 1954. 113 с.

подход позволяет разграничить стремления к церковным преобразованиям, существовавшие еще до революции, и деятельность обновленческих структур, получивших поддержку советских властей в условиях раскола.

Значительное внимание причинам и характеру гонений на РПЦ уделено в трудах канадского историка Д.В. Поспеловского. Рассматривая политику советской власти в отношении РПЦ, исследователь обращает внимание не только на ее идеологические основания, но и на особенности дореволюционного положения Церкви, в частности на зависимость ее управления от государственной власти в синодальный период[46].

В последние годы заметно усилился интерес к изучению истории взаимоотношений РПЦ и советского государства на региональном уровне[47]. В этом русле важное место занимают диссертационные исследования Ф.Н. Козлова[48], А.Г. Подмарицына[49] и Л.В. Табунщикова[50], где взаимодействие государства и Церкви рассматривается через призму конкретных территорий и показывается, как общесоюзные решения преломлялись в местной практике.

---

[46] Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1996. 408 с.

[47] Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона) : дис. … док. ист. наук. 07.00.02. Улан-Удэ, 2009. 491 с. ; Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Петрозаводск, 2006. 269 с.; Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир. : дис. … канд. ист. наук. 07.00.00, 07.00.02. М., 2006. 203 с.; Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв. : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Йошкар-Ола, 2003. 361 с.; Зин Н.В. Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг.: на материалах Владимирского края : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2010. 234 с.; Матющенко В.С. Старообрядчество в Приамурье в XIX – начале XXI в. : философско-религиоведческий анализ : дис. … канд. философ. наук. 09.00.13. Благовещенск, 2009. 225 с.; Молодов О.Б. Советское государство и русская православная церковь на Европейском Севере в 1960–1980-е годы : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Архангельск, 2006. 303 с.

[48] Козлов Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 – начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии) : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Саранск, 2009. 258 с.

[49] Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.) : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Самара, 2005. 252 с.

[50] Табунщикова Л.В. Политика советского государства в отношении Русской Православной Церкви на Дону (1920–1943 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. 5.6.1. Ростов н/Д, 2023. 595 с.

Параллельно расширяется и проблематика работ, посвященных особенностям церковной жизни в разных регионах СССР. Отдельные аспекты этого направления получили отражение в исследованиях А.В. Сапсая[51], М.В. Каиля[52], В.В. Вяткина[53] и других авторов. В них рассматриваются различные проявления государственной религиозной политики, в том числе деятельность Союза воинствующих безбожников[54], а также история обновленческого раскола и его влияние на положение РПЦ[55].

Однако при всей широте тематики большинство исследований сосредоточено на частных проявлениях государственно-церковного взаимодействия в рамках одного региона. Устройство и эволюция системы местных государственных органов, осуществляющих политику в отношении РПЦ, организация епархиального управления и корпус документов, отражающих деятельность этих органов и характер взаимоотношений между ними, освещены фрагментарно.

Среди трудов, представляющих наибольшую значимость для настоящего исследования, следует выделить диссертации, посвященные организации и деятельности центральных государственных органов, осуществлявших религиозную политику. В этой связи особую важность

---

[51] Сапсай А.В. Становление и деятельность православных общественных организаций Пермской епархии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. … канд. Теологии. 26.00.01. Пермь, 2019. 334 с.

[52] Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 – середине 1920-х гг. : эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Смоленск, 2011. 273 с.

[53] Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Пермь, 2005. 316 с.

[54] Покровская С.В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947) : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2007. 195 с.

[55] Аристова К.Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: первые уроки советской власти : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. Пенза, 2011. 239 с.

представляют труды А. В. Шкурина[56] и А. С. Кочетовой[57]. Основное внимание авторы уделяют аппарату Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) и Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, практически не затрагивая региональный уровень и организацию соответствующих структур на местах. Кроме того, из-за ограниченных хронологических рамок и относительной стабильности этих органов в указанных работах не прослеживается эволюция их структуры и документального обеспечения на разных этапах государственно-церковного взаимодействия, а историко-документальный аспект региональных практик фактически остается вне рассмотрения.

Устройству органов управления РПЦ на территории города Москвы посвящено исследование А.А. Борисюка «Система церковного управления на территории Москвы, 1918–1925 гг.»[58]. В нем детально прослеживается процесс формирования столичных органов церковной власти после Поместного Собора 1917–1918 гг. Вместе с тем хронологические рамки изыскания ограничены периодом деятельности Московского епархиального совета (1918–1925), а областная часть епархии оставлена вне поля зрения автора. Принципиально важно отметить и методологическую специфику: данное диссертационное исследование носит сугубо исторический характер. Основное внимание автора сосредоточено на истории формирования системы управления РПЦ в 1918-1925 гг. в городе Москве, тогда как комплексный источниковедческий анализ документов и история формирования соответствующих архивных фондов не составляют самостоятельного предмета исследования.

---

[56] Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг. : дис. … канд. ист. наук. 09.00.13. М., 2005. 224 с.

[57] Кочетова А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. 1929–1934 гг. : дис. … канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2012. 208 с.

[58] Борисюк А.А. Система церковного управления на территории Москвы 1918–1925 гг.: дис… канд. ист. наук. 5.6.1. М., 2022. 298 с.

Отдельным аспектам устройства центрального аппарата по управлению Московской епархией в 1926–1934 гг. посвящены статьи профессора, заместителя заведующего отделом новейшей истории Русской Православной Церкви ПСТГУ иерея Александра Мазырина[59].

В контексте исследования административно-репрессивного воздействия на приходскую жизнедеятельность в исследуемый период особого внимания заслуживает диссертация доктора исторических наук В.В. Никонова о политике Советского государства в отношении православных приходов Московской губернии (области) в 1918–1958 гг.

Самостоятельное направление в историографии образуют **труды, посвященные отдельным видам и комплексам историко-документального наследия.** Проблематика сохранения и изучения церковных архивов, как отмечает Е.В. Старостин, почти столетие оставалась под идеологическим запретом, что прервало богатые научные традиции[60].

Советская историография (Н.Л. Рубинштейн, В.Е. Иллерицкий, Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров) фактически игнорировала представителей церковной науки[61]. При этом документы, связанные с историей РПЦ, привлекались преимущественно специалистами по славянской письменности (В.М. Истрин, А.С. Орлов, Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев, Б.М. Клосс),

---

[59] Мазырин А. В. Священномученик митрополит Крутицкий Петр (Полянский) как управляющий Московской епархией (1924–1925) // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 7 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный ; Общество сохранения литературного наследия ; Изд-во ОРПК «Кадашевская слобода», 2010. С. 187–188; Мазырин А.В. Вопрос об управлении Московской епархией в период ее вдовства в 1925–1934 гг. // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 9 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный ; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. С. 179–186.

[60] Старостин Е.В. Архивное наследие Русской Православной Церкви: пути развития // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 161–170.

[61] См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941 ; Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957 ; Историография истории СССР под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева. М., 1961 ; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962 ; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

исследователями феодального землевладения (А.А. Зимин, И.А. Булыгин, В.И. Корецкий, С.И. Сметанина, А.И. Комиссаренко), а также историками взаимоотношений государства и РПЦ (В.И. Буганов, Я.Н. Щапов, С.С. Дмитриев). М.К. Любавский оказался единственным, кто включил сведения о церковных архивах в курс истории архивного дела, однако его лекции долгое время оставались неопубликованными[62].

В этом историографическом контексте особого внимания заслуживают диссертационные исследования Е.Ю. Нуйкиной «Документы судебно-следственного производства как источник для изучения религиозной политики Советского государства. 1917–1930 гг.»[63] и А.А. Савельева «Источники по истории христианских сект в Западном Забайкалье»[64]. Несмотря на различие рассматриваемых исторических процессов и конфессиональной принадлежности изучаемых религиозных объединений, эти работы демонстрируют возможности источниковедческого анализа документов, отражающих государственную политику в религиозной сфере.

Диссертационное исследование Е.Ю. Нуйкиной выделяется методологической проработанностью подходов к анализу судебно-следственной документации. Опираясь на опыт дореволюционной и советской историографии (работы М.В. Нечкиной, И.А. Мироновой, А.А. Зимина), автор разработала методику критического анализа следственных материалов с учетом специфики их создания, применила принцип перекрестного сопоставления данных и впервые обратилась к изучению эволюции документов следственного производства советского периода. Вместе с тем хронологические и тематические рамки данного исследования не позволили

---

[62] Старостин Е. В. Архивное наследие Русской Православной Церкви: пути развития // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. 2005. Вып. 1. С. 161–170.

[63] Нуйкина Е.Ю. Документы судебно-следственного производства как источник для изучения религиозной политики Советского государства. 1917–1930-е гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Е.Ю. Нуйкина. – М., 2019. – 228 с.

[64] Савельев А.А. Источники по истории христианских сект в Западном Забайкалье (30-е гг. XIX – начало XXI в.) : дис. … канд. ист. наук. 07.00.09. Улан-Удэ, 2014. 261 с.

охватить весь спектр документов, отражающих церковно-государственные отношения на протяжении всего советского периода. Вопросы систематизации различных видов документов государственно-церковного взаимодействия, их видового состава в динамике и информационного потенциала для реконструкции повседневного функционирования властных институтов и каналов взаимоотношений власти и религиозных организаций требовали дальнейшего комплексного исследования, что определило направление последующих работ в этой области. Разработанные Е.Ю. Нуйкиной подходы получили дальнейшее развитие в опубликованной в 2024 г. монографии «Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917–1930-е гг.): источниковедческое исследование», в которой более подробно рассмотрены видовой состав, информационный потенциал и особенности формирования соответствующих документальных комплексов[65].

Среди исследований, комплексно рассматривающих материалы судебно-следственного производства советского периода в контексте церковной истории и канонизационной практики, особое место занимает монография архимандрита Дамаскина (Орловского), посвященная возрождению института канонизации и особенностям прославления новомучеников XX в. в Русской Православной Церкви[66]. Опираясь на многолетние архивные изыскания и введенные в научный оборот ранее неиспользованные источники (прежде всего судебно-следственные и реабилитационные дела), автор обосновывает необходимость пофондового анализа и формирует источниковую базу, включающую документы его личного архива. Вместе с тем, поскольку в центре внимания находится

---

[65] Нуйкина Е. Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства Русской православной церкви (1917–1930-е гг.): источниковедческое исследование / отв. ред. Л. А. Лыкова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2024. 232 с.

[66] Дамаскин (Орловский), архим. Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви. История и современность. М. : Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». 2018. 526 с.

процедура канонизации, информативность документов судебно-следственного происхождения оценивается главным образом в этом контексте. Вопросы видового состава, формулярных особенностей, эволюции и систематизации различных видов документов государственно-церковного взаимодействия специально не рассматриваются.

Значимый вклад в разработку источниковедческих аспектов изучения судебно-следственной документации внесли работы З.П. Иноземцевой (в том числе подготовленные в соавторстве с С.Н. Романовой)[67]. Предметом специального рассмотрения в данных трудах стал эвристический потенциал архивно-следственных дел духовенства и мирян в контексте агиографических исследований. Несомненной исследовательской заслугой З.П. Иноземцевой является постановка сложной методологической проблемы – определения границ совместимости научной критики исторического источника с эмоционально-оценочными установками («идеологемами»), присущими канонизационному нарративу. В публикациях предложены конкретные алгоритмы работы с репрессивными материалами, основанные на специфической верификации данных и корректной постановке исследовательских вопросов к источнику.

Вместе с тем рассматриваемые работы ориентированы преимущественно на использование архивно-следственных документов при изучении судеб репрессированных священнослужителей и мирян РПЦ, в том

---

[67] См. подробнее: Иноземцева З. П. Архивный документ в агиографических исследованиях. Источниковедческий аспект // XXII Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 28 янв. 2014 г.) : материалы конф. М., 2014. С. 72–86 ; Иноземцева З. П., Романова С. Н. Дела по обвинению православного духовенства и мирян как исторический источник // Вестник архивиста. 2001. Спец. вып. : 2000-летию Рождества Христова посвящается. С. 112–131 ; Иноземцева З. П. Имеют ли историческую ценность судебно-следственные дела // Труды Регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». М., 2004. Вып. 1 : Новомученики XX века. С. 61–63 ; Иноземцева З.П. Искусство ставить вопросы. Архивно-следственные документы в агиографических исследованиях. Проблемы и решения // Журнал Московской Патриархии. 2014. № 4. С. 58–66 ; Иноземцева З.П. Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А.Б. Безбородова [и др.]. М., 2005. С. 170–178.

числе в связи с подготовкой материалов к канонизации. Вследствие этого судебно-следственные материалы анализируются авторами преимущественно в персонифицированном ключе – как источник сведений о судьбах конкретных репрессированных лиц. Проблемы комплексного документоведческого анализа, включающие систематизацию массивов делопроизводственной документации, изучение ее видовой динамики и отражения в ней механизмов повседневной реализации государственно-конфессиональной политики на различных исторических этапах, закономерно остались за пределами предметного поля данных изысканий.

Источниковедческий аспект изучения взаимоотношений РПЦ и советского государства получил развитие в работах, посвященных анализу документации партийных органов. Так, в монографии 2004 г. С.Г. Петров на материале секретного делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) за 1921–1925 гг. исследовал происхождение, состав и особенности оформления документов, отражающих политику советской власти в отношении РПЦ, а также проследил историю их формирования и сохранения в различных архивных фондах[68]. М.Е. Колесова в статье 2005 г., посвященной документам партийного происхождения второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., рассмотрела их информационный потенциал и особенности источниковедческой критики, уделив внимание материалам Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Автор показала, что в отличие от публичных партийных документов, предназначенных для пропаганды, внутренняя документация (протоколы Президиума ЦК, материалы Секретариата, записки отделов) содержала объективную информацию о состоянии РПЦ, необходимую для выработки управленческих решений[69]. Несмотря на более поздние

[68] Петров С. Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 408 с.

[69] Колесова М. Е. К вопросу об источниковедении документов партийного происхождения по истории Русской Православной Церкви второй половины 1950-х – начала 1960-х годов XX века // Вестник ПСТГУ. Серия II : История. История Русской Православной Церкви. – 2005. Вып. 4. С. 153–168.

хронологические рамки, ее исследование представляет методологический интерес для изучения партийной документации, отражающей взаимоотношения РПЦ и советского государства исследуемого нами периода.

В отечественной историографии фундаментальное значение для понимания судьбы документов Русской Православной Церкви в XX в. имеют труды Е.В. Старостина и Т.И. Хорхординой, внесшие существенный вклад в разработку теоретических и методологических основ изучения архивного наследия РПЦ. Исследования Е.В. Старостина сфокусированы на источниковедческой реконструкции разрозненных документальных комплексов РПЦ: в его трудах детально проанализирован процесс национализации, распыления и частичной гибели церковных архивов после 1917 г., а также разработана методика выявления православной документалистики (в том числе зарубежной) в фондах государственных хранилищ[70]. Т.И. Хорхордина в свою очередь помещает проблему сохранения церковно-исторического наследия в широкий институциональный контекст истории советского архивного строительства, исследуя государственную политику изъятия монастырских, синодальных и приходских архивов, механизмы их насильственной интеграции в Государственный архивный фонд (ГАФ) и специфику доступа к ним исследователей на протяжении советского столетия[71]. В совокупности работы этих ученых образуют комплексную основу, позволяющую современным историкам проследить весь путь формирования и трансформации источниковой базы по истории Церкви Новейшего времени.

Объект исследования – историко-документальное наследие взаимоотношений РПЦ и государства в Московской губернии (области) в

---

[70] См.: Старостин Е. В., Сидорова Н. Ю. Церковные архивы России (Из опыта создания справочника) // Вестник архивиста. 1993. № 1 (13) ; Старостин Е.В. Исследования архивного наследия Русской Православной Церкви в Историко-архивном институте // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М., 2001. С. 229–235.

[71] Хорхордина Т. И. История архивов и архивного дела в России : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2026. 626 с.

1918–1943 гг., представленное документами государственных органов, канонических подразделений РПЦ и обновленческих структур.

Предмет исследования – особенности формирования документальных комплексов, отражающих эти взаимоотношения, их видовой состав и информационный потенциал.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 по 1943 г. Нижняя граница определяется принятием 20 января (2 февраля) 1918 г. Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»[72], положившего начало коренному изменению правового положения РПЦ в советском государстве. Верхняя граница обусловлена встречей И.В. Сталина с митрополитами РПЦ 4 сентября 1943 г., ознаменовавшей пересмотр государственной политики в отношении ее канонических подразделений. Исследуемый период позволяет проследить основные этапы эволюции взаимоотношений РПЦ и советской власти – от первоначального противостояния и усиления гонений до начала изменения государственной политики в условиях Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки исследования определяются границами Московской губернии до административно-территориальных преобразований 1929 г. и Московской области после ее образования. На протяжении рассматриваемого хронологического периода административные границы региона неоднократно изменялись. Так, 14 января 1929 г. было принято решение об образовании Центрально-Промышленной области[73], 3 июня того же года получившей наименование Московской области[74]. Территория города

---

[72] Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373, 374.

[73] Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14 января 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 1–23. Отдел первый. М. Б. г. С. 139.

[74] Постановление Президиума ВЦИК «Об изменении наименования вновь образуемой Центрально-промышленной области» от 3 июня 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 41. Отдел первый. М. Б. г. С. 582.

Москвы, прежде входившая в состав Московской губернии, была выделена в самостоятельное административное образование 23 февраля 1931 г.[75] При этом изменения претерпевало и епархиальное деление РПЦ. Так, в 1918 г. была образована Московская епархия с центром в г Москве, в 1934 г. переименованная в Московскую и Коломенскую, а с 1943 г. вновь ставшая Московской[76].

Выбор Московской губернии/области в качестве территориальных рамок исследования обусловлен интересными особенностями управления РПЦ исследуемого региона, его близостью к центральным органам государственной власти и репрезентативным составом сохранившегося документального наследия. Расположение региона в непосредственной близости от столицы способствовало тесному взаимодействию центральных и местных органов власти при проведении антирелигиозной политики. Это позволяет проследить не только исполнение принятых решений, но и влияние практики их применения на последующие действия центральной власти. Не менее существенным обстоятельством являлся статус Московской епархии, входившей в Патриаршую область во главе с Патриархом Тихоном. В последующие годы управление епархией было связано с деятельностью Патриаршего Местоблюстителя и его заместителя, получившего в 1934 г. титул митрополита Московского и Коломенского. Благодаря данным обстоятельствам сохранившиеся в федеральных, региональных и ведомственных архивах документы государственных и церковных органов образуют репрезентативный источниковый комплекс. Он позволяет проследить эволюцию взаимоотношений РПЦ и государства от центрального до местного уровня, а также сопутствующие изменения в составе, формах и содержании документации.

---

[75] Постановление 2-го съезда Советов Московской области и пленума Моссовета «О предоставлении Москве статуса самостоятельной административно-хозяйственной единицы». 23 февраля 1931 г. // Вечерняя Москва. 25 февраля 1931 г. № 47 (2166).

[76] Православная энциклопедия. Московская епархия [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/2564192.html (дата обращения: 18.01.2026).

Целью исследования является комплексное изучение историко-документального наследия взаимоотношений РПЦ и государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг., выявление особенностей его формирования и информационного потенциала для исследования государственно-церковных отношений советского периода.

Достижению поставленной цели соответствуют основные задачи диссертационного исследования:

1. Систематизировать вертикаль государственных органов, осуществлявших антирелигиозную политику в Московской губернии/области, а также проследить изменения в управлении Московской епархией РПЦ в условиях применения законодательства о культах в 1918-1943 гг.

2. Проанализировать документы, отражающие административно-правовое регулирование жизнедеятельности Московской епархии РПЦ, политические репрессии духовенства и мирян, а также антирелигиозную пропаганду и агитацию в исследуемый период.

3. Проанализировать видовой состав, информационное содержание и особенности формирования документов канонических подразделений Московской епархии РПЦ и обновленческих церковно-административных структур.

4. Ввести в научный оборот комплекс архивных документов из федеральных, региональных и ведомственных архивов, характеризующих взаимоотношения РПЦ и советского государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы федеральных, региональных и ведомственных архивов. Весь корпус источников может быть разделен на несколько основных групп.

Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами и тематическими сборниками документов, изданными в последние десятилетия. Правовые основы государственной политики в религиозной сфере раскрывают декреты и ведомственные циркуляры, определявшие в том числе положение приходов РПЦ. Основополагающее значение имели Декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»[77] и Инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 г. о порядке его применения[78]. Последующее законодательство включало декреты и постановления ВЦИК и СНК РСФСР, циркуляры и инструкции различных ведомств. Особое значение имело Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»[79], существенно ограничившее деятельность религиозных общин[80].

Официальную нормативную базу в рамках этой группы источников органично дополняют опубликованные документальные материалы, введенные в научный оборот в последние десятилетия. Они позволяют проанализировать как внутрицерковную реакцию на действия властей, так и реальную практику применения советских законов. Особое значение имеет многотомное издание деяний Поместного Собора 1917–1918 гг.[81], а также тематические сборники: «Следственное дело

---

[77] Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373, 374.

[78] Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

[79] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. URL: https://istmat.org/node/22769 (дата обращения: 18.06.2026).

[80] Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д. Формирование законодательства о религиозных организациях в советский период // Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. 2022. № 9. С. 17–19.

[81] Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. : В 10 т. М. : Новоспасский монастырь, 1994–2000.

Патриарха Тихона»[82], «Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г.»[83], «Православная Москва в 1917–1921 гг.»[84] и др.

Особое значение имеют электронные базы данных. «Открытый список жертв политических репрессий» содержит биографические сведения о репрессированных с указанием источников информации, а база данных ПСТГУ «За Христа пострадавшие» – сведения о священнослужителях и верующих, подвергшихся репрессиям по религиозному признаку. Также важным источником информации о репрессированном духовенстве являются интернет-ресурсы «Православное духовенство», «Азбука веры» и «Древо».

Неопубликованные источники представлены материалами центральных, региональных и ведомственных архивов. Ключевое значение для понимания механизмов формирования и реализации антирелигиозной политики имеют документы центральных государственных и партийных органов советской власти, сосредоточенные в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Эти материалы позволяют проследить эволюцию государственной политики в отношении религии от выработки концептуальных установок до их практического воплощения на местах.

Документация органов, непосредственно осуществлявших контроль за деятельностью религиозных объединений РПЦ, представлена материалами VIII (V) отдела Наркомюста (фонд А-353 ГА РФ), который осуществлял надзор за проведением в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Эти документы содержат разъяснения по применению законодательства,

---

[82] Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / сост. и коммент. архим. Дамаскин (Орловский) и др. – М. : Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2000. 976 с.

[83] Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. : сборник документов / ПСТГУ. – М. : ПСТГУ, 2006. 303 с.

[84] Православная Москва в 1917–1921 гг. : сборник документов и материалов / Авт. Сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. М. : Изд-во Главархива, 2004. 696 с.

переписку с местными органами власти и позволяют выявить правовые механизмы давления на религиозные организации. Дополняют эту картину материалы Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (фонд Р-393 ГА РФ), фиксирующие административные аспекты регулирования религиозной жизни.

Особую ценность представляют протоколы и стенограммы заседаний Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (фонд 17 РГАСПИ), определявшей стратегические направления антирелигиозной политики. Анализ этих документов дает возможность реконструировать процесс принятия ключевых решений и понять логику партийного руководства в религиозном вопросе. Материалы Постоянной центральной комиссии по вопросам культов (при ВЦИК в 1929–1934 гг., при ЦИК СССР в 1934–1938 гг.; фонд Р-5263 ГА РФ) характеризуют применение законодательства о религиозных объединениях: протоколы заседаний, переписка с местными органами о закрытии храмов, налогообложении духовенства и регистрации религиозных обществ позволяют проследить формы административного воздействия на приходы РПЦ.

Документы Союза воинствующих безбожников (фонд Р-5407 ГА РФ) раскрывают систему массовой антирелигиозной пропаганды: программы воспитательной работы, образцы агитационных материалов, отчеты о деятельности на местах показывают масштаб и методы идеологического воздействия на население.

Репрессивную составляющую антирелигиозной политики раскрывают архивно-следственные дела органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД, составляющие фонд 10035 ГА РФ, а также значительный массив следственных материалов, хранящийся в ведомственном архиве – Центральном архиве ФСБ. Эти документы, несмотря на их тенденциозный характер и необходимость критического анализа, содержат уникальную информацию о настроениях

духовенства и верующих, формах религиозной жизни и противодействия проводившейся государством политике.

Важным дополнением к материалам государственных органов служат документы церковного происхождения из фондов канцелярии Патриарха Тихона и Священного Синода (РГИА. Ф. 831). Клировые ведомости храмов Московской губернии за 1922–1923 гг., документы о рукоположении священнослужителей, прошения о принятии в каноническое общение после отпадения в обновленческий раскол позволяют изучить деятельность канонических подразделений РПЦ, обстоятельства обновленческого раскола и процедуру возвращения в церковное общение.

Если документы центральных архивов позволяют понять общие направления политики, то материалы региональных архивов дают возможность проследить механизмы ее реализации на конкретной территории и выявить специфику местных условий. Основной массив документации по Московскому региону сосредоточен в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) и Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА Москвы).

Фонды местных органов власти – административных отделов Моссовета (ЦГАМО. Ф. 19), Московского уездного исполкома (ЦГАМО. Ф. 65), Московского Совета (ЦГАМО. Ф. 66), Московского областного Совета (ЦГАМО. Ф. 2157) – содержат богатый материал о повседневной практике взаимоотношений власти и религиозных общин РПЦ: процедуры перерегистрации, переписка о закрытии храмов, договоры о передаче церковного имущества. Эти документы демонстрируют, как общие директивы трансформировались в конкретные административные действия, какие препятствия возникали при их реализации, как местные власти решали возникавшие проблемы.

Особенно информативны материалы Комиссии по вопросам культа при Московском областном Совете (ЦГАМО. Ф. 4570), включающие справки о

действующих приходах, жалобы верующих, переписку с районными Советами. Эти документы позволяют выявить позицию верующих, способы защиты ими своих интересов и последствия административных мер.

С исследованием положения РПЦ под воздействием государственной политики непосредственно связаны и документы обновленческого Московского епархиального управления (ЦГА Москвы. Ф. 2303). Протоколы заседаний, переписка с центральными органами и материалы обновленческого собора 1923 г. позволяют проследить деятельность структур, возникших в результате раскола в среде РПЦ при поддержке советской власти, и их отношения с государственными органами.

Важным комплексом источников, раскрывающим механизмы государственного давления на духовенство, выступают дела революционных трибуналов Московской губернии (ЦГАМО. Ф. 4612 и Ф. 4613). Содержащиеся в них судебно-следственные материалы отражают преследование духовенства и верующих, а также особенности раннесоветского судопроизводства. В ряде изученных дел первоначально вынесенные суровые приговоры, включая высшую меру наказания, впоследствии пересматривались в сторону смягчения, в том числе вследствие применения амнистий. Эти материалы позволяют проследить особенности применения репрессивных мер в отношении духовенства и верующих РПЦ, не сводя их к единой модели судебной практики.

Агитационно-пропагандистский аспект антирелигиозной политики наиболее полно представлен в материалах периодической печати, хранящихся в фондах Российской государственной библиотеки (РГБ) и Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ). Центральные издания, прежде всего газета «Безбожник», транслировали официальную идеологическую линию и формировали образцы антирелигиозной риторики. Региональная пресса – уездные и районные газеты Московской губернии и области («Новый пахарь» (Можайск), «Богородский рабочий», «Наша правда»

(Дмитров), «Красный луч» (Звенигород) и др.) — позволяет проследить, как центральные установки адаптировались к местным условиям, какие темы и формы воздействия использовались для разных аудиторий.

Анализ эволюции публикаций антирелигиозной направленности дает возможность выявить изменения в тактике идеологического воздействия на верующих, установить, какие аргументы и приемы использовались в разные периоды. Дополнительно привлекавшиеся брошюры, плакаты, научно-популярные пособия и учебники антирелигиозной направленности характеризуют систему массовой пропаганды в ее визуальных и текстовых формах.

Важным дополнением к делопроизводственной документации служат статистические и справочные издания: статистические сборники Московской губернии, ведомственные отчеты, административно-территориальные справочники, позволяющие количественно оценить происходившие изменения и сопоставить статистические сведения с данными других источников.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных принципов и специальных методов документоведения и архивоведения. Основополагающим является принцип историзма, позволяющий рассмотреть исторические процессы в их развитии и установить особенности формирования документального наследия на разных этапах исследуемого периода. Принцип объективности требует учета всей совокупности факторов, влиявших на создание документов и формирование архивных фондов. Принцип комплексности предполагает привлечение и сопоставление различных типов и видов источников для решения исследовательских задач.

В работе применяется проблемно-хронологический метод, позволяющий последовательно проследить изменения во взаимоотношениях РПЦ и государства и в составе отражающих их документов. Историко-

сравнительный метод дает возможность выявить общие закономерности и региональные особенности формирования документации. Системный анализ направлен на выявление внутренних причинно-следственных связей между изменениями в системе государственных и церковных органов и особенностями их делопроизводства.

Использованы специальные методы источниковедческого анализа и критики документов. Особое внимание уделяется изучению происхождения документов, условий их создания, авторства и степени достоверности содержащейся в них информации.

Применяются методы архивоведения, направленные на изучение принципов формирования архивных фондов в условиях антирелигиозной политики советского государства. В рамках этого подхода анализируются факторы, влиявшие на сохранность документов, причины утрат и рассредоточения документальных комплексов по различным архивохранилищам.

Научная новизна исследования состоит в комплексном архивоведческом и источниковедческом анализе документального наследия взаимоотношений РПЦ и советского государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг. В работе раскрыта специфика формирования этого комплекса источников в период изменения правового положения РПЦ и усиления государственного воздействия на ее деятельность, а также реконструирована система государственных органов региона, реализовывавших антирелигиозную политику.

Получены новые сведения об эволюции делопроизводства изучаемых государственных и церковных органов. На основе широкого круга источников прослежена трансформация административно-правового регулирования приходов: от простых имущественных договоров до унифицированных форм учета духовенства и верующих. Наряду с этим изучены закономерности развития местной агитационно-пропагандистской периодики и

охарактеризованы этапы становления судебно-следственной документации репрессивных органов.

Самостоятельную новизну представляет анализ видового состава документов управления Московской епархии РПЦ и обновленческих органов, позволивший установить связь между условиями сохранения этих материалов и государственным воздействием на церковную жизнь. Важным итогом исследования стала систематизация профильных фондов и введение в научный оборот значительного массива ранее не публиковавшихся материалов из федеральных, региональных и ведомственных архивов.

Теоретическая значимость работы. Результаты исследования расширяют представления о формировании документальных комплексов в условиях государственного воздействия на деятельность РПЦ. Выявленные закономерности эволюции практик документирования государственных органов и канонических подразделений РПЦ могут быть использованы при изучении других периодов отечественной истории.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов в нескольких направлениях. Материалы исследования могут применяться в курсах лекций по истории РПЦ в советский период, ее взаимоотношениям с государством, истории Московской губернии/области, источниковедению и архивоведению. Выявленные архивные материалы и их систематизация создают основу для дальнейших исследований по истории РПЦ в советский период.

Результаты работы представляют интерес для практики архивного дела. Реконструкция состава и содержания документального наследия взаимоотношений РПЦ и советского государства способствует совершенствованию научно-справочного аппарата архивов и облегчает поиск документов по данной тематике.

Материалы исследования могут быть использованы для изучения истории приходов РПЦ Московской губернии/области в XX в. Выявленные

биографические данные священнослужителей и мирян могут использоваться при подготовке приходских летописей и краеведческих изданий. Результаты работы представляют интерес для епархиальных архивов и музеев.

Методология исследования и введенные в научный оборот источники расширяют направления последующих исследований по истории РПЦ XX в. Выявленные особенности формирования историко-документального наследия позволяют применить разработанные подходы к исследованию других регионов, что открывает перспективы для сравнительных региональных исследований.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Первая глава посвящена реконструкции взаимоотношений РПЦ и советского государства в Московской губернии/области, включая организацию антирелигиозной деятельности государственными органами, устройство Московской епархии РПЦ и развитие законодательства о культах. Вторая глава содержит анализ историко-документального наследия государственной политики в отношении РПЦ по трем основным направлениям: регулирование жизнедеятельности приходов, антирелигиозная пропаганда и агитация, политические репрессии. Третья глава посвящена формированию и систематизации комплекса историко-документального наследия органов управления Московской епархии РПЦ с привлечением документов обновленческих органов, связанных с историей раскола и государственной политикой в отношении РПЦ. В заключении формулируются основные выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В Московской губернии/области система государственных органов, реализовывавших антирелигиозную политику, прошла три этапа институциональной трансформации: в 1918–1922 гг. несколько ведомств (Наркомюст, НКВД, ВЧК–ГПУ, губернские и уездные исполкомы) действовали параллельно, часто проводя противоречивую политику; в 1922–1929 гг. произошла централизация управления через создание Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б), координировавшей выработку и проведение партийного курса; в 1929–1943 гг., после принятия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (1929), ужесточение религиозного законодательства сопровождалось созданием в Московской области Комиссии по вопросам культов (1931), которая не обеспечила систематического контроля за действиями местных властей, рассматривая нарушения преимущественно по указаниям центральных органов после поступления жалоб верующих. На фоне формального характера ее деятельности определяющую роль в реализации антирелигиозной политики приобрели органы ОГПУ–НКВД. В 1943 г. начался пересмотр государственной политики в отношении РПЦ в сторону смягчения репрессивного курса и перехода к официальному взаимодействию при сохранении государственного контроля. Каждому этапу соответствует особый комплекс документов, сосредоточенный в определенных архивных фондах Московского региона.

2. В 1918–1943 гг. система управления Московской епархией РПЦ отличалась организационной нестабильностью, обусловленной давлением советской власти, в том числе поддержкой обновленческого раскола. В 1918–1921 гг. действовал Московский епархиальный совет, после прекращения официальной деятельности которого отдельные управленческие функции продолжала выполнять канцелярия управляющего епархией. В 1923–1925 гг. совет возобновил работу, а в конце 1925 г. управление перешло к московским

викариям – сначала к триумвирату (до мая 1926 г.), затем к отдельным архиереям. В 1927–1934 гг. управление епархией преимущественно осуществляли викарные архиереи по поручению Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, который в 1931–1932 гг. временно принимал руководство на себя. В 1934 г. были уточнены полномочия областных архиереев в системе управления РПЦ, учитывавшей административно-территориальное деление СССР. Тогда же митрополит Сергий (Страгородский) возглавил Московскую кафедру с титулом Московского и Коломенского, получив право самостоятельно определять распределение обязанностей по управлению Московской епархией. Репрессии 1937–1938 гг. практически разрушили сложившуюся систему. Параллельно с каноническими органами действовали обновленческие структуры, активно поддерживаемые государством в 1922–1927 гг. и имевшие самостоятельное делопроизводство. Его материалы отражают становление обновленческих структур в 1922–1923 гг., последующее упорядочение их деятельности и постепенный упадок обновленческого движения в 1930-е – начале 1940-х гг.

3. Историко-документальное наследие, отражающее государственную политику в отношении РПЦ на территории Московской губернии/области, включает три основные группы источников: документы административно-правового регулирования деятельности религиозных обществ (договоры о передаче имущества, регистрационные дела, списки духовенства, материалы о закрытии храмов); материалы антирелигиозной пропаганды (документы Союза воинствующих безбожников, публикации периодической печати); документы об ограничении прав и политических репрессиях в отношении духовенства и верующих (списки лишенных избирательных прав, архивно-следственные дела).

4. Регистрационная документация религиозных обществ Московской губернии/области эволюционировала от преимущественного учета церковного имущества к систематическому сбору персональных данных

духовенства и верующих. В начале 1920-х гг. в регистрационных делах преобладали подробные описи церковного имущества и договоры о передаче культовых зданий. К концу десятилетия состав документов значительно расширился: все большее место занимали развернутые анкеты священнослужителей, списки членов церковных советов и активных прихожан. После принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» в 1929 г. регистрационные процедуры стали более регламентированными, в том числе благодаря унификации документальных форм. Собираемые персональные данные использовались не только для административного надзора, но и при осуществлении репрессивных мер. После 1930 г. резко возросло количество дел, содержащих переписку о закрытии храмов в Московской области.

5. Антирелигиозная пропаганда в Московской губернии/области прошла путь от эпизодических и неоднородных по содержанию публикаций первых послереволюционных лет к систематической деятельности, осуществлявшейся через местную периодическую печать, партийные органы и организации Союза безбожников. С 1923 г. в уездных газетах закрепилась постоянная рубрика «Уголок безбожника», а к концу десятилетия антирелигиозные публикации приобрели выраженную политическую направленность: духовенство РПЦ все чаще представлялось противником советской власти и социалистического строительства. Вместе с тем анализ документов уездных и районных организаций Союза безбожников (с 1929 г. – Союза воинствующих безбожников) выявил существенное расхождение между декларируемыми масштабами пропагандистской деятельности и ее фактической результативностью на местах. Несмотря на расширение организационной сети и рост отчетных показателей, многие ячейки действовали формально, а намеченные мероприятия систематически не выполнялись. В начале 1940-х гг. в связи с началом Великой Отечественной войны и на фоне изменения государственной политики в отношении РПЦ

наблюдалось заметное сокращение антирелигиозной тематики местной периодической печати и постепенное свертывание деятельности организаций Союза воинствующих безбожников.

6. Состав и оформление судебно-следственных дел духовенства и мирян Московской губернии/области менялись в зависимости от характера репрессивной политики государства. В материалах 1918–1934 гг. встречается развернутая процессуальная документация, включая протоколы допросов, очных ставок, экспертные заключения и обвинительные материалы. В годы Большого террора (1937–1938) массовый характер репрессий сопровождался упрощением и унификацией следственного производства. Для дел, рассматривавшихся тройками НКВД, характерны краткие обвинительные заключения, стандартизированные анкеты и протоколы допросов, выписки из протоколов заседаний троек. После 1938 г. в исследованных материалах отмечается более подробное оформление отдельных процессуальных документов, что само по себе не свидетельствует о восстановлении процессуальных гарантий.

7. Сохранность документального наследия органов управления Московской епархии РПЦ в 1918–1943 гг. во многом зависела от степени государственного давления. В 1918–1922 гг. патриаршее епархиальное управление оставило сравнительно полный комплекс документов (решения высшей церковной власти, текущая переписка, материалы о рукоположениях и перемещении духовенства, клировые ведомости, послужные списки). После ареста митрополита Петра (Полянского) в конце 1925 г. устойчивость епархиального делопроизводства была нарушена: документы рассредоточивались по викариатствам, изымались при арестах архиереев и частично утрачивались. С середины 1930-х гг. из-за репрессий и закрытия приходов систематическое ведение документации оказалось существенно затруднено. Поэтому сведения об управлении Московской епархией за 1934–1943 гг. и отдельные документы ее канонических подразделений сохранились

в том числе в фондах советских органов, представленных в федеральных, региональных и ведомственных архивах: в материалах о перерегистрации религиозных обществ, в архивно-следственных делах органов государственной безопасности (изъятые циркуляры, послужные списки, документы о назначениях), в материалах комиссий по вопросам культов (до 1938 г.). Такое рассредоточение стало следствием государственного давления, сопровождавшегося разрушением сложившейся системы епархиального управления.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования отражены в 6 научных публикациях, в том числе 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными целью и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Государственно-церковные отношения в Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

1.1. Организация антирелигиозной деятельности государственными структурами на территории Московской губернии в 1918–1929 гг.

Правотворческая деятельность большевистского правительства с первых дней после октября 1917 г. была нацелена на радикальное изменение взаимоотношений между государством и религиозными объединениями, включая РПЦ. Руководствуясь антирелигиозной идеологией, власть рассматривала партию как инструмент освобождения общества от религиозного влияния, следуя убеждениям К. Маркса и В.И. Ленина о необходимости борьбы с «религиозным одурачиванием» масс посредством атеистической пропаганды и классовой борьбы[85].

Первоначальные шаги новой власти были направлены прежде всего на институциональное подчинение Церкви государству. Декретом от 26 октября 1917 г. были национализированы все церковные и монастырские земли, а 15 ноября того же года принята Декларация прав народов России, закрепившая трудовую обязанность для всех, включая духовенство[86]. Вскоре все духовные учебные заведения были переданы в ведение Наркомпроса, преподавание церковных дисциплин оказалось под запретом, а декабрьские декреты 1917 г. лишили церковь права регистрации актов гражданского состояния. Согласно постановлению СНК, деятельность Управления духовного ведомства в армии была прекращена, а 20 января 1918 г. Наркомат государственного призрения своим распоряжением прекратил выдачу денег на содержание духовенства, церквей и проведение религиозных церемоний[87].

---

[85] Ленин В.И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. Т. 12. М. : Издательство политической литературы, 1968. С. 143.

[86] Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. М., 1985. С. 38.

[87] Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. Самара, 2005. На правах рукописи. С. 52–61.

Самым важным нормативным актом стал Декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[88]. Этот документ, ставший краеугольным камнем всей последующей антицерковной политики, имел своей идеологической основой положения программы РСДРП, принятой на II съезде партии (1903 г., Брюссель – Лондон), где наряду с требованиями неограниченной свободы совести и отделения Церкви от государства и школы от Церкви указывалось на необходимость конфискации монастырских и церковных имуществ[89]. Данный документ ознаменовал начало законодательного и планомерного похода против Церкви.

Ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г. закрепила данные принципы на высшем законодательном уровне, провозгласив: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»[90].

Для практической реализации положений декрета потребовалось создание специализированного бюрократического аппарата. 8 апреля 1918 г. при Народном комиссариате юстиции (Наркомюсте) была образована Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства[91]. Однако комиссии не хватало оперативности, и 8 мая 1918 г. постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) при Наркомюсте был создан VIII («ликвидационный») отдел во главе с Петром Ананьевичем Красиковым (1870–1939) – старым большевиком, членом партии с 1893 г., юристом по

---

[88] Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373, 374.

[89] Взаимодействие СНК и Наркомюста в разработке политики по отделению церкви от государства (октябрь 1917 – начало 1918 г.) // XXII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М. : Издательство ПСТГУ, 2012. Т. 1. С. 69 (Милякова Лидия Борисовна).

[90] Конституция РСФСР 1918 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/ (дата обращения: 21.09.2025).

[91] См.: Одинцов М.И. Хождение по мукам // Наука и религия. 1990. №5. С. 8.

образованию. Красиков, занимавший этот пост до 1924 г., стал главным идеологом и практиком антицерковного законодательства первых лет советской власти. В 1921 г. в связи с реорганизацией Наркомюста отдел был переименован в V, под этим номером он действовал до упразднения в 1924 г. При губернских отделах юстиции создавались подотделы и комиссии для реализации декрета.

Основные функции отдела заключались в контроле за реализацией декрета местными исполкомами, разборе возникавших прецедентов и правотворческой работе по разъяснению, дополнению и развитию его положений[92]. Уже в 1918 г. эти задачи были институционально закреплены Инструкцией от 24 августа «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»», конкретизировавшей механизмы его исполнения на местах и тем самым определившей основания для последующего надзора и рассмотрения жалоб Наркомюстом[93]. Вместе с тем документ содержал нормы, которые в правоприменительной практике нередко провоцировали конфликты.

Так, весной 1919 г. в Бронницком уезде Московской губернии развернулся спор вокруг крестного хода с Иерусалимской иконой Божией Матери, выявивший конфликтный потенциал норм, регулирующих публичные религиозные действия. Бронницкий Совдеп запретил шествие. В апреле адвокат и церковный правозащитник Н.Д. Кузнецов обратился в VIII отдел Наркомюста с просьбой отменить это решение, однако ходатайство было отклонено, и крестный ход не состоялся. 28 мая 1919 г. вопрос был вынесен на межведомственный уровень. Управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич направил материалы В.И. Ленину и настаивал на пересмотре запрета, мотивируя это соображениями общественного

---

[92] ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 689. Л. 2.

[93] Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

спокойствия и эпидемиологической обстановки. Однако Наркомюст снова подтвердил отсутствие правовых оснований для отмены постановления местной власти[94]. Летом 1919 г. после повторного обращения бронницкой православной общины[95] Московский губисполком уведомил уездные органы о допустимости крестного хода при условии недопущения политических выступлений[96]. Эпизод показывает, что Наркомюст выступал преимущественно как инстанция по жалобам на решения исполкомов и, как правило, их подтверждал. Отмена запрета была достигнута в рамках советской административной вертикали на губернском уровне.

Если «ликвидационный» отдел Наркомюста осуществлял общий контроль за соблюдением законодательства о культах, то задача его практической реализации на местах возлагалась на Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД), созданный 20 октября 1917 г. Для ее решения при центральном аппарате НКВД было образовано Организационно-административное управление, в составе которого действовало несколько отделов[97]. В рамках государственно-церковного взаимодействия ключевую роль играли два отдела: *«инструкторско-информационный»* и *«отдел общих дел»*.

«Инструкторско-информационный отдел» осуществлял связь местных исполкомов с ВЦИК и СНК, контролировал проведение выборов в Советы и их исполнительные органы. Согласно ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г., избирательных прав лишались монахи, священно- и церковнослужители, а также частные торговцы, коммерческие посредники и лица, которые использовали наемный труд, живущие на нетрудовые доходы[98]. Критерии,

---

[94] ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 737. Л. 235.
[95] ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 468. Л. 14–14 об.
[96] Там же.
[97] Кокурин А. И., Петров Н. В. Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960 : справочник. М. : МФД, 1997. С. 7.
[98] Конституция РСФСР 1918 г. // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/0257344edab1af5a18841e154a3312f4/ (дата обращения: 21.09.2025).

которыми руководствовались при составлении «Списка лишенных избирательных прав», колебались в зависимости от социально-экономического курса.

Согласно статистическим данным, на территории Московской губернии/области процент лишенцев по религиозным мотивам в различных уездах составлял в среднем около 15% от общего числа лишенных избирательных прав[99]. Тяжелые условия существования, создавшиеся советской властью для указанной категории граждан[100], заставляли последних стремиться к восстановлению в правах. Материалы Межведомственной комиссии при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах гражданства (ГА РФ. Ф. Р-5404) содержат многочисленные прошения священнослужителей и членов церковных советов о восстановлении их в правах, большинство из которых оставались без удовлетворения.

«Отдел общих дел» НКВД регулировал использование молитвенных домов и при участии органов местной милиции контролировал исполнение заключаемых договоров между религиозной общиной и местными исполкомами[101]. Эта повседневная административная работа отражена в фондах административных отделов исполкомов Московской губернии (ЦГАМО. Ф. 19; 65; ЦГА г. Москвы. Ф. 1215), содержащих договоры о предоставлении храмов в пользование с приложениями и инвентарными описями. Эволюция данного комплекса документов и связанных с ним процедур будет рассмотрена в § 2.1. Одновременно в рамках той же

---

[99] Никонов В.В. Политика советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история / науч. конс. А.А. Киличенков ; ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». М., 2024. На правах рукописи. С. 287.

[100] Богданович Л.А. Конституция 1918 года о правах священно-церковнослужителей // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 90–93.

[101] Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР. 24 мая 1922 г. // История России в документах [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170623-polozhenie-vtsik-i-snk-rsfsr-ob-nkvd-rsfsr-24-maya-1922-g - mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 09.09.2025).

компетенции, опираясь на разработанное Наркомюстом законодательство о культах, *«отдел общих дел»* применял ограничительные меры. Если деятельность общины признавалась выходящей за установленные рамки, местные органы могли инициировать ее ликвидацию в одностороннем порядке, включая изъятие молитвенного здания. Нормативным основанием, в частности, служил циркуляр Наркомюста от 3 января 1919 г., допускавший передачу культовых помещений под социально значимые нужды (жилищные, культурные, медицинские и учебные)[102].

Судебное преследование духовенства и верующих в 1917–1922 гг. осуществляли революционные трибуналы. В Московской губернии с 1918 г. действовало два революционных трибунала: Московский и Московский губернский. В 1921 г. они были объединены в единый Московский революционный трибунал[103]. Согласно Инструкции Наркомюста «О порядке деятельности революционных трибуналов», трибуналы при вынесении приговоров должны были руководствоваться «обстоятельствами дела и велениями революционной совести»[104]. Постановление Наркомюста от 16 июля 1918 г., значительно расширило полномочия революционных трибуналов, которые, помимо наложения штрафов, лишения свободы, удаления из столицы, лишения политических прав и принуждения к обязательным общественным работам[105], с этого момента могли выносить

---

[102] Циркуляр Наркомюста РСФСР по вопросу об отделении церкви от государства. 3 января 1919 г. // Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР : Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. М., 1926. С. 654–658.

[103] Никонов В.В. Политика Советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.: дис. ... докт. ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история. М., 2024. На правах рукописи. С. 476.

[104] Инструкция Народного комиссариата юстиции о порядке деятельности революционных трибуналов. 17.12.1917 г. // ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2 об.

[105] Титков В.И. Революционные трибуналы как органы политической борьбы // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 71–83.

смертные приговоры, не подлежавшие обжалованию и без привлечения свидетелей[106].

Материалы революционных трибуналов Московской губернии (ЦГАМО. Ф. 4612; 4613) содержат уникальные сведения о первых репрессиях против духовенства. Так, в деле о контрреволюционном восстании в Звенигороде 15 мая 1918 г. главными обвиняемыми выступили игумен Макарий (Попов) и священник Василий Державин, получившие бессрочное лишение свободы с тяжелыми работами. Характерно, что уже к концу 1919 г. все осужденные по этому делу были освобождены, что свидетельствует о непоследовательности репрессивной политики на начальном этапе (см. § 2.3).

С завершением активных действий на фронтах Гражданской войны претензии на ведущую роль в регулировании взаимоотношений между государством и РПЦ высказали силовые структуры в лице руководителя Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Феликса Эдмундовича Дзержинского (1877–1926). «...Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой, – указывал он в 1921 г. в письме М.И. Лацису. – Официальные или полуофициальные сношения с попами недопустимы... Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов. Связь какая бы то ни была с попами других органов бросит на партию тень – это опаснейшая вещь»[107]. В этой связи на базе ВЧК был создан особый Секретный отдел (с февраля 1922 г. – Секретный отдел при ГПУ). С 1921 г. при отделе формируются отделения, одно из которых (№ 6) осуществляло наблюдение за оппозиционными партиями и антисоветски настроенным

---

[106] Декрет ВЦИК о Революционных трибуналах. 18 марта 1920 г. // Известия ВЦИК. 1920. № 67.

[107] Московские новости. 1991. № 45. 10 ноября ; Подмарицын А. Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917-1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история / Самарский государственный университет ; науч. рук. Е.П. Баринова. Самара, 2005. На правах рукописи. С. 101.

духовенством[108]. Руководителю 6-го отделения, которым с 1922 по 1930 г. был Евгений Александрович Тучков (1892–1957), подчинялись сотрудники, занимавшиеся «церковниками» при местных отделах ВЧК (позднее – ГПУ)[109]. В Московской губернии делами духовенства и верующих занимался губернский отдел ГПУ, в уездах – уполномоченные Мосгуботдела. Поскольку преследование по религиозному признаку противоречило Конституции, духовенству, как правило, вменяли контрреволюционную статью 58 УК. Это подтверждается материалами Московского губернского суда (ЦГАМО. Ф. 5062) и следственными делами духовенства (ГА РФ. Ф. 10035; Центральный архив ФСБ), подробному анализу которых посвящен § 2.3 настоящего исследования.

Помимо административно-правового регулирования и репрессивного воздействия, важное место занимала работа на идеологическом фронте. Для ее реализации в 1920 г. начинает функционировать Отдел пропаганды и агитации при ЦК РКП(б)[110]. С этого момента антирелигиозная пропаганда и агитация становится одним из приоритетных направлений в области государственно-церковного взаимодействия. В составе Отдела была образована Комиссия по антирелигиозной пропаганде и агитации, в которую входили представители агитпропа, Московского комитета РКП(б), VIII отдела Наркомюста, ЦК РКСМ, Наркомпроса и ГПУ[111].

Комиссия разрабатывала директивы, которые по представлению агитпропа утверждались ЦК РКП(б). Силами комиссии проводилась

---

[108] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 93.

[109] Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук. 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации ; науч. рук. О. Ю. Васильева. М., 2005. На правах рукописи. С. 73-74.

[110] Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского – Ульяновского края) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история / ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова» ; науч. рук. И.А. Чуканов. Ульяновск, 2020. На правах рукописи. С. 100.

[111] Конфессиональная политика Советского государства Т. 3. М., 2018. С. 356.

разработка агитационных кампаний против религии[112], средств, форм и методов пропаганды, подготовка текстов тезисов для агитаторов, брошюр и другой антирелигиозной литературы[113]. Кроме того, члены Комиссии разрабатывали опросники и анкеты для отчетов местных партийных отделов агитации о проведении антирелигиозной пропаганды в губерниях[114]. В ведении комиссии также находился вопрос взаимодействия с различными церковными группами – «Живой церковью» и группой «Возрождение церкви»[115].

Уже с 1919 г. в качестве важного метода антирелигиозной пропаганды широко использовалась дискредитация РПЦ в печатных изданиях и плакатах. Тиражи подобных изданий всесоюзного характера исчислялись несколькими тысячами и сотнями тысяч экземпляров[116], а в Московской губернии – несколькими сотнями, а в более позднее время – тысячами экземпляров[117]. Поначалу издательская деятельность носила децентрализованный характер: тексты не были выдержаны в духе антирелигиозной пропаганды[118] и освещали события местного уровня[119].
С 1919 г. в связи с начавшейся кампанией по вскрытию мощей – то есть когда четко наметился стратегический курс советских органов власти – в уездных

---

[112] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 438. Л. 13.
[113] Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2014. С. 117.
[114] Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского – Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история / ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» ; науч. рук. И.А. Чуканов. Ульяновск, 2020. На правах рукописи. С. 100.
[115] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 15.
[116] Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ-Религия. 30.10.2002 ; Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. М., 1931 (20 тыс. экз.) ; Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. М., 1932 (7 тыс. экз) ; Князев И. Как попы и кулаки боролись с колхозом. М., Л., 1930. (250 тыс. экз); Ярославский Ем. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., 1925 (5 тыс. экз).
[117] Никонов В.В. Политика Советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг.: дис. ... докт. ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история. М., 2024. На правах рукописи. С. 287.
[118]Брак в Советской России // Каширские известия. Еженедельный орган Уисполкома и Уездн. Комит. Р. К. П. (больш.). 1920. № 11.
[119] Венчальный бред // Там же. № 2.

изданиях Московской губернии появляются тексты, скопированные из центральных печатных изданий[120] (см. § 2.2).

19 марта 1922 г. была создана Центральная комиссия по изъятию церковных ценностей[121] под председательством Льва Давидовича Троцкого (1879–1940), действовавшая от имени Центральной Комиссии Помощи голодающим (ПОМГОЛ)[122]. Для информационного сопровождения кампании при агитпропе была образована комиссия «по вопросу о листовках и брошюрах по кампании изъятия церковных ценностей»[123]. Возглавляемая Троцким Центральная комиссия претендовала на ключевую роль в регулировании государственно-церковных отношений[124].

Архивные материалы центральных органов Комиссии по изъятию (ГА РФ. Ф. Р-1065) включают директивы по проведению кампании, сводки с мест о ходе изъятия и переписку с духовными властями. Документы по Московской губернии (ЦГАМО. Ф. 66) содержат акты изъятия по всем храмам, сводные таблицы изъятого и добровольно пожертвованного имущества по уездам, а также подготовительные таблицы зарегистрированных храмов с распределением по уездам и волостям.

В Московской губернии сложилась многоуровневая система органов, осуществлявших изъятие церковного имущества. Еще до принятия

---

[120]Антон и Онуфрий // Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. 1919. № 10 ; На Антона и Онуфрия // Голос батрака. Известия Можайского Укома С.Р. и К.Д. и Уездкома Р.К.П. (б-ков). 1919. № 12.

[121]Ленин В. И. Письмо членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви. 19 марта 1922 г. [Электронный ресурс] // История России в документах. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/36634-pismo-v-i-lenina-chlenam-politbyuro-o-sobytiyah-v-g-shue-i-politike-v-otnoshenii-tserkvi-19-marta-1922-g (дата обращения: 09.09.2025).

[122] Постановление ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей». 23 февраля 1922 г. // Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М. : Издательство РАГС, 1999. С. 59–60. (Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/node/33977 (дата обращения: 09.09.2025).

[123] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 4.

[124] Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии): 1922–1929 гг. / сост., археогр. подгот. текста, вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Лобанова ; Российская академия наук. Институт российской истории. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. 381 с. С. 6.

Постановления ВЦИК от 16 февраля 1922 г.[125] в Москве была создана комиссия по учету и сосредоточению ценностей во главе с начальником Мосфинотдела Ф.А. Бассиасом. В начале марта комиссия была реорганизована в губернскую структуру под руководством опытного чекиста Ф.Д. Медведя, одновременно назначенного начальником Московского губернского отдела ГПУ. Характеризуя предстоящую работу на заседании комиссии 7 марта, Медведь заявил: «Начинается война между церковью и государством… более веского и неопровержимого доказательства тому, как то контрреволюционное настроение в среде отдельных групп верующих, которое сеют «благочестивые честные отцы», вряд ли можно указать»[126].

Путем опроса членов Политбюро 11 марта было принято решение о создании в губернии «секретной ударной» комиссии под руководством Т.В. Сапронова[127], которая провела два организационных заседания 12 и 14 марта. На втором заседании была утверждена инструкция для районных и уездных подкомиссий, более детальная, чем инструкция ВЦИК от 28 февраля, регламентировавшая порядок изъятия, охраны и транспортировки ценностей[128]. Исполнение Постановления ВЦИК возлагалось на районные и уездные подкомиссии, формируемые по единому принципу.

Организация работ в уездах имела свою специфику. В Клинском уезде состоялось совместное заседание уездной комиссии и представителей духовенства, на котором священники изъявили согласие «произвести среди верующих крестьян агиткампанию в пользу изъятия ценностей»[129]. В Серпуховском уезде 27 марта членам президиума церковного совета было

---

[125] Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» (23 февр. 1922 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111420-dekret-vtsik-o-poryadke-izyatiya-tserkovnyh-tsennostey-nahodyaschihsya-v-polzovanii-grupp-veruyuschih-23-fevralya-1922-g (дата обращения: 05.03.2026).
[126] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 613. Л. 48.
[127] Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922–1925 гг. М., Новосибирск : РОССПЭН : Сибирский хронограф. 1997–1998. Кн. 1. С. 122.
[128] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 283. Л. 2–2об.
[129] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 438. Л. 70.

предложено выделить представителя в каждую церковь для наблюдения за порядком во время собраний по обсуждению изъятия[130]. Можайская комиссия организовала совещание с представителями всех церквей города и части уезда, на котором был достигнут «взгляд на изъятие, гарантирующий безболезненное проведение данного мероприятия»[131].

Кампания по изъятию церковных ценностей в Московской губернии началась 31 марта 1922 г.[132] и продолжалась до конца мая. К 19 мая работы были завершены в 887 церквях и часовнях[133]. По данным Гохрана, в Москве было изъято 57 283 кг серебра и 50,24 кг золота, в уездах – 28 203,55 кг серебра и 6,17 кг золота. Общая стоимость всего изъятого имущества в губернии составила 2 908 911 руб.[134]

К осени 1922 г. изъятие церковных ценностей в основном завершилось, и антицерковный курс стал опираться прежде всего на меры административного контроля, а не прямого насилия. Комиссия по изъятию ценностей для этого уже не подходила, а разрозненные действия разных ведомств и комиссий (VIII отдел Наркомюста, подразделения НКВД, Агитпроп, Комиссия Троцкого, ВЧК) требовали единого руководства. Поэтому в сентябре 1922 г. в аппарате ЦК РКП(б) началась работа по упорядочению и согласованию деятельности в конфессиональной сфере. Особенно настойчиво этого добивался И.В. Сталин (1878–1953), назначенный 3 апреля 1922 г. генеральным секретарем ЦК РКП(б)[135].

В 1922 г., на фоне обострившейся внутрипартийной борьбы, руководство пыталось заново расставить акценты в государственно-

---

[130] ЦГАМО. Ф. 2139. Оп. 1 Д. 107. Л. 1.
[131] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 60. Л. 225.
[132] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 283. Л. 30.
[133] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 71. Л. 68–70.
[134] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 369. Л. 52, 53об.
[135] Шкурин А. В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) – ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации ; науч. рук. О. Ю. Васильева. М., 2005. На правах рукописи. С. 21.

церковной политике[136]. На переходном этапе до оформления единого координационного органа это снова привело к появлению нескольких параллельных комиссий, каждая из которых тянула работу в свою сторону и опиралась на «свое» ведомство. В разные месяцы действовали: Комиссия политбюро по ознакомлению с различными течениями внутри сектантского движения[137]; Комиссия по антирелигиозной пропаганде при Агитпропе ЦК РКП(б)[138]; Комиссия по церковному движению при Секретариате ЦК РКП(б)[139], а также Временная комиссия по проведению отделения церкви от государства[140].

Постепенно стало очевидно, что разобщенность мешает проводить единую политику. Поэтому в партийном руководстве решили объединить разрозненные комиссии в один орган, подотчетный Секретариату ЦК. 9 октября 1922 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) из комиссии по антирелигиозной пропаганде при Агитпропе (путем расширения состава) была образована Комиссия по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) (позднее – при ЦК ВКП(б)), известная также как Антирелигиозная комиссия (АРК)[141]. До 1929 г. она координировала антицерковную политику, увязывая административные меры, идеологическое сопровождение и работу органов безопасности с партийным курсом, что предопределило и фактическое распределение влияния внутри комиссии: ключевые позиции занимали Агитпроп ЦК, органы ГПУ–ОГПУ–НКВД во

---

[136] Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917-1958 / А. Роккуччи ; пер. с итал. О. Р. Щелоковой. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 46.

[137] Осенью 1922 г. функционировала специальная комиссия под руководством П.Г. Смидовича, занимавшаяся изучением религиозных течений, что подтверждается рукописным протоколом №2, обнаруженным в архивных материалах АРК. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп.112. Д. 443а. Л. 14.

[138] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 309. Л. 106 ; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 367. Л. 178.

[139] Хранение единственного протокола Комиссии в архивных материалах Секретариата ЦК указывает на ее возможное формирование по инициативе данного органа, находившегося под руководством И.В. Сталина. См.: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 1.

[140] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 367. Л. 3.

[141] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М., Новосибирск, 1997. С. 320.

главе с Е.А. Тучковым и административно-правовой блок – V отдел Наркомюста под руководством П.А. Красикова (до 1924 г.), а затем фактически неофициальный секретариат П.Г. Смидовича (1874–1935) при ВЦИК РСФСР. Протоколы заседаний АРК (РГАСПИ. Ф. 17) показывают, что решения оформлялись как коллегиальные, но в действительности определяющую роль играли Тучков и Смидович: их предложения обычно утверждались без существенных правок[142].

Согласно постановлению Оргбюро ЦК РКП(б) от 13 октября 1922 г., Антирелигиозная комиссия должна была «установить тесную и постоянную связь» с Агитпропом ЦК РКП(б) и через его отделы при местных партийных структурах координировать проведение антирелигиозной идеологической работы в регионах.[143]. На протяжении всего исследуемого периода в Московской губернии эту работу осуществляли отделы агитации и пропаганды при губернском, областном, окружном и городских комитетах РКП(б)/ВКП(б), действовавшие на основе постановлений и директив вышестоящих органов.

Они разрабатывали и утверждали планы антирелигиозной пропаганды для областного центра, сельских районов и учреждений, формировали тематику лекций и бесед, координировали работу с периодической печатью. Параллельно эти отделы оценивали результативность применявшихся методов в конкретных условиях, контролировали проведение пропаганды в образовательных и культурно-просветительских организациях, а также отслеживали деятельность ВЛКСМ и создававшегося Союза безбожников[144].

Однако на начальном этапе АРК не смогла стать единым центром координации этой работы, поскольку инициативу взял на себя комсомол.

---

[142] Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)-ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 74.

[143] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. М., Новосибирск, 1997. С. 320.

[144] Покровская С.Н. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2007. С. 111–112.

В 1923 г. он провел так называемое «комсомольское рождество», сопровождавшееся акциями, оскорблявшими чувства верующих: антирелигиозными песнями, сожжением макетов церквей и чучел священников. Эти методы вызвали негативную реакцию населения и были признаны контрпродуктивными. ЦК РКП(б) циркулярным письмом от 24 февраля 1923 г. «Об антирелигиозной кампании в период Пасхи» требовал пресечь оскорбления верующих и усилить научно-пропагандистскую составляющую работы[145].

На этом фоне были приняты организационные решения. Председателем АРК назначили Е.М. Ярославского, его заместителем стал Н.Н. Попов. Ярославский (Губельман Миней Израилевич, 1878–1943) к тому времени был не только видным партийным деятелем, но и специалистом по антицерковной пропаганде. В 1919–1922 гг., работая председателем Пермского губкома РКП(б) и заведующим агитпропотделом Сибирского бюро ЦК, он сумел выстроить антирелигиозную пропаганду на высоком уровне. В январе 1923 г. он писал: «Строго говоря, только теперь начинается систематическая антирелигиозная пропаганда»[146].

12 сентября 1923 г. на заседании Антирелигиозной комиссии Е.М. Ярославский предложил создавать среди читателей газеты «Безбожник» кружки безбожников[147]. В информационном отчете АРК за сентябрь 1923 г. эта инициатива уже оформлялась шире, как курс на создание беспартийной общественной организации атеистов, которая действовала бы под партийным руководством и опиралась на издательские возможности и контроль над антирелигиозной печатью[148]. В октябре 1923 г. газета «Безбожник» открыто

---

[145] ЦК РКП(б). Циркуляр «Об антирелигиозной кампании во время Пасхи». [Март 1923 г.] // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 204. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/73011 (дата обращения: 17.03.2026).

[146] Ярославский Ем. Против религии и церкви. М., 1935. Т. 3. С. 36.

[147] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 438. Л. 1.

[148] Краткий информационный отчет Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Пленуму ЦК РКП(б) о проделанной работе. [Между 15 и 25 сентября 1923 г.]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/36811 (дата обращения: 17.03.2026).

поставила задачу организационного объединения сторонников, и на местах стали возникать ячейки «друзей газеты».

Процесс институционализации будущего Союза воинствующих безбожников занял несколько лет и пришелся главным образом на 1923–1925 гг. Еще в начале 1920-х гг. существовали разрозненные местные группы, занимавшиеся антирелигиозной пропагандой. Одно из таких групповых объединений носило название «группа корреспондентов и читателей газеты «Безбожник»», (издавалось с декабря 1921 г.). 27 августа 1924 г. по инициативе Ярославского в Москве состоялось учредительное собрание корреспондентов газеты и активных атеистов, на котором было создано Общество друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ). Собрание утвердило устав и избрало временный Центральный совет и Исполнительное бюро под председательством Ярославского. Благодаря государственной поддержке тираж газеты к 1931 г. достиг 500 тыс. экз.[149] 21 мая 1925 г. Секретариат ЦК РКП(б) утвердил устав ОДГБ и предложил партийным комитетам включить в организационную сеть общества все другие организации, ведущие антирелигиозную пропаганду в пределах СССР[150]. 5 июня 1925 г. рабочий президиум Исполнительного бюро ЦС ОДГБ принял решение о переименовании общества в «Союз безбожников СССР»[151].

Этот момент ознаменовал начало организованного процесса создания местных ячеек. В начале 1924 г. Московским комитетом РКП(б) была выдвинута инициатива по созданию в уездах Московской губернии института уполномоченных Общества безбожников[152]. Во многих уездах Московской

---

[149] Яковлев М. Антирелигиозная литература за 15 лет // Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. М., 1932. С. 391 ; Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ-Религия. 30.10.2002.

[150] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 729. Л. 130–131.

[151] ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

[152] Цели и задачи общества Безбожников. Доклад уполномоченного по Бронницкому уезду на 1-й Бронницкой уездной конференции общества безбожников. 24 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 124. Л. 8.

губернии в весенне-летний период 1925 г. прошли собрания, носящие типовое название «1-я конференция Общества безбожников» [153].

Согласно Уставу, Союз безбожников был обязан осуществлять свою деятельность под руководством Агитпропа при ЦК ВКП (б) и его Отделов при местных партийных ячейках[154]. Организационная структура Союза безбожников строилась по иерархическому принципу с четкой вертикалью управления. Верховным органом являлся Всесоюзный съезд, созывавшийся с периодичностью не чаще одного раза в год. В период между съездами руководство осуществлялось Центральным советом, включавшим Пленум (40 человек) и Исполнительное бюро (11 постоянных членов)[155]. Центральный совет выполнял методические, координационные и представительские функции, регулярно отчитываясь перед региональными подразделениями.

Территориальная структура организации формировалась из первичных ячеек (минимум 5 человек), создававшихся преимущественно по производственному принципу при фабрично-заводских предприятиях, в селах, в красноармейских частях. Представители ячеек собирались на районные конференции, где избирали районный совет. Представители районов на окружных (губернских) конференциях избирали советы соответствующего уровня. Членство предоставлялось гражданам с 18 лет, обладавшим избирательными правами и проявлявшим активность в антирелигиозной деятельности. Система финансирования опиралась на членские взносы, устанавливаемые на местном уровне с распределением средств между ячейками и вышестоящими органами[156].

---

[153] Например: 1-я Бронницкая уездная конференция общества безбожников. 24 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 124.

[154] Ильязова Р. В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского – Ульяновского края) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история / ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» ; науч. рук. И.А. Чуканов. Ульяновск, 2020. На правах рукописи. С. 114-115.

[155] Устав Союза безбожников СССР. М., 1925. С. 5.

[156] Олещук Ф. Новый устав Союза воинствующих безбожников / / Антирелигиозник. 1929. № 7. С.4.

Однако уже в апреле 1926 г. на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам антирелигиозной работы был взят курс на децентрализацию Союза и превращение его в федерацию союзов безбожников. По итогам совещания вышел новый примерный устав, согласно которому ЦС должен был играть роль методически-руководящего органа и координационного центра, а вся ответственность за ведение дел передавалась на места[157]. Подобное положение дел продлилось вплоть до 1928 г.

Наряду с Союзом безбожников антирелигиозную работу на местах вел ВЛКСМ, выступая его кадрово-организационной опорой. Если ячейки СБ отсутствовали либо действовали формально, инициативу и организационные функции брали на себя партийно-комсомольские структуры под руководством Агитпропа[158]. 11 апреля 1923 г. бюро ЦК ВЛКСМ сообщило комсомольским организациям о необходимости регулярного проведения массовых кампаний наподобие комсомольского рождества. Наряду с печатью в качестве методов распространения антирелигиозной идеологии стали активно использоваться сатирические постановки, высмеивающие церковные Таинства и обряды.

Важной мерой по разрушению традиционного уклада становилось преобразование годичного праздничного круга. Новые праздники соседствовали с церковными, стремясь придать последним революционное содержание[159]. Комсомольские рождество и пасха получили распространение в различных уездах Московской губернии, хотя в них чаще участвовал люмпенизированный контингент. Несмотря на это, уездные партийные комитеты вплоть до 1930-х гг. требовали от волостных ответственно относиться к их проведению[160].

---

[157] Там же.
[158] ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.
[159] Катаев Е.А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской духовной семинарии, 2017. № 6. С. 149–156.
[160] ЦГА г. Москвы. Ф. 1581. Оп.124. Д. 8. Л. 6 об.

Реальная работа местных отделений СБ в Московской губернии сталкивалась с серьезными проблемами. На 1-й Бронницкой конференции Общества безбожников 24 мая 1925 г. руководитель уездного отделения политработник Смирнов констатировал фактический провал антирелигиозной работы: к маю 1925 г. в Бронницком уездном отделении имелось лишь 6 ячеек, из которых только 3 существовали юридически, а 3 находились в стадии организации, при этом реальной работы ячеек не было видно[161]. Аналогичная картина наблюдалась и в других уездах. В Наро-Фоминском районе агитколлегия РК ВКП(б) констатировала, что местным отделением СБ директивы по антирелигиозной пропаганде полностью не выполнены, и невыполнение предлагалось компенсировать назначением ответственных от ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ[162].

Таким образом, к концу 1920-х гг. в Московской губернии сложилась иерархическая система антирелигиозной работы, возглавляемая Антирелигиозной комиссией при ЦК и Агитпропом, с организационной опорой на Союз безбожников и ВЛКСМ. Однако эффективность этой системы оставалась низкой из-за формального характера работы большинства местных ячеек, недостатка квалифицированных кадров и противоречий между директивами центра и реальными возможностями на местах.

Второй государственной структурой, игравшей важную роль в деятельности Антирелигиозной комиссии, было ГПУ при НКВД (с 1923 г. – ОГПУ при СНК СССР), которому Сталин отводил важную роль во всех вопросах внутренней политики, в том числе и в вопросе о Церкви.

6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов»[163]. На базе упраздненого ведомства было создано Государственное

---

[161] ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 124. Л. 9.
[162] ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.
[163] Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Декрет об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов. 6 февраля 1922 г. [Электронный ресурс] // Документы истории России. URL:

политическое управление (ГПУ) при НКВД (с 1923 г. – ОГПУ при СНК СССР)[164]. Согласно Положению, на местном уровне создавались губернские и областные отделения ГПУ, состоявшие при исполкомах соответствующих территориальных образований[165]. На территории Московской губернии действовал Московский губернский отдел Государственного политического управления РСФСР.

Низовое звено органов госбезопасности также было реорганизовано. При губернских отделах ГПУ была введена должность уездного уполномоченного. Назначение уполномоченных происходило по согласованию с губкомами партии, а вопрос об освобождении решался ГПУ (по согласованию с губкомом). Уполномоченные являлись членами секретно-оперативного отдела и располагали небольшим штатом сотрудников.

Вместе с тем перечень возможностей уездных уполномоченных был ограничен. Они не имели права самостоятельно проводить аресты и обыски, а также осуществлять оперативные действия. Указанные мероприятия проводились через уездную милицию с разрешения губернского или областного отдела ГПУ, в который уполномоченный направлял мотивированный рапорт об их результатах. В проводившихся операциях уполномоченные непосредственного участия не принимали для сохранения конспирации[166].

---

https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350955-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-uprazdnenii-vserossiyskoy-chrezvychaynoy-komissii-i-o-pravilah-proizvodstva-obyskov-vyemok-i-arestov-6-fevralya-1922-g (дата обращения: 11.09.2025).

[164] Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах, 15 ноября 1923 г. // ЛУБЯНКА: Органы ВЧК–ОГПУ... С. 461–463.

[165] Никулин В.В. Потребность в безопасности. Правовой статус ВЧК – ГПУ – ОГПУ в структуре советского государства [Электронный ресурс] // Genesis: исторические исследования. 2013. № 6. С. 25–84. URL: https://author.nbpublish.com/pr/article_751.html (дата обращения: 13.09.2025).

[166] Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Л. 82. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева ; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М. : МФД, 2003. С. 19–20.

Координационным центром по осуществлению работы с церковниками было 6-е отделение Секретно-оперативного управления ГПУ (преобразованное 6-е отделение Секретного отдела ВЧК)[167]. Основные функции данного отделения были обозначены его председателем Е.А. Тучковым в докладе 16 ноября 1924 г.: «агентурно-осведомительная работа и разработка агентурных дел; осуществление арестов и обысков; производство дознания и следствия по делам «церковников»; изоляция контрреволюционных элементов и их заключение в лагеря; работа по проведению церковной политики среди духовенства, сект, церковно-приходских советов, по директивам комиссии ЦК РКП(б); руководство работой местных органов власти по урегулированию взаимоотношений административных органов в области работы по церковникам и сектам»[168].

Все распоряжения 6-го отделения Секретно-политического отдела ГПУ по организации и поддержке расколов, проведению репрессий в отношении высшей иерархии, применению административно-карательных мер в отношении духовенства, верующих и церковно-приходских советов выносились на рассмотрение Антирелигиозной комиссии, в которой оно было представлено ее председателем Е.А. Тучковым и главой Секретно-политического управления ГПУ В.Р. Менжинским (в 1923 г. его сменил Т.П. Самсонов), и, как показывают протоколы заседаний Комиссии,

---

[167] Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКПб)–ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 73 ; Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского – Ульяновского края) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история / ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова» ; науч. рук. И.А. Чуканов. Ульяновск, 2020. На правах рукописи. С. 103 ; Пидгайко В.Г. Антирелигиозные подразделения органов госбезопасности СССР [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis : электрон. науч. журн. URL: https://st-hum.ru/content/pidgayko-vg-antireligioznye-podrazdeleniya-organov-gosbezopasnosti-sssr-v-period (дата обращения: 13.09.2025).

[168] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 372. Л. 222.

неизменно встречали одобрение[169]. После включения в состав НКВД ГПУ структура и сфера его деятельности по надзору за религиозными организациями вплоть до 1930 г. останется неизменной.

Третьим ключевым партнером Антирелигиозной комиссии стал неофициальный секретариат П.Г. Смидовича при ВЦИК РСФСР, сменивший упраздненный V отдел Наркомюста. Антирелигиозная комиссия рассматривала местные отделы Народного комиссариата юстиции и их «церковные подотделы» как проводников своей политики по отношению к религиозным организациям[170]. Однако постоянная конкуренция между VIII (V) отделом Наркомюста и ГПУ привела к тому, что 24 августа 1924 г. V отдел Наркомюста упразднили, несмотря на упорное сопротивление его руководителя П.А. Красикова[171].

Согласно Акту от 3 ноября 1924 г., после упразднения V отдела его функции и делопроизводственный массив (включая «переписку секретного рода» и папку, «полученную от т. Красикова»), переданные ответственному секретарю ВЦИК Н. Орлянскому[172], были делегированы в общее ведение и распоряжение члену Президиума ВЦИК П.Г. Смидовичу[173]. На фоне сотрудников спецслужб, занимавшихся церковными делами (в частности, Е.А. Тучкова и Г.Г. Карпова), Смидович выделялся более высоким уровнем подготовки: он имел среднее образование и некоторое время учился в Московском университете, откуда был исключен за подпольную деятельность.

---

[169] Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКПб)–ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 74.

[170] Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б)–ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В.В. Лобанов ; науч. ред. свящ. А.В. Мазырин, Н.А. Кривошеева. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. С. 130.

[171] Филиппов Б.А. Очерки по истории России. XX век : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 171.

[172] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

[173] Протокол № 53-54 заседания Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) от 2 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 775. С. 4.

ВЦИК поручили выделить ему необходимое число сотрудников для ведения религиозных вопросов и работы с принятым архивом, включавшим более сотни «незаконченных дел»[174]. Решения оформлялись на бланках Секретариата Председателя ВЦИК и подписывались Смидовичем не как руководителем специализированного отдела, а как «членом Президиума ВЦИК», а по общесоюзным вопросам – как «членом Президиума ЦИК СССР».

Основной задачей секретариата П.Г. Смидовича был контроль за исполнением местными исполкомами законодательства о культах. Осуществлялся он через издание циркуляров и постановлений Президиума ВЦИК, текст которых предварительно обсуждался на заседаниях Антирелигиозной комиссии. Именно через П.Г. Смидовича разработанные Антирелигиозной комиссией законопроекты передавались во ВЦИК и оформлялись официально. В сфере компетенции П.Г. Смидовича также находилось рассмотрение заявлений, обращений и жалоб граждан по религиозным вопросам, выяснение причин закрытия молитвенных зданий, консультирование местных органов власти по вопросам религиозного законодательства и критика его нарушения[175].

Таким образом, к концу 1920-х гг. была сформирована разветвленная система воздействия на РПЦ, включавшая административно-правовое регулирование, идеологическое давление и репрессивные меры. Эта система создавала условия для всестороннего контроля государства за церковной жизнью. Однако до 1929 г. сохранялись некоторые возможности для легального функционирования религиозных обществ при условии соблюдения формальных процедур.

---

[174] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

[175] Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКПб)–ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 76–78.

***

Анализ документов центральных органов власти и местных административных структур Московской губернии позволяет охарактеризовать 1918–1929 гг. как период становления, а затем централизации системы государственно-церковного регулирования. В эти годы окончательно выделились три основных направления антирелигиозной политики – административно-правовое, идеологическое и репрессивное – и методы их реализации на местном уровне.

В 1918–1922 гг. эта система только выстраивалась. Административное давление выражалось в регистрации (с 1922 г. — перерегистрации) религиозных обществ, вмешательстве во внутриприходскую жизнь и закрытии молитвенных зданий по инициативе «трудящихся» с последующим утверждением решений в центре. Документы уездных и губернских исполкомов показывают, что массового закрытия приходских храмов в те годы еще не было. Идеологическая работа постепенно приобретала более организованный характер, но заметных результатов на местном уровне не давала. Репрессии проявлялись прежде всего в лишении избирательных прав духовенства и части верующих, а также в отдельных уголовных делах по «контрреволюционным» статьям. Важная черта этапа – разобщенность действий: разные структуры работали параллельно и нередко тянули политику каждая в свою сторону.

В 1922–1929 гг. антирелигиозная политика приобрела более или менее единый и управляемый характер. Создание Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) (позднее – ЦК ВКП(б)) стало одним из ключевых шагов к такой централизации: комиссия обеспечивала согласование решений между партийным руководством и ведомствами, которые занимались практическими мерами на местах. При этом речь шла не только о текущем контроле, но и о выстраивании общей линии – в том числе о соотношении административного давления и пропаганды.

Именно на уровне пропагандистской работы особенно заметна попытка расширить «социальную базу» кампании, подключив к ней массовые организации. В середине 1920-х гг. главным проводником этой линии стал Союз безбожников, на который возлагались задачи по развертыванию антирелигиозной агитации и созданию устойчивой сети активистов. Однако материалы по Московской губернии/области показывают, что эти ожидания практически не оправдывались: ячейки формировались медленно, приток участников оставался ограниченным, а в отчетности регулярно фиксировалось невыполнение намеченных показателей.

1.2. Организация антирелигиозной деятельности государственными структурами в 1929–1943 гг. на территории Московской области

К началу 1929 г. Московская губерния сохраняла уездно-волостную систему управления. Территория делилась на уезды, затем на волости и сельские Советы. Одновременно на общероссийском уровне завершалась подготовка административно-территориальной реформы, нацеленной на укрупнение единиц управления и переход к областной модели. В этом контексте постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. было принято решение об образовании в РСФСР областных объединений, и для московского региона таким объединением стала Центрально-Промышленная область с центром в Москве[176]. Организационную работу вел оргкомитет ВЦИК, который уточнял границы и выстраивал новую схему деления с учетом хозяйственных связей, численности населения и транспортной доступности. 3 июня 1929 г. Центрально-промышленная область получила наименование Московской области, при этом Москва не была выделена в самостоятельную административно-территориальную единицу, хотя для управления городом предусматривались специальные решения внутри областных органов[177].

Хронологически эта административная перестройка пришлась на период изменения общего политического курса ЦК ВКП(б), связанного со сворачиванием НЭПа и переходом к насильственной коллективизации, что сопровождалось нарастанием напряженности в отношениях между городом и

---

[176] Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14 янв. 1929 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/380937-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-obrazovanii-na-territorii-rsfsr-administrativno-territorialnyh-obedineniy-kraevogo-i-oblastnogo-znacheniya-14-yanvarya-1929-g (дата обращения: 17.03.2026).

[177] История Московской области [Электронный ресурс] // RuWiki. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/История Московской области (дата обращения: 17.03.2026).

деревней[178]. В историографии 1928–1929 гг. обычно считают рубежом усиления государственного давления на религиозную сферу, прежде всего в деревне, где церковные традиции были прочно укоренены в повседневной жизни[179].

24 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», которое было разослано представителям советской власти на всех уровнях[180]. Изложенные в нем «теоретические» идеи и практические подходы для их осуществления стали определяющими для всей последующей политики государства в отношении Церкви. 8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали совместное Постановление «О религиозных объединениях», в основе которого лежал Декрет 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно новому закону, «религиозные объединения верующих граждан всех культов регистрировались в виде религиозных обществ или групп верующих»[181]. Подавая в соответствии с утвержденной НКВД формой в

---

[178]Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. С. 87–89

[179] Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М. : Издательский Совет Русской Православной Церкви; Арефа, 2008. С. 34–36 ; Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008): учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 110–113 ; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее Подворье ; Общество любителей церковной истории, 1999. С. 87–89 ; Одинцов М.И. Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2014. С. 171 ; Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / пер. с итал. О.Р. Щелоковой. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 72 ; Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Самара, 2005. С. 164 и др.

[180] Протокол ПБ № 61 от 24 января 1929 г., п. 4 // Документы советской эпохи [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sovdoc.rusarchives.ru/sections/government/cards/72742 (дата обращения: 22.09.2025).

[181]Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. М. : Юридическая литература, 1971. С. 10. См. также: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941 : документы и фотоматериалы. М. : Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. С. 261.

«местные горсоветы или районные исполкомы»[182] заявления о регистрации общества или группы, верующие получали в пользование молитвенные здания и предметы, предназначенные «…исключительно для удовлетворения религиозных потребностей»[183]. Правом юридического лица ни одна из вышеуказанных форм объединения не пользовалась, все имущество, приобретенное верующими на свои денежные средства, автоматически становилось государственной собственностью, договоры о проведении ремонтных работ могли заключаться только отдельными членами «двадцаток» на коммерческих основах, а регистрирующим органам предоставлялась возможность отвода из состава членов исполнительного органа религиозных объединений или группы верующих «отдельных лиц»[184]. Жизнь Церкви стала ограничиваться проведением только внутрихрамовых богослужений[185]. Для исключения антисоветской агитации под видом церковной проповеди на высшем законодательном уровне в рамках майского XIV Всероссийского съезда Советов была изменена статья 4 Конституции РСФСР – теперь всем гражданам вместо «…свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» дозволялась только «…свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»[186].

Ужесточение государственной политики в конфессиональной сфере в конце 1920-х гг. потребовало создания специализированного органа для

---

[182] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [Электронный ресурс]. URL : https://istmat.org/node/22769 (дата обращения: 14.08.2025).

[183] Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. М. : Юридическая литература, 1971. С. 16.

[184] Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. 2003. № 1 (20). С. 310–322.

[185] Гаряева Д.А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917–1929 гг.) // Известия Калмыцкого гуманитарного института РАН. 2016. № 2. С. 19–24.

[186] Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время. Кн. 1. М. : Пропилен, 1995. С. 311. См. также: Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях в РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. М., 1930. С. 46.

координации отношений между советской властью и религиозными организациями. 8 апреля 1929 г. на заседании ВЦИК было принято постановление о создании Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК под председательством П.Г. Смидовича, которая с 1934 г. стала действовать при ЦИК СССР. Этот шаг ознаменовал важную трансформацию в системе государственного контроля над религиозной жизнью страны.

Появление нового органа было непосредственно связано с кардинальной перестройкой всей системы управления конфессиональной политикой. С ликвидацией Антирелигиозной комиссии исчезла площадка для обсуждения различных подходов к взаимодействию с РПЦ[187]. Окрепший партийный аппарат более не нуждался в промежуточных структурах между Центральным Комитетом и исполнительными органами на местах. Все принципиальные вопросы конфессиональной политики с 1930 г. стало решать непосредственно Политбюро ЦК ВКП(б), опиравшееся преимущественно на силовые ведомства.

В этих условиях Постоянная комиссия по вопросам культов получила специфический статус. Созданный орган имел коллегиальную структуру и формировался из представителей различных ведомств, утверждавшихся Президиумом ВЦИК[188]. Деятельность комиссии базировалась на законодательных актах, регламентировавших существование религиозных организаций на территории страны[189]. Примечательно, что работа комиссии

---

[187] Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 171.

[188] Отдела массовой работы ЦК ВКП(б), Всесоюзного центрального совета профсоюзов, Центрального Совета СВБ, Прокуратуры Верховного Суда СССР, Наркомата юстиции РСФСР, Наркомата просвещения РСФСР, Моссовета, обязанные согласовывать с Комиссией свою деятельность в религиозной сфере.

[189] Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., инструкции Комиссии «О проведении в жизнь законодательства о культах» от 16 января 1931 г., положениях ВЦИК о РИКах и сельсоветах от 1 января 1931 г., постановлении ЦИК и СНК СССР о ликвидации наркоматов внутренних дел от 15 декабря 1931 г. и постановлении ВЦИК и СНК РСФСР о мероприятиях, вытекающих из ликвидации НКВД от 31 декабря 1931 г.

шла параллельно, а нередко и вразрез с политикой партийного руководства[190]. Главная функция нового органа заключалась в контроле над государственно-церковными отношениями и приведении их в строгое соответствие с нормами действующего законодательства о культах[191]. После упразднения в 1930 г. НКВД РСФСР комиссия становится единственной структурой, осуществлявшей надзор за взаимодействием местных исполнительных комитетов с религиозными общинами[192].

Практическая деятельность комиссии разворачивалась на двух уровнях. На общесоюзном и республиканском уровне она координировала общую политику в отношении религиозных объединений, разрабатывала методические указания и рассматривала жалобы верующих, поступавшие из регионов. Одновременно создавалась разветвленная сеть областных и районных представительств, призванных осуществлять непосредственный контроль на местах.

В Московской области на основании постановления Президиума Мособлисполкома от 24 июля 1931 г. была образована Комиссия по вопросам культов при Президиуме Московского областного исполнительного комитета «в составе 8 человек под председательством Зам. Пред. Облисполкома т. Степанова при Секретаре т. Чернавской»[193]. Согласно положению, утвержденному Президиумом ВЦИК 30 мая 1931 г., на областную комиссию возлагались следующие функции:

---

[190] Отчетные сведения о работе Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР за 1934 г. (апрель 1935г.) // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 53.
[191] Постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об утверждении Положения о Постоянной центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов» от 30 мая 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1931 г. № 27. Л. 248–249.
[192] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации НКВД РСФСР и наркоматов внутренних дел автономных республик» от 31 декабря 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
[193] ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

«1. Наблюдение за правильным проведением на местах законов, связанных с культами, инструктирование нижестоящих органов и дача им указаний и разъяснений в пределах существующего законодательства.

2. Предварительное рассмотрение по представлениям райисполкомов и горсоветов дел об открытии и закрытии молитвенных зданий.

3. Рассмотрение вопросов о разрешении религиозных съездов.

4. Рассмотрение жалоб на действия Райисполкомов и Горсоветов по вопросам: расторжения договоров, обложения налогами и земельной рентой, дачи твердого задания, трудгужповинности, земельным и т.д.

5. Учет всех религиозных обществ и групп верующих и составление по ним сводок»[194].

В разные периоды должность ответственного секретаря комиссии занимали Чернавская и другие партийные функционеры, подчинявшиеся одновременно областному руководству и центральной комиссии при ВЦИК. Московская областная комиссия выполняла роль посредника между верующими, районными властями и республиканским центром, осуществляя практическую реализацию возложенных на нее полномочий. Однако архивные материалы убедительно свидетельствуют о том, что Московская областная комиссия приступала к рассмотрению дел лишь после того, как жалобы верующих на произвол местных властей поступали в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Центральная комиссия, получив обращение, направляла в Московскую областную комиссию соответствующее поручение разобраться в ситуации и принять меры по устранению выявленных нарушений. Таким образом, областная комиссия действовала не в порядке систематического надзора за соблюдением законодательства о культах, а исключительно по прямым указаниям центральных органов. Этот механизм работы прослеживается во всех

[194] ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

направлениях деятельности комиссии и подтверждается конкретными примерами из различных районов Московской области.

Одним из первых масштабных направлений деятельности комиссии стала так называемая антиколокольная кампания. Осенью 1929 г. появилось постановление о запрете колокольного звона[195], вслед за которым ВЦИК и СНК приняли документы об урегулировании колокольного звона и изъятии церковных колоколов[196]. Архивные материалы Комиссии по вопросам культа при Московском областном Совете (ЦГАМО. Ф. 4570) содержат многочисленные постановления местных исполкомов о запрете колокольного звона в конкретных населенных пунктах, акты изъятия колоколов с подробным указанием их веса и материала, а также жалобы верующих на произвол местных органов власти.

Переписка с Луховицким райисполкомом демонстрирует типичный механизм взаимодействия между различными уровнями власти. В октябре 1934 г. верующие села Луховицы получили уведомление о запрете колокольного звона под предлогом того, что церковь расположена около школы и звон мешает учебному процессу. Верующие попытались обжаловать данное решение, направив ходатайство непосредственно в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Лишь после этого центральная комиссия поручила Московской областной комиссии разобраться в ситуации. Верующие указывали, что церковь находится на расстоянии двухсот метров от школы и звон никогда не был помехой[197]. Областная комиссия рассмотрела жалобу, однако оставила решение районных властей в силе, продемонстрировав, что даже формальное соблюдение процедур не гарантировало справедливого разрешения конфликта[198].

---

[195] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 44.

[196] Постановление СНК СССР «Об изъятии колоколов церквей в целях использования их для снабжения промышленности цветными металлами». 30 октября 1930 г. // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 6. Д. 37. Л. 10-10 об.

[197] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 210. Л. 2–3об; 6–6об.

[198] Там же. Л. 4.

Параллельно с антиколокольной кампанией разворачивалась масштабная работа по закрытию молитвенных зданий. До 1929 г. этот процесс не носил систематического характера, что исследователи связывают с высоким уровнем религиозности населения[199]. Однако после издания Постановления «О религиозных объединениях» и рассылки циркулярного письма Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» количество ходатайств об изъятии церковных зданий резко возросло[200]. 16 января 1931 г. с разрешения ВЦИК комиссия издала инструкцию «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах», которая подробно регламентировала процедуру ликвидации религиозных объединений и молитвенных зданий. Она будет подробно нами рассмотрена в § 2.1 настоящего исследования. Здесь же ограничимся примером, иллюстрирующим данную процедуру применительно к работе Московской областной комиссии по вопросам культов

Архивные материалы по Каширскому району наглядно иллюстрируют механизм закрытия храмов и роль областной комиссии в этом процессе. Примечательно, что весной и летом 1932 г. местные сельские Советы продолжали выдавать религиозным общинам разрешения на прием священнослужителей и проведение крестных ходов. Однако параллельно районное руководство готовило документы о закрытии церквей. Московская комиссия после поступления во ВЦИК апелляционных жалоб верующих настаивала на соблюдении формальных процедур и нередко возвращала дела в местные исполкомы на доработку. В одном из писем ответственный секретарь Московской областной комиссии указывал Каширскому райисполкому на недопустимость поверхностного отношения к требованиям законодательства. Областная комиссия отмечала, что церковь была закрыта

---

[199] Борисюк А.А. Православные храмы Москвы в 1918–1921 годы. Условия существования и масштабы ликвидации // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2021. № 4. С. 187–197.

[200] Закрытие культовых зданий // Антирелигиозник. 1929. № 9. С. 106–107 ; Цыпин, прот. В.А. История русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 188.

без вынесения постановлений МОИК и ВЦИК, несмотря на жалобы верующих, и требовала представить все необходимые документы согласно инструкции[201]. В случаях, когда местные власти игнорировали запросы, комиссия направляла повторные требования с установлением конкретных сроков ответа[202]. Вместе с тем нельзя считать, что комиссия защищала интересы верующих. Когда решения районных исполкомов о закрытии храмов не противоречили действующему законодательству, они неизменно утверждались. Так, в январе 1932 г. Президиум Московского областного исполнительного комитета постановил закрыть церкви святителя Николая и Вознесения в городе Кашире, а также церковь в селе Колотово, поскольку эти храмы были фактически закрыты еще в 1930 г. и использовались под ссыпные пункты и столовую, а верующие перешли в другие действующие церкви поблизости[203].

Рассмотрение жалоб на стеснение условий для проведения религиозных обрядов и другие нарушения прав верующих также осуществлялось исключительно по инициативе центральных органов. Материалы по Арсеньевскому району демонстрируют характерную ситуацию. Верующие села Кузьменок обратились с жалобой на препятствование проведению религиозных обрядов со стороны местного председателя сельсовета непосредственно в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Центральная комиссия направила в Московскую областную комиссию поручение разобраться в ситуации и устранить нарушения законодательства о религиозных объединениях. Показательно, что лишь после прямого указания из центра Московская комиссия потребовала от Арсеньевского райисполкома в срочном порядке устранить стеснения к отправлению религиозных обрядов, поскольку действия местных властей являлись прямым нарушением закона. Районное руководство запросило

[201] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 39. Л. 39.
[202] Там же. Л. 49.
[203] Там же. Л. 60.

сельсовет, который отрицал факт срыва службы, объяснив инцидент проведением описи церковного имущества за неуплату налогов и страховых взносов. В итоге Московская областная комиссия доложила во ВЦИК, что «вопрос о стеснении религиозных обрядов…урегулирован», очевидно, удовлетворившись данным ответом[204].

Переписка с Веневским райисполкомом показывает, что Московская областная комиссия функционировала прежде всего как разъяснительная и координирующая инстанция, транслировавшая на местном уровне решения и установки Центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК. Она, в частности, разъясняла порядок регистрации благочинных и предписывала выдачу справок, подтверждавших право служителя культа осуществлять деятельность в пределах всего района[205]. Показательно и разъяснение о регистрации служителей культа, имевших судимость: регистрация допускалась при условии отбытия наказания и наличия права проживания на всей территории СССР[206]. Следуя указаниям ВЦИК, областная комиссия также вмешивалась в случаи неправомерного привлечения духовенства к выполнению твердых заданий по сельскохозяйственным поставкам, требуя пересмотра решений в соответствии с ранее изданным циркуляром по данному вопросу[207]. Наконец, реагируя на жалобы о хулиганских нападениях на церковные здания, она требовала от районной милиции немедленного пресечения подобных действий и привлечения виновных к уголовной ответственности[208].

Между тем районное руководство регулярно игнорировало запросы областной комиссии, что вынуждало последнюю направлять повторные требования и даже привлекать областную прокуратуру. Так, летом 1933 г. верующие села Михайловское направили жалобу о незаконных действиях

[204] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–8.
[205] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 67. Л. 12–13.
[206] Там же. Л. 9.
[207] Там же. Л. 3.
[208] Там же. Л. 12–13.

местных властей и препятствиях в отправлении религиозных обрядов непосредственно в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК. Центральная комиссия поручила Московской областной комиссии разобраться в ситуации. Не получив ответа, областная комиссия была вынуждена обратиться к районному прокурору, указав, что бездействие райисполкома является недопустимым[209]. Произвол районных властей также демонстрирует другой конфликт, инициированный жалобой во ВЦИК, – запрет верующим села Никольское ходить с иконами по домам в религиозные праздники. Райисполком пытался обосновать запрет наличием массовых заболеваний в районе, однако комиссия разъяснила, что эпидемиологические соображения могут служить основанием для ограничений лишь при реальной угрозе здоровью населения. В остальных случаях сельсовет обязан выдавать разрешения на отправление религиозных обрядов[210].

Административную небрежность местных властей также демонстрирует дело о краже имущества из Назарьевской церкви Звенигородского района. Помощник прокурора Московской области сообщил областной комиссии, что храм длительное время не действовал, а райисполком фактически оставил здание без присмотра. В результате кражу совершили несовершеннолетние воспитанники детского дома. Комиссия жестко отреагировала и потребовала от районных властей вынести на Президиум райисполкома вопрос об организации надлежащей охраны церковного здания и его целесообразном использовании[211]. Этот эпизод показывает, что комиссия отвечала не только за соблюдение прав верующих, но и за сохранность государственного имущества, поскольку церковные здания и утварь считались государственными.

Системные недостатки в организации контроля над религиозными объединениями на территории Московской области были выявлены самой

---

[209] ЦГАМО. Ф. 4570. Оп. 1. Д. 91. Л. 14.
[210] Там же. Л. 8–13об.
[211] Там же. Л. 16–17.

центральной комиссией. Согласно докладной записке ответственного секретаря Культовой комиссии при ВЦИК Воробьева, направленной секретарю ЦИК А.С. Кистареву, работа Московской областной комиссии по вопросам культов в 1931–1932 гг. характеризовалась грубыми нарушениями установленных процедур. «Ввиду значительного количества отмены Культовой Комиссией ВЦИК постановлений Облисполкомов о ликвидации молитвенных зданий, вследствие их необоснованности, – пишет Воробьев, – а также приняв во внимание значительное поступление жалоб на неправильные решения РИКов и Облисполкома, Комиссия ВЦИК в конце 1932 г. обследовала работу Культовой Комиссии [Мособлисполкома]»[212].

Проверка, проведенная Комиссией ВЦИК в конце 1932 г., выявила грубые нарушения в деятельности областной комиссии. Как отмечалось в докладной записке: «Со дня образования Областной Комиссии она собиралась всего 3 раза, из которых 2 раза по предложению Комиссии ВЦИК, после чего вся работа, возлагаемая на комиссию, выполнялась секретарем Комиссии и одним членом Президиума Облисполкома, которых сменилось 5 человек»[213]. Коллегиальный принцип работы оказался полностью нарушен.

Особую озабоченность центральных органов вызывал порядок рассмотрения дел о ликвидации молитвенных зданий. «Дела о ликвидации молитвенных зданий, без предварительной проработки секретарем Комиссии, докладывались члену Президиума Облисполкома и решались последним (единолично) по существу». Такая практика привела к массовой «… отмене 48% постановлений Облисполкома [ВЦИКом] и помимо этого из общего количества поступивших в Комиссию ВЦИК дел о ликвидации – 64% таковых были возвращены Облисполкому для дополнительной проработки»[214]. Эти данные свидетельствуют о низком качестве подготовки решений и грубом нарушении установленных процедур.

---

[212] ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
[213] Там же.
[214] Там же.

Грубые нарушения законности, по мнению автора, фиксировались и в отношении верующих. До января 1932 г. «Облисполком о своих постановлениях о ликвидации молитвенных зданий, в нарушение ст. 37 постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г., общинам верующих не сообщал, вследствие чего ликвидация производилась в административном порядке». Масштаб нарушений подтверждается статистикой жалоб: «в 1931 году Комиссия ВЦИК из поступивших 740 жалоб, на решения РИКов и Облисполкома, удовлетворила ходатайства 567 жалобщиков», что составляет более 76%. Ситуация не улучшилась и в 1932 г.: «Комиссия ВЦИК приняла 793 жалобщика и 981 заявление, из которых около 60% ходатайств было удовлетворено». Судебная практика также свидетельствовала о массовых нарушениях: Верховный суд «почти 100% направляемых ему Комиссией ВЦИК дел прекратил производством за отсутствием состава преступления».

Отсутствие надлежащего контроля со стороны областной комиссии приводило к невосполнимым культурным потерям. В докладной записке отмечалось: «были не редки случаи ликвидации и разрушения последних [молитвенных зданий] в то время, как они имели особо-историческое или архитектурно-художественное значение и состояли на особом учете Наркомпроса». Кроме того, «на местах допускалось расхищение и уничтожение ценнейшего культового имущества».

Характерно, что даже прямые указания центральных органов игнорировались: «Предложение Комиссии ВЦИК – срочно сконструировать областную Культовую Комиссию, через которую пропускать дела о ликвидации молитвенных зданий, а также всю текущую работу выполнять в строгом соответствии с указанным выше положением, до сих пор не выполнено».

Таким образом, Постоянная комиссия по вопросам культов и ее областные структуры в Московской области в начале 1930-х гг. формально должны были контролировать ситуацию в религиозной сфере, однако

областная комиссия не выработала устойчивой практики самостоятельного надзора. Архивные материалы показывают, что она, как правило, приступала к разбору нарушений лишь после жалоб верующих в центральную комиссию при ВЦИК и последующих указаний. В таком порядке рассматривались дела, связанные с антиколокольной кампанией, закрытием молитвенных зданий, ограничением религиозных обрядов и незаконным привлечением духовенства к трудовым повинностям.

Разбор жалоб иногда приводил к процессуальным корректировкам: отдельные решения о закрытии церквей возвращались на доработку, а наиболее грубые нарушения установленного порядка фиксировались и пресекались. Однако эти вмешательства носили эпизодический характер и не превращались в регулярный контроль на местах. Показательно, что в 1931 г. центральная комиссия признала обоснованными более 76% жалоб верующих на действия районных властей, а Верховный суд прекратил почти все направленные ему дела за отсутствием состава преступления. В целом подобные меры не меняли общего курса антирелигиозной политики начала 1930-х гг.

Это особенно заметно, если сопоставить эпизодическое реагирование властей на жалобы верующих с общим фоном, на котором разворачивалась антирелигиозная кампания в 1930-х гг. Особенно наглядно это демонстрирует реализация антирелигиозной пропаганды в Московской области, которая проходила в свойственном данному периоду духе радикализации партийного курса по искоренению религиозных предрассудков. Основной темой центральной и местной печати становится борьба с «поповской» и «поповско-кулацкой» агитацией[215]. Вплоть до 1941 г. с небольшими периодами спада тон

---

[215] Положить конец антисоветской агитации церковников // Новый пахарь : орган Можайского укома ВКП(б), уисполкома и упрофбюро. 1929. № 18. Церковники зашевелились, развернем широкую антирелигиозную работу // Там же. 1929. № 19 ; Мобилизуем художественные силы против поповско-кулацкого агитпропа // Рабочий и искусство : массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 6 ; Против поповско-кулацкого «РАБИСа» // Там же.

печатных изданий Московской области изобличал кулаков, священнослужителей и фабрикантов как тунеядцев, эксплуататоров и классовых врагов[216]. В период «Большого террора» (1937–1938 гг.) в районных газетах появляются заголовки, напоминающие доклады с места проведения боевых действий[217] (см. § 2.2).

Параллельно с этим с 1929 г. интенсифицируется деятельность Союза безбожников, который на втором съезде его членов (в июне 1929 г.) был переименован в Союз воинствующих безбожников (СВБ). Новый устав заменил федеративный принцип устройства централизованным, а резолюция съезда декларировала превращение СВБ в массовую организацию по практической борьбе с религией. С конца 1929 г. центральной идеей Союза стала «безбожная пятилетка», и его деятельность начинает приобретать плановый характер[218]. Однако на основании протоколов заседаний районных отделений СВБ в Московской области и материалов местных периодических изданий можно заключить, что намеченные результаты достигнуты не были[219]. Итоги деятельности СВБ на общегосударственном уровне были подведены в докладе Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР для ЦК ВКП(б), составленном в декабре 1934 г.[220]. Автор обширного документа в разделе «Выводы» констатирует, что если борьбу с религией будет проводить исключительно СВБ, то и без того скверное положение ухудшится[221]. Окончательно с политической арены СВБ сойдет во время Великой

---

[216] Классовый враг не дремлет // Серп и молот : орган Клинского РК ВКП(б), РИКа и райпрофсовета Моск. обл. 1931. № 3 ; Антирелигиозная работа – важнейший фронт классовой борьбы // Там же ; Антирелигиозная выставка и 16 новых безбожников // Там же.
[217] Разоблачить до конца поповских мракобесов // На боевом посту : орган Рузского РК ВКП(б) и Московской области. 1938. № 133 ; Неустанно разоблачать контрреволюционных святош, творящих черные дела под прикрытием религии // Подольский рабочий : ежедневная газета Подольского горкома ВКП(б), РИКа, горсовета. 1938. № 6 ; Сектантские вожаки защищают подлых троцкистских диверсантов // Там же.
[218] ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3; Ф. 116. Оп. 1. Д. 2; Ф. 117. Оп. 1. Д. 6; Ф. 122. Оп. 1. Д. 1; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2; Ф. 129. Оп. 1. Д. 53; Ф. 137. Оп. 1. Д. 3; Ф. 140. Оп. 1. Д. 59.
[219] Доклад ЦС СВБ СССР ЦК ВКП(б). 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 12. Л. 106–118.
[220] Там же.
[221] Там же. Л. 115 об.

Отечественной войны, когда будет прекращена антирелигиозная пропаганда, а в 1947 г. основные сотрудники Союза войдут в состав Всесоюзного общества «Знание»[222].

Формальный характер деятельности Постоянной комиссии по вопросам культов и сети ее областных представительств компенсировался за счет активной работы силовых структур, игравших ведущую роль в конфессиональной сфере в 1929–1943 гг. В рамках реорганизации структуры Секретно-политического отдела ОГПУ 6-е отделение СО ОГПУ, отвечавшее за антирелигиозную деятельность, было преобразовано в 3-е отделение[223]. Штат сотрудников Отделения был расширен, что позволило выстроить четкую структуру представительств во всех союзных республиках, краях и областях[224]. Его руководители являлись уполномоченными представителями от ОГПУ в Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК, которая тесно координировала с ними свою деятельность в конфессиональной сфере[225].

Так, анализ протокольных материалов заседаний Постоянной комиссии по вопросам культов начала 1930 г. наглядно демонстрирует ключевую роль представителей ОГПУ в выработке и реализации антирелигиозной политики. Во всех рассмотренных протоколах (№ 4 от 6 января, № 6 от 26 января и № 7

---

[222] Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–1930-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 3 (96). С. 61–68.

[223] Приказ Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) от 5 марта 1931 г. № 95/54 «О реорганизации информационного и секретного отделов ОГПУ и им соответствующих аппаратов местных органов» // История России в документах [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371306-prikaz-ogpu-locale-nil-95-54-locale-nil-o-reorganizatsii-informatsionnogo-i-sekretnogo-otdelov-ogpu-i-im-sootvetstvuyuschih-apparatov-mestnyh-organov-locale-nil-5-marta-1931-g (дата обращения: 13.09.2025).

[224] Пидгайко В. Г. Антирелигиозные подразделения органов госбезопасности СССР [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis : электрон. науч. журн. URL : https://st-hum.ru/content/pidgayko-vg-antireligioznye-podrazdeleniya-organov-gosbezopasnosti-sssr-v-period (дата обращения: 13.09.2025).

[225] Кочетова А. С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. 1929–1934 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2012. С. 69.

от 6 февраля 1930 г.) в составе участников неизменно присутствует товарищ Тучков – представитель органов государственной безопасности. Характерно, что именно он выступал основным докладчиком по наиболее принципиальным вопросам антирелигиозной политики.

Так, например, на заседании 6 января 1930 г. Тучков представил доклады сразу по трем из пяти пунктов повестки дня: о землепользовании служителей культа, о служителях культа в святых обителях и об обследовании бывших монастырей. По результатам его выступлений комиссией были приняты постановления, направленные на лишение духовенства экономической базы и предоставление возможности на трудовое землепользование или заработок по службе лицам, «демонстративно порвавшим с религией», «снявшим сан» и «опубликовавшим об этом в соответствующих органах печати»[226]. Последующие заседания комиссии (протоколы № 6 и № 7) продолжили курс на системное наступление на экономические и социальные позиции религиозных организаций, активную роль в котором играл Тучков.

Доминирующая роль Тучкова как докладчика и постоянного участника заседаний Постоянной комиссии свидетельствует о том, что именно представители ОГПУ определяли содержательную повестку и направления антирелигиозной работы, тогда как сама комиссия выполняла функцию легитимации решений, выработанных в недрах органов государственной безопасности. Подобная практика отражала реальное соотношение сил в советском государственном аппарате периода «великого перелома», где карательные органы играли роль не просто исполнителей, но и идеологов репрессивной политики в конфессиональной сфере.

В феврале 1930 г. при всех Полномочных Представительствах ОГПУ были созданы тройки из Полпреда ОГПУ (или его заместителя), представителей местных партийных и прокурорских органов, которым соответствовали тройки территориальных образований более низкой ступени.

---

[226] ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Через данную структуру органов 3-е отделение Секретно-политического отдела ГПУ РСФСР имело право «приплетать духовенство к различным белогвардейско-монархическим и фашистским группировкам, в рамках сфабрикованных политических дел»[227]. Московский областной комитет партии отнесся к начавшейся кампании с особым сочувствием, о чем свидетельствует принятие бюро Московского обкома Постановления «О решительном раскулачивании кулаков в Московской области», в том числе «огородников под Москвой», благодаря которому впоследствии через тройку ОГПУ в Московской области пройдет свыше 11 тыс. человек[228]. Отсутствие четких критериев отнесения тех или иных лиц к кулацко-нэпманским элементам приводило к брожению и недовольству среди крестьян, в том числе в Московской области[229].

10 июля 1934 г. ЦИК СССР издал Постановление «Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата внутренних дел»[230], в структуру которого было включено ОГПУ. Новосозданный орган отвечал за обеспечение государственной безопасности и поддержание революционного порядка, а созданное при нем Особое совещание (вместо ранее действовавшей судебной коллегии ОГПУ) имело право использовать в качестве административной меры высылку в отдаленные районы СССР и в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) сроком на 5 лет. Центральной координацией вопросов в отношении

---

[227] Пидгайко В.Г. Антирелигиозные подразделения органов госбезопасности СССР [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis : электрон. науч. журн. URL: https://st-hum.ru/content/pidgayko-vg-antireligioznye-podrazdeleniya-organov-gosbezopasnosti-sssr-v-period (дата обращения: 13.09.2025).

[228] Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М. : Собрание, 2004. С. 20.

[229] Справка ИНФО ОГПУ «Об антисоветских проявлениях и ненормальностях при проведении коллективизации и раскулачивания по Московской промышленной области». По материалам с 1 января по 17 февраля 1930 г. Не ранее 17 февраля 1930 г. // ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 39. Л. 230–256 ; Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: http://istmat.info/node/26591 (дата обращения: 16.11.2024).

[230] Постановление ЦИК СССР «Об образовании Общесоюзного Народного Комиссариата Внутренних дел». 10 июля 1934 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/39060 (дата обращения: 16. 11.2024).

«церковников» на базе новосозданной структуры с 1 апреля 1937 г. занимался 4-й отдел 12-го отделения ГУГБ НКВД СССР[231].

На местном уровне была создана система местных представительств НКВД. Согласно положению об НКВД от 24 августа 1934 г., в административных центрах, имеющих городские Советы областного подчинения, организовывались городские отделы НКВД, в районах – райотделы НКВД[232], подчинявшиеся непосредственно управлению НКВД по территориальности[233].

1 декабря 1934 г. в день убийства С.М. Кирова ЦИК СССР принял Постановление «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов»[234], считающееся, по мнению ряда исследователей, документом, определившим разворот внутренней политики СССР в сторону Большого террора[235]. 27 мая 1935 г. при местных органах НКВД были созданы тройки, в состав которых входили начальник УНКВД или его заместитель, начальник управления милиции или начальник соответствующего отдела, представлявший материал на рассмотрение тройки, а также местный прокурор[236]. Протоколы троек направлялись начальнику Главного управления

---

[231] Пидгайко В. Г. Антирелигиозные подразделения органов госбезопасности СССР [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis : электрон. науч. журн. URL: https://st-hum.ru/content/pidgayko-vg-antireligioznye-podrazdeleniya-organov-gosbezopasnosti-sssr-v-period (дата обращения: 13.09.2025).

[232] Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД–МВД СССР, 1934–1956 гг. [Электронный ресурс] // CyberLeninka : научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemy-nkvd-mvd-sssr-1934-1956-gg/viewer (дата обращения: 13.09.2025).

[233] НКВД СССР. Приказ № 0044 «О структурном построении и подчинении органов НКВД». 21 августа 1934 г. [Электронный ресурс] // История России в документах. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170674-prikaz-nkvd-sssr-locale-nil-0044-locale-nil-o-strukturnom-postroenii-i-podchinenii-organov-nkvd-locale-nil-21-avgusta-1934-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 13.09.2025).

[234] Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/60107 (дата обращения: 16.11.2024).

[235] Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917—2008) : учебное пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 137.

[236] Кузьминых А.Л. Эволюция системы НКВД–МВД СССР, 1934–1956 гг. [Электронный ресурс] // CyberLeninka: научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemy-nkvd-mvd-sssr-1934-1956-gg/viewer (дата обращения: 13.09.2025).

рабоче-крестьянской милиции для представления их на Особое совещание НКВД СССР. В большинстве случаев решения троек приводились в исполнение немедленно, а в Особое совещание направлялись протоколы заседаний. Тем не менее, Особое совещание могло по своему усмотрению потребовать изменения приговора.

30 июля 1937 г. был утвержден Приказ наркома НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»[237], в котором в п. 6 в качестве контигента, подлежащего репрессированию, упоминались «сектанты и церковники»[238]. Утвержденные ЦК «лимиты» (без указания конкретных лиц) спускались областным исполкомам, которые старались их перевыполнить.

17 ноября 1938 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»[239], порядок исполнения которого был изложен в появившемся вскоре Приказе НКВД СССР № 00762[240]. Дату издания указанного Постановления принято считать окончанием периода Большого террора[241]. С 1939 по 1943 г. в структуре Секретно-политического управления ГУГБ НКВД СССР произошел ряд реорганизаций, в ходе которых центральная координация борьбы с «церковно-сектантской контрреволюцией» передавалась от одного отделения к

---

[237] Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30 июля 1937 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/36068 (дата обращения: 24.11.2024).

[238] Там же.

[239] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». 17 ноября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1204. Л. 108–117. Цит. по: Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/36068 (дата обращения: 24.11.2024).

[240] Приказ НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.». 26 ноября 1938 г. // Сталин. Время, люди, империя [Электронный ресурс]. URL: https://stalinism.ru/repressii-1937-1938gg/prikaz-nkvd-sssr-00762-o-poryadke-osushchestvleniya-postanovleniya-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-ot-17-noyabrya-1938-g.html (дата обращения: 24.11.2024).

[241] Термин «Большой террор» впервые введен в научный оборот Р. Конквестом (см.: Конквест Р. Большой террор: сталинские чистки 30-х гг. В 2 т. Рига, 1991).

другому[242]. К середине 1940-х гг. количество арестов по религиозному признаку резко сокращается, а после знаменитой встречи И.В. Сталина и первоиерархов РПЦ на Кунцевской даче происходит ряд изменений в церковно-государственных отношениях, анализ которых выходит за рамки данной исследовательской работы.

***

Период 1929–1943 гг. ознаменовался радикализацией антицерковной политики и качественным изменением всей системы государственно-церковного взаимодействия на территории Московской области. Перераспределение акцентов в этой сфере повлекло существенную перестройку бюрократического аппарата, отвечавшего за конфессиональное направление.

Упразднение Антирелигиозной комиссии в 1929 г. привело к ликвидации площадки для обсуждения различных подходов к взаимодействию с РПЦ. На смену пришла Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (с 1934 г. – при ЦИК СССР), а в Московской области было создано ее областное представительство. Однако на практике эти структуры не выработали системы действенного контроля. Областная комиссия реагировала на нарушения законодательства лишь после жалоб верующих в центральные органы и последующих прямых указаний. Массовая отмена решений о закрытии храмов, удовлетворение большинства жалоб и прекращение судебных дел свидетельствовали о глубоком разрыве между правовыми нормами и практикой их применения на местах. К середине 1930-х гг. комиссия фактически утратила влияние, юридически прекратив существование в 1938 г.

---

[242] Пидгайко В. Г. Антирелигиозные подразделения органов госбезопасности СССР [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis : электрон. науч. журн. URL: https://st-hum.ru/content/pidgayko-vg-antireligioznye-podrazdeleniya-organov-gosbezopasnosti-sssr-v-period (дата обращения: 13.09.2025).

Формальный характер работы контрольных структур компенсировался в русле общей радикализации двумя направлениями: идеологическим воздействием через агитационно-пропагандистский аппарат и активностью репрессивных органов. Союз воинствующих безбожников с 1929 г. перешел к плановой антирелигиозной пропаганде, однако достичь поставленных целей не смог, что признавалось партийным руководством. Районная периодическая печать транслировала образы духовенства как классовых врагов, особенно в период Большого террора, однако это не привело к искоренению религиозности населения.

Ведущую роль в конфессиональной политике играли органы ОГПУ-НКВД. Их представители определяли направление работы административных структур, что наглядно прослеживается в протокольных материалах, где сотрудники органов государственной безопасности выступали основными докладчиками по принципиальным вопросам. Создание системы троек и последующие структурные реорганизации обеспечили институциональную основу для массовых арестов духовенства, достигших апогея в 1937–1938 гг. Физическое устранение священнослужителей стало главным инструментом антирелигиозной политики, что привело к массовому закрытию храмов и невосполнимым культурным потерям.

Таким образом, в исследуемый период сложилась система, в которой формально-правовые механизмы регулирования существовали параллельно с репрессивной практикой. К началу 1940-х гг. наметилось постепенное смягчение государственной политики, завершившееся встречей Сталина с первоиерархами РПЦ в сентябре 1943 г., что ознаменовало переход к новому этапу государственно-церковных отношений.

1.3. Устройство Московской епархии в 1918–1943 гг.

Московская епархия накануне революционных событий 1917 г. являлась важнейшим центром духовной жизни страны. Из 67 епархий Российской Православной Церкви, находившихся на территории Российской империи в последние годы ее существования, она являлась крупнейшей по числу клириков и входивших в ее состав приходов. На территории одной только Москвы в 1918 г. насчитывалось 563 храма[243], в которых служило 1296 священников и дьяконов[244], и 25 монастырей, содержавших 2610 монашествующих обоего пола[245].

Согласно Определению Поместного Собора «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» от 8 декабря 1917 г., Москва и вся Московская епархия объединялись в одну Патриаршую область, общее ведение дел по управлению которой поручалось Патриаршему наместнику с титулом архиепископа Коломенского и Можайского[246]. В его ведении находился орган административно-исполнительной системы епархиального управления – епархиальный совет, который с самого начала был расположен в Москве, обособленной от других районов епархии в качестве отдельного субъекта[247].

Состав Московского епархиального совета был сформирован 19 мая 1918 г., а его структура – 17 июля 1918 г.[248] Его внутренняя организационная структура была заимствована у духовных консисторий и распределялась по двум экспедициям. В состав первой экспедиции входило три стола: первый стол занимался бракоразводными делами, второму были поручены дела

---

[243] Александровский М. И. Указатель московских церквей. М., 1915. С. 68.
[244] Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Выпуск второй. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 50.
[245] Александровский М. И. Указ. Соч. С. 69–70.
[246] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Собрание определений и постановлений. М., 1994. С. 5.
[247] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 33 об.
[248] Московские церковные ведомости. 1918. № 6. С. 3.

ставленнические, приходские, пенсионные, строительные и другие мелкие, а третьему – наградные, вероисповедные, законоучительские, подготовка докладов и отчетов Епархиальному Собранию, распорядительные функции. Вторая экспедиция состояла из двух столов, первый из которых заведовал судебными и брачными делами, а второй – хозяйственными[249].

Московский епархиальный совет имел широкий круг полномочий, границы которого простирались от координации деятельности благочиний[250] до преобразования структурного устройства епархии[251]. По его инициативе в 1919 г. Москва была выделена в самостоятельный субъект епархиального управления внутри Московской епархии[252], которая, в свою очередь, делилась на шесть полусамостоятельных викариатств: Дмитровское, Серпуховское, Волоколамское, Верейское, Коломенское и Богородское[253].

Административно-хозяйственное управление викариатствами поручалось «викарным архиереям», которые в своей деятельности должны были руководствоваться определением «О викарных епископах» (от 2 (15) апреля 1918 г.)[254] и «Наказом для епископов полусамостоятельных епархий»[255]. Процедура назначения викарного архиерея Московской епархии включала два этапа: подготовку списка кандидатов Патриаршим наместником архиепископом Крутицким и утверждение Священным Синодом[256]. Викарии,

---

[249] Борисюк А. А. Система церковного управления на территории Москвы 1918–1925 гг.: дис. … канд. ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2022. С. 51–52.
[250] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 19. Л. 233.
[251] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 32.
[252] Там же.
[253] Бузин И. А. Эволюция церковного управления Московской епархии 1917–1921 гг. [Электронный ресурс] // Сретенские чтения : материалы XXVI научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. 2020. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. С. 160. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42594193_29596536.pdf (дата обращения: 14.09.2025).
[254] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 42
[255] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 33.
[256] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 42.

как правило, получали титул по уездному городу и проживали при местном монастыре, нередко состоя в должности его настоятеля[257]. Так, волоколамский викарий пребывал в Иосифо-Волоцком монастыре, а звенигородский – в Саввино-Сторожевском. К концу 1921 г. в епархии несли служение десять викарных епископов. Помимо упомянутых выше, были учреждены Сергиевская (Сергиево-Посадская), Звенигородская, Клинская и другие кафедры. Пять викариев находились в Москве, остальные пребывали в уездных центрах Московской губернии[258].

К 1919 г. в Московской епархии окончательно сложилась вертикаль управления. Епархией руководил Патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин, 1865–1925), действуя через наместника в сане архиепископа Крутицкого. Наместник опирался на Московское епархиальное собрание – высший орган управления, которое формировало Московский епархиальный совет, выполнявший функции главного административно-исполнительного органа между съездами.

Московская епархия состояла из 15 уездов Московской губернии, каждый из которых для удобства управления и надзора делился на благочиннические округа[259] – церковно-административные единицы, объединявшие несколько приходов и храмов[260]. Число таких округов в уездах различалось в зависимости от размеров территории и количества церквей – от одного до семи (например, в Московском уезде – семь, в Серпуховском – два, в Верейском – пять)[261].

---

[257] Дестивель Иакинф, свящ. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М. : Изд-во Крутицкого подворья; Об-во любителей церковной истории, 2008. — (Материалы по истории Церкви; кн. 41). С. 151–152.

[258] Православная энциклопедия: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/2564192.html#part_34 (дата обращения: 20.03.2026).

[259] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып.1. М. : Издание Соборного Совета, 1918. С. 28.

[260] ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 11.

[261] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 103. Л. 40–40 об.

В каждом благочинническом округе в качестве административно-распорядительного органа действовало благочинническое собрание, исполнительным органом которого был благочиннический совет под председательством благочинного[262]. Согласно «Временному положению о благочинническом совете», его состав избирался сроком на три года, решения принимались большинством голосов, а при равенстве – председателем в лице благочинного. Принятые на заседаниях решения заносились в виде постановлений в журнал, который затем подписывался благочинным и всеми участниками совета[263]. В спорных случаях благочинный обязан был обращаться за разъяснениями к епархиальному священноначалию[264].

В 1920-х гг. институт благочинных оставался важным элементом церковной жизни Москвы и Московской губернии. Так, в 1922 г. архиепископ Никандр (Феноменов), управлявший Московской епархией, инициировал сбор сведений о положении приходов. Собранные материалы позволяют заключить, что благочиния продолжали действовать и выборы благочинных проводились[265]. В 1930–1943 гг. сведения о деятельности благочиний почти отсутствуют и фактически ограничиваются упоминанием благочинного в Серпухове в 1934 г.[266] Согласно докладу Уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина, к июню 1941 г. в Московской области числилось 105 храмов, однако многие из них из-за арестов духовенства практически не действовали[267]. В условиях общей

---

[262] Там же.
[263] ЦГА г. Москвы. Ф .203. Оп. 744. Д. 1452. Л. 209.
[264] Там же.
[265] Борисюк А. А. Система церковного управления на территории Москвы 1918–1925 гг. : дис. … канд. ист. наук. 5.6.1–Отечественная история. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2022. С. 71–72.
[266] Новак В. Благочиние как институт церковного управления: история и современность: на материалах Люберецкого благочиния Московской областной епархии. М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2024. С. 88.
[267] Голубцов С.А. Церковная Московия в 1935–1965 гг. // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 57.

нестабильности епархиального управления поддержание благочинических округов, вероятно, было затруднительно.

Структурно-функциональную единицу благочиния составлял приход. По определению Приходского устава, принятого в 1918 г., он «состоял из клира и мирян», объединяющихся при храме и находящихся в каноническом подчинении епархиального архиерея, руководящего им через настоятеля[268]. В качестве вспомогательного органа при настоятеле действовал Приходской совет, основная функция которого заключалась в решении задач имущественно-хозяйственного характера и приходского управления[269].

Динамика изменения числа приходов на территории Московской губернии/области в исследуемый период выглядит следующим образом. До революции православные культовые учреждения Московского региона насчитывали 3922 церкви[270]. Послереволюционный период отмечен значительным сокращением их численности. К началу 1938 г. количество православных церквей в Москве и Московской области составило всего 869[271], к 1941 г. – 226, а к июню 1941 г. – 136 (31 в столице и 105 в области) [272]. Следует отметить, что данное сокращение частично объясняется административно-территориальными изменениями, а именно отделением от Московской области Тульской и Рязанской областей[273]. Тем не менее, за два с половиной десятилетия советской власти православная церковная инфраструктура региона подверглась кардинальному сокращению.

Еще одной формой организации церковной жизни в уездах Московской епархии, предусмотренной Определением Поместного Собора от 2 (15) апреля 1918 г., были уездные и окружные собрания. Их созывали по благословению

---

[268] Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 3. М. : Издание Соборного Совета, 1918. С. 13.
[269] Там же.
[270] ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 25. Л. 97, 98.
[271] Там же.
[272] Там же.
[273] Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М., 2011. С. 5.

епархиального архиерея либо по инициативе одного из благочиннических округов викариатства. В их работе участвовали делегаты, избранные на благочиннических и приходских советах. Обычно председательствовал викариальный архиерей, пребывавший в уездном городе, однако с благословения епархиального архиерея эту обязанность могли возложить на одного из благочинных уезда или настоятеля крупного собора. Вероятно, повестку дня предварительно согласовывали с Патриаршим наместником. На собраниях обсуждали вопросы богослужебной и хозяйственной жизни «города, уезда и округа», избирали делегатов на Епархиальные собрания, а принятые постановления, в зависимости от председателя, направляли на утверждение Патриаршему наместнику, викарному архиерею или Епархиальному собранию[274].

Начиная с весны 1920 г. органами советского правительства начинает проводиться планомерная политика по дестабилизации структуры епархиального управления Патриаршей Церкви[275] (см. § 1.1). Впервые позиция советского правительства в отношении органов епархиального управления была высказана 19 мая 1920 г. в циркуляре Народного комиссариата юстиции «О прекращении деятельности б. Консисторий – ныне переименованных в Епархиальные Советы, Генеральных Консисторий и т. п., действующих вопреки декрету «Об отделении церкви от государства»[276]. Автор циркулярного письма – руководитель VIII Ликвидационного отдела Наркомюста П.А. Красиков – предлагал «…всем местным Губернским

[274] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1918. Вып. 3. Приложение к «Деяниям» второе. С. 43–44.
[275] ГАРФ. Ф. А353. Оп 3. Д. 789. Л. 15.
[276] Постановление Народного Комиссариата Юстиции № 205. «О прекращении деятельности б. Консисторий — ныне переименованных в Епархиальные Советы, Генеральных Консисторий и т. п., действующих вопреки декрету «Об отделении церкви от государства» (Циркуляр). [Электронный ресурс] // Исторические материалы (istmat.org). URL: https://istmat.org/node/41698 (дата обращения: 14.09.2025).

Исполнительным Комитетам прекращать деятельность бывших Консисторий, ныне переименованных в Епархиальные советы…»[277].

Высшая церковная власть РПЦ оперативно реагировала на сложившуюся ситуацию. 7/20 ноября 1920 г. было издано знаменитое Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета № 362, ставившее своей целью «преподать епархиальным архиереям» перечень указаний, руководствуясь которыми становилось возможным поддерживать административное функционирование церковных структур[278].

Первый пункт Постановления предписывал всем епархиальным архиереям в случае прекращения деятельности Синода и Высшего Церковного Совета обращаться «за разрешением дел» лично к патриарху либо к лицу, специально им уполномоченному. При полном отсутствии органов высшего церковного управления документ предлагал несколько вариантов: создание «Временного Высшего Церковного Правительства» или «митрополичьего округа» во главе со старейшим по хиротонии епископом; единоличное управление епархией архиереем при содействии Епархиального собрания и совета; предоставление викариям полусамостоятельных епархий всех прав епархиальных архиереев. Важным представляется 9-й пункт Постановления, который вступал в силу при «крайней дезорганизации церковной жизни» епархии. Под «крайней дезорганизацией» имелось в виду непризнание власти епархиального архиерея рядом лиц и приходов. В подобной ситуации архиереям предписывалось «не слагать с себя полномочий», а объединять в благочиния и епархии верные им приходы[279].

В 1921 г. была прекращена официальная деятельность Московского епархиального совета[280]. Тем не менее, руководствуясь Инструкцией «О

---

[277] Там же.
[278] Церковные ведомости.1926. № 17—18. С. 6—7.
[279] Там же.
[280] ГАРФ. Ф. А353. Оп 3. Д. 789. Л. 15.

действиях епархиальных советов в случае их упразднения»[281], она продолжила свое существование в виде канцелярии при управляющем епархией митрополите Крутицком, которому помогали 9 викариев[282]. Жизнедеятельность на приходском уровне была подробно регламентирована в различных инструкциях и декретах советского правительства.

Таким образом, сложившаяся в 1918–1919 гг. структура управления Московской епархией к 1921 г. была полностью дестабилизирована. Высшие органы церковного управления, а также собрания и советы всех уровней были исключены из правового поля. Единственной легальной формой организации церковной жизни становится консолидация верующих в виде «религиозных обществ» и «групп». Роль гаранта их существования берет на себя советское государство, которое будет стремиться осуществлять функции церковно-административного управления их жизнедеятельностью без каких-либо посредников. Монастыри были подвергнуты ликвидации и переходу на систему приходского управления[283], прекратилась деятельность православных союзов и объединений[284]. Тем не менее вертикаль основных органов по управлению Московской епархией к этому времени была сформирована и

---

[281] Там же. Л. 85.

[282] Подольский, Верейский, Звенигородский, Сергиевский, Волоколамский, Серпуховской, Дмитровский, Коломенский, Можайский. Первые пять епископов находились в Москве (лишь один из них, епископ Верейский Иларион (Троицкий), часто служил в храмах Верейского уезда). Остальные проживали в городах Московской губернии. Созданный Патриархом резерв из епархиальных епископов, находившихся в столице, создавал возможность для передачи им прав по управлению Московской епархией в случае ареста. К концу 1921 г. число викариев Московской епархии достигло 11 за счет учреждения Клинского и Богородского полусамостоятельных викариатств.

[283] Рябоконь В.В., прот. Особенности антирелигиозной политики по закрытию храмов на рубеже 1920–1930-х гг. (на примере ликвидации монастырей г. Смоленска) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2021. № 3. С. 121–141 ; Васильев А., прот. Попытки сохранения православных монастырей в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.) // Богослов.ru : научный богословский портал. URL: http://www.bogoslov.ru/text/2868945.html#_edn1 (дата обращения: 03.12.2021) ; Отделение церкви от государства в СССР : полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела НКЮста РСФСР / сост. П.В. Гидулянов. М. : Юридическое изд-во НКЮста РСФСР, 1926. С. 161.

[284] Борисюк А. А. Система церковного управления на территории Москвы 1918–1925 гг. : дис. … канд. ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2022. С. 77.

продолжала свое существование на нелегальной основе. Принимая во внимание данное обстоятельство, советское правительство разработало стратегию по ее планомерному уничтожению, получившему в церковно-исторической науке название «обновленческого раскола»[285].

Автором стратегии церковного раскола, по мнению многих исследователей[286], являлся Л.Д. Троцкий[287]. Выделяя в РПЦ два течения – «открыто контрреволюционное» и советско-соглашательское, – Лев Давидович видел возможность сотрудничества с последним на буржуазно-соглашательских основах. Допуская вероятность постепенного проникновения поддерживаемой властью группы духовенства в «передовые слои трудящихся», он видел перспективы сотрудничества с ней лишь в течение ограниченного времени – до окончательного слома контрреволюционной части церковников», в руках которых находится управление. Затем же «сменовеховцев», а вместе с ними и всю перешедшую под их покровительство церковь, предполагалось уничтожить[288].

В рамках намеченного курса государство приступило к изъятию церковных ценностей под предлогом помощи голодающим Поволжья. По мнению многих исследователей, целью данной кампании являлось планомерное уничтожение высших иерархов Церкви – епископата и

---

[285] См. например: Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века.

[286] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М., 1991 ; Аристова К.Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: первые уроки советской власти : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. На правах рукописи. Пенза, 2011. С. 134; Табунщикова Л.В. Политика советского государства в отношении Русской Православной Церкви на Дону (1920–1943 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история. На правах рукописи. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2023. С. 240.

[287] Существуют альтернативные точки зрения по вопросу генезиса обновленческого движения. См. например: Соловьев И.В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики). М., 2002. С. 18, 19; Данилушкин М.Б., Никольская Т.К., Шкаровский М.В. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. Т. 1 (1917–1970). М., 1992. С. 224; Васильева О.Ю. Жребий митрополита Сергия (от «Декларации» до «Памятной записки») / / Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. Материалы. М., 1997. С. 174–186

[288] Архивы Кремля. В 2 кн. // Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск. 1997. С. 162–163.

отдельных представителей духовенства[289]. По словам секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, политическая цель изъятия ценностей состояла в том, «чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него»[290].

План воплощения намеченной кампании в жизнь был довольно четко сформулирован в секретном циркулярном письме, распространенном украинским ГПУ среди своих губернских отделений 9 января 1922 г. Говоря «о заинтересованности в победе церковно-обновленческого движения», автор письма в качестве первой задачи обозначает необходимость «разрушить организационное единство церкви». Затем он предлагает «отстранить от влияния на широкие массы верующих реакционно-черносотенные элементы из духовенства», заменив их «прогрессивным духовенством», через которое планировалось оказывать воздействие на «политическую сторону церковной жизни». Автор предлагает «не останавливаться не перед какими мерами» при удалении из церковной среды «контрреволюционных элементов»[291].

Последствия данной кампании для церковно-административного управления Московской епархией были катастрофическими[292]. 22 марта 1922 г. был арестован управляющий Московской епархией митрополит Крутицкий Никандр (Феноменов)[293]. 6 мая 1922 г. патриарх Тихон был заключен под домашний арест, а уже 19 мая помещен под строжайший

---

[289] Захарова Л.Б. Отношения властей и Церкви в начале 1920-х гг.: кампания по изъятию церковных ценностей // Вестник СамГУ. 2013. № 2(103). С. 64–70.

[290] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Кн. 1. 1922–1925 гг. Раздел 3 [Электронный ресурс] // Азбука веры (azbyka.ru). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/arhivy-kremlja-politbyuro-i-tserkov-kniga-1-1922-1925-gg/3 (дата обращения: 14.09.2025).

[291] «Требование заполнения анкеты сексота необязательно». Инструкция ГПУ Украины по организации групп «Живой церкви» // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 111–123.

[292] Об изъятии церковных ценностей в Московской губернии см.: Никонов В.В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1.

[293] Православное духовенство: база данных по клиру Русской Православной Церкви. Персональная запись № 20390 [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/20390/ (дата обращения: 14.09.2025).

контроль в Донском монастыре[294]. Начинаются аресты викариев Московской епархии.

Патриарх Тихон временно делегировал полномочия высшего церковного управления митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому, 1854–1928)[295]. В это же время органами ГПУ была выявлена «Инициативная группа» из либерально настроенного духовенства, которая добилась от него разрешения на передачу дел по канцелярии митрополиту Агафангелу. Интерпретировав это согласие как санкцию на учреждение Высшего Церковного Управления (ВЦУ), участники группы заложили основы церковно-административной структуры, получившей в историографии название «обновленческой»[296]. Показательно, что вскоре секретариат ЦК РКП(б) разослал губернским отделениям циркуляр о необходимости всемерной поддержки обновленческих организаций[297].

После Второго Всероссийского Поместного собора (обновленческого) 1923 г. было создано Высшее Церковное Управление (ВЦУ), а на территории Московской епархии – обновленческое Московское епархиальное управление, возглавляемое «митрополитом Московским» Антонином (Грановским, 1865–1927), исполняющим также обязанности председателя ВЦУ[298].

---

[294] Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / сост. В.В. Виноградов [и др.]; отв. сост. Н. А. Кривова; гл. ред. прот. В. Воробьев. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 27.

[295] Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам ЦА ФСБ / гл. ред. : прот. Владимир Воробьев. М. : ПСТБИ, 2000. С. 162.

[296] Иванов С.Н. О причинах передачи св. Патриархом Тихоном канцелярских дел группе священников в мае 1922 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 3 (40). С. 28.

[297] Шестаков С. П. Расколы в Русской Православной Церкви в 1924–1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений : дис. … канд. филос. наук. 09.00.13 [на правах рукописи]. М. : РАГС при Президенте РФ, 2006. С. 23.

[298] Краснов-Левитин А. Э., Шавров В. М. Очерки по истории русской церковной смуты (20-е – 30-е гг. XX в.). М., 1996. Т. 1. С. 91.

Должность митрополита Крутицкого занял «митрополит» Александр Введенский (1889–1946)[299].

Многие из 11 полусамостоятельных викариатств оказались под властью обновленцев. Данное обстоятельство стало возможным из-за перехода некоторых викариев под юрисдикцию раскольников и аресту большинства иерархов, сохранивших верность Патриаршей Церкви. В 1922 г. в обновленческий раскол уклонились епископы Можайский Иннокентий (Бобцов)[300] и Клинский Иннокентий (Летяев)[301]. Вместе с тем находились под арестом викарные епископы Верейский Иларион (Троицкий)[302]; Волоколамский Герман (Ряшенцев)[303]; Коломенский и Броницкий Феодосий (Ганицкий)[304]; Звенигородский Николай (Добронравов)[305]; Дмитровский Серафим (Звездинский)[306], а епископы Богородский Никанор Кудрявцев[307] и Серпуховской Арсений (Жадановский) (в 1923 г. заболел)[308] ушли на покой по

---

[299] Чернова Е.Л. К истории противостояния Патриаршей Церкви и обновленчества в Москве (1923–1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2014. № 17 (139). С. 83.

[300] «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) сост. И.В. Соловьев. М. : Издательство Крутицкого подворья, 2002. С. 758.

[301] Лавринов В.В. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М. : Общество любителей церковной истории, 2016. (Материалы по истории Церкви; кн. 54). С. 263.

[302] Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич), архиепископ, священномученик [Электронный ресурс] // Православное духовенство: база данных. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/47/ (дата обращения: 17.09.2025).

[303] Герман (Ряшенцев Николай Степанович), епископ, священномученик [Электронный ресурс] // Православное духовенство: база данных. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9701/ (дата обращения: 17.09.2025).

[304] Феодосий (Ганицкий Иван Федорович), епископ, святитель, исповедник [Электронный ресурс] // Православное духовенство: база данных. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/13742/ (дата обращения: 17.09.2025).

[305] Николай (Добронравов Николай Павлович), архиепископ, священномученик [Электронный ресурс] // Православное духовенство: база данных. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/6255/ (дата обращения: 17.09.2025).

[306] Серафим (Звездинский Николай Иванович), епископ, священномученик [Электронный ресурс] // Православное духовенство: база данных. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/20475/ (дата обращения: 17.09.2025).

[307] Никанор Кудрявцев [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikanor_Kudryavcev/ (дата обращения: 17.09.2025).

[308] Арсений (Жадановский Александр Иванович), епископ [Электронный ресурс] // Православное духовенство: база данных. URL : https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/6329/ (дата обращения: 17.09.2025).

состоянию здоровья. Среди викариев Московской епархии на свободе оставались епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов), проживавший с 1923 г. (после закрытия Троице-Сергиевой Лавры) в Москве и исполнявший обязанности настоятеля Высокопетровского монастыря[309], и епископ Подонский и Подольский Петр (Полянский), назначенный в январе 1924 г. на Крутицкую кафедру с должностью Управляющего Московской епархией[310]. Таким образом, масштабного перехода Московских викариев под обновленческий омофор не было.

14 февраля 1924 г. с целью укрепления своих позиций обновленческий Синод издает циркулярное письмо «Об организации викариальных кафедр и управлений»[311]. В документе говорилось о необходимости организации во всех уездных городах, крупных слободах и селениях викариальных кафедр, при которых должны были создаваться викариальные управления. В качестве высших органов епархиального управления предлагались Епархиальные съезды духовенства и мирян и съезды уездных Уполномоченных. Исполнительным органом являлось Епархиальное управление, которому должны были подчиняться уездные Уполномоченные (к примеру, в Богородском уезде уполномоченным от ВЦУ был священник Евгений Афанасьевич Уберский)[312]. Последним подчинялись Уездные Комитеты, состоявшие из благочинных уезда, которым были подотчетны окружные Комитеты из выборных лиц[313].

---

309 Варфоломей (Ремов Николай Федорович), архиепископ [Электронный ресурс] // Православное духовенство : база данных. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/11914/ (дата обращения: 17.09.2025).

310 Мазырин А.В. Священномученик митрополит Крутицкий Петр (Полянский) как управляющий Московской епархией (1924–1925) // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 7 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный; Общество сохранения литературного наследия; Изд-во ОРПК «Кадашевская слобода», 2010. С. 187–188.

311 Шестаков С. П. Расколы в Русской Православной Церкви в 1924–1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений : дис. … канд. филос. наук. 09.00.13 [на правах рукописи]. М. : РАГС при Президенте РФ, 2006. С. 28.

312 РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 196. Л. 41.

313 Соловьев И.В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики). М., 2002. С. 32.

Однако уже к концу десятилетия эта «уездная» модель управления перестала соответствовать новой государственной карте: в 1929 г. началась коренная административно-территориальная реформа (ликвидация губерний и уездов, введение областей, округов и районов)[314], с которой совпало стремительное сокращение приходов, подконтрольных обновленческим структурам. Принимая данные обстоятельства во внимание, обновленческое руководство перешло к укрупнению своих управлений и созданию надъепархиальных центров координации[315]. Таким образом в 1929 г. была создана Московская обновленческая митрополия, которая объединила в себе значительные территории центральной России. В ее состав вошло шесть епархий: Московская, Калужская, Орехово-Зуевская, Тверская (с 1931 г. – Калининская[316]), Тульская и Рязанская. Орехово-Зуевская епархия просуществовала в составе митрополии до 1935 г., после чего была упразднена[317]. Управление этой обширной территорией осуществлялось через митрополитанское[318] церковное управление, которое состояло из пленума и президиума. В пленум входили все епархиальные и викариальные архиереи митрополии по должности, а также представители клира и мирян. Такая структура позволяла координировать деятельность обновленческих общин на огромной территории центральной России[319].

К 30 марта 1936 г. Московская митрополия включала четыре епархии с 219 храмами. В самой Московской епархии насчитывалось 38 церквей,

---

[314] Постановление Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений» [Электронный ресурс] // Викиисточник. URL : https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_Президиума_ВЦИК_от_14.01.1929_%22Об_образовании_на_территории_РСФСР_административно-территориальных_объединений%22 (дата обращения: 21.09.2025).

[315] Лавринов В.В. Обновленческий раскол: в портретах его деятелей. М. : Общество любителей церковной истории, 2016. (Материалы по истории Церкви; кн. 54). С. 25–26.

[316] Цыков И.В. Органы управления Тверской (Калининской) епархией и динамика внутрицерковной жизни в 1917 – середине 1930-х годов : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 – Отечественная история. На правах рукописи. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2013. С. 33–34.

[317] Там же. С. 644.

[318] Там же.

[319] Лавринов В. В. Обновленческий раскол: в портретах его деятелей. М. : Общество любителей церковной истории, 2016. (Материалы по истории Церкви; кн. 54). С. 25–26.

которые обслуживали 50 штатных и 5 заштатных священников, а также 10 диаконов. Калужская епархия располагала 8 храмами, Рязанская – 67 церквями, наиболее крупной была Тульская епархия со 106 церквями[320].

К началу Великой Отечественной войны территориальная структура обновленческой части Московской епархии была значительно сокращена. В ведении обновленцев в Москве оставалось всего 6 церквей. После эвакуации обновленческого руководства в Ульяновск 14 октября 1941 г. для управления Московской епархией были поставлены два новых архиерея – Сергий Ларин с титулом епископа Звенигородского и Анатолий Филимонов с титулом епископа Коломенского. Было также воссоздано Московское епархиальное управление для координации деятельности оставшихся обновленческих приходов[321].

Дальнейшая история обновленческого движения на территории Московской губернии, а затем области – это история его постепенной деградации[322] и использования обновленчества советской властью в качестве противовеса Патриаршей Церкви. Накануне Великой Отечественной войны из 200 храмов на территории СССР Московская обновленческая епархия имела в своем подчинении 32 храма[323]. На встречу И.В. Сталина с митрополитами РПЦ в 1943 г. представители обновленческого раскола приглашены не были, а в 1944 г. под давлением государства происходит их постепенное присоединение к Московской Патриархии.

По сравнению с относительно устойчивой системой управления обновленцев в Московской епархии церковно-административные структуры

---

[320] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1149. Л. 24

[321] Лавринов В.В. Указ. соч. С. 638.

[322] Никонов В.В. Политика советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг. : дис. … д-ра ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история / науч. конс. д-р ист. наук, доц. А.А. Киличенков ; ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». М., 2024. На правах рукописи. С. 413-419.

[323] Соловьев И.В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической характеристики). М., 2002. С. 697.

Патриаршей Церкви в 1923–1924 гг. заметно менялись. После освобождения патриарха Тихона в Москве возобновил работу, фактически в нелегальном режиме, Московский епархиальный совет. В 1924 г. под давлением советской власти Патриарх был вынужден согласиться с требованием о его закрытии[324]. Вместе с тем в 1925 г. при митрополите Крутицком Петре (Полянском) продолжали действовать Епархиальный совет и Епархиальное управление, что свидетельствует о сохранении епархиальных административных структур, несмотря на предпринимавшиеся меры по их ликвидации[325]. Его существование фиксируют пометы на клировых ведомостях: «В Московский епархиальный совет при Святейшем Патриархе Тихоне» [326]. Непосредственное управление епархией патриарх поручил вернувшемуся из ссылки архиепископу Илариону (Троицкому). Активная деятельность патриарха Тихона и архиепископа Илариона привела к тому, что к осени 1923 г. доля обновленческих приходов в Московской губернии сократилась до 10–20%[327].

В условиях невозможности легальной регистрации епархиальных структур на местах и постоянной угрозы арестов викарные епископы фактически сосредоточились в Москве. Это создавало «резерв» архиереев на случай задержания патриарха или его наместника. По свидетельству А.Д. Самарина, в столице проживало до 30 епископов[328]. При этом собираться под председательством патриарха они не могли из-за запрета ОГПУ на такие собрания без специального разрешения.

Управляющий Московской епархией архиепископ Верейский Иларион (Троицкий) осуществлял связь с приходами через благочинных, настоятелей и

---

[324] Виноградов В.П., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг.). Мюнхен, 1959. С. 2–72.
[325] Московская епархия [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Т. 47. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. С. 187–307. URL: https://www.pravenc.ru/text/2564192.html (дата обращения: 02.11.2026).
[326] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 337. Л. 1–116.
[327] Мраморнов А.И. Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич; 1886-1929), архиеп. Верейский, духовный писатель, богослов, сщмч. // Православная Энциклопедия. Т. 22. С. 144–154
[328] Там же.

приходские советы, которые выступали в качестве авторов прошений священноначалию абсолютно бессистемно (например, об обращении из раскола). Данное обстоятельство свидетельствует о полной дестабилизации органов управления Московской епархией, которые к тому же ранее только начинали свое функционирование после реформ Поместного Собора.

В 1925 г. скончался Патриарх Тихон. Все права и обязанности по управлению Московской епархией переходили к его Наместнику[329] – митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому)[330]. Помимо прав по управлению епархией, митрополит Петр как Местоблюститель Патриаршего престола возглавил всю Русскую Православную Церковь. После его ареста 10 декабря 1925 г. обязанности Местоблюстителя были делегированы митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому)[331].

Право управления Московской епархией, согласно завещательному письму митрополита Петра от 6 декабря 1925 г., было передано Совету Преосвященнейших Московских викариев, первоначально состоявшему из четырех архиереев[332]. В неопубликованной части сборника М.Б. Губонина «Современники о Патриархе Тихоне» содержатся сведения о фактически действовавшем триумвирате викариев Московской епархии: Бронницкого Иоанна (Василевского), Сергиевского Амвросия (Смирнова) и Клинского Гавриила (Красновского) (место которого вскоре занял епископ Серпуховской Алексий (Готовцев). При триумвирате викариальных епископов действовала канцелярия, которая и составляла Епархиальное управление[333].

---

[329] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. Вып. 1. С. 5–6.

[330] Мазырин А.В. Вопрос об управлении Московской епархией в период ее вдовства в 1925–1934 гг. // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 9 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. С. 179.

[331] Там же. С. 180.

[332] Махароблидзе Е. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 7.

[333] Мазырин А.В. Вопрос об управлении Московской епархией в период ее вдовства в 1925–1934 гг. // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 9 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. С. 180-181.

Архивные материалы судебно-следственного дела епископа Сергиевского Амвросия (Смирнова), арестованного 13 мая 1926 г., содержат сведения о том, как осуществлялось управление Московской епархией «триумвиратом». Ведущий его дело следователь указывает, что Совет из трех епископов создал нелегальный административно-церковный центр, осуществляющий фактическое управление всеми приходами Московской губернии. К ним из различных уездов приезжали священнослужители за утверждением, без которого они не могли состоять в штате прихода, и благочинные[334].

В этот же период под покровительством органов ОГПУ в Московской епархии была выделена группа из десяти архиереев под председательством архиепископа Григория (Яцковского, 1855–1935). 2 января 1926 г. данной группой был образован Временный Высший Церковный Совет, а 1 февраля 1926 г. сторонниками раскола была получена резолюция находящегося в тюрьме митрополита Петра, которой Местоблюститель временно передавал свои права коллегии из трех архиепископов: Владимирского Николая, Томского Димитрия и Екатеринбургского Григория. Члены Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС) истолковали резолюцию в контексте передачи их учреждению всей полноты прав по управлению Церковью[335].

4 февраля 1926 г. викарий Московской епархии епископ Можайский Борис (Рукин), один из главных сторонников нового раскола, разослал столичным благочинным циркулярное письмо, в котором извещал, что ВВЦС возложил на него право управления Московской епархией и организации Московского епархиального управления[336]. Таким образом, была предпринята попытка организации третьей структуры по управлению Московской епархией. Вместе с тем сторонники григорианского раскола считались

---

[334] ЦА ФСБ РФ. Д. Р–43244. Л. 7 об. – 8.
[335] Григорий (Яцковский), архиеп. Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926. С. 9
[336] Махароблидзе Е. Что творится в России // Церковные ведомости. 1926. № 5–6. С. 7.

«предателями чистой тихоновщины» и не пользовались особой популярностью среди верующих Московской губернии[337].

В мае 1926 г. Совет московских викариев прекратил свое существование, так как двое его членов, епископ Сергиевский Амвросий (Смирнов) и епископ Бронницкий Иоанн (Василевский), были арестованы. Управление Московской епархией продолжил епископ Серпуховской Алексий (Готовцев), высланный в июне 1926 г. в свой кафедральный город Серпухов[338]. В это же время произошел ряд серьезных изменений, определивших дальнейшее положение РПЦ.

В 1926 г. Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) обратился в НКВД с ходатайством о легализации высших органов управления Патриаршей Церковью[339]. Пытаясь добиться удовлетворения своей просьбы, митрополит Сергий хотел получить согласие на сохранение внутренней свободы РПЦ. Тем не менее после трех месяцев тюремного заключения он согласился удовлетворить негласное требование ОГПУ о предоставлении им контроля над представителями иерархии Патриаршей Церкви[340], за что получил от НКВД разрешение на осуществление деятельности созданного при нем Временного Патриаршего Священного Синода.

13 апреля 1927 г. митрополит Сергий уведомил управляющего Московской епархией епископа Алексия (Готовцева) о своем вступлении в должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя[341]. С этого момента

---

[337] Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 3.

[338] Мазырин А. В. Вопрос об управлении Московской епархией в период ее вдовства в 1925–1934 гг. // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 9 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. С. 186.

[339] См.: Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников / вступит. ст., коммент. и подгот. текста к публикации М.И. Одинцов // Диспут. 1992. № 1. С.182–197; №2. С.174–203.

[340] Мазырин А. В. Легализация Московской патриархии в 1927 г.: скрытые цели // Отечественная история. 2008. № 4. С. 117.

[341] Там же.

все назначения архиереев на кафедры стали проходить после согласования кандидатуры с органами ОГПУ[342].

Данное требование четко соблюдалось в Московской епархии. К примеру, на должность Управляющего Московской епархией в мае 1927 г. был назначен архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), который являлся специальным осведомителем органов ОГПУ[343]. Кроме того, произошла «чистка» архиереев Русской Православной Церкви, коснувшаяся в том числе и викариальных кафедр Московской епархии, количество которых увеличилось за счет создания Воскресенского и Орехово-Зуевского викариатств.

Отличительной особенностью новой кадровой политики было то, что возвратившиеся из ссылок архиереи отправлялись на покой или отдаленные кафедры[344]. На места находящихся в ссылке архиереев назначались новые управляющие без приставки «временно». Необходимым условием для назначения на влиятельные архиерейские кафедры было заявление о лояльности советскому правительству и верности Декларации митрополита Сергия.

25 мая 1927 г. Временный Патриарший Священный Синод предписал правящим архиереям подать в местные органы власти заявления о своей регистрации как епархиальных преосвященных и о регистрации временно сформированных при них епархиальных советов. Также предусматривалась

---

[342] См.: Мазырин А.В. Вопрос о призвании служителей Церкви в эпоху гонений: два взгляда современников // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43). С. 70–82 ; Беглов А.Л. Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году, или почему митрополит Сергий (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? // Альфа и Омега. 2007. № 49.

[343] ЦА ФСБ РФ. Д. Р-38766. Л. 37 ; Мазырин А.В. Вопрос о призвании служителей Церкви в эпоху гонений: два взгляда современников // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 6 (43). С. 73.

[344] Косик О. В. Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 119.

регистрация викариев, а об образовании при них уездных структур и благочинических советов следовало лишь уведомлять уездные власти [345].

Реальное воплощение этого курса в жизнь задержалось. Лишь 31 октября 1927 г. Секретный отдел ОГПУ направил в ЦАУ НКВД ответ, подписанный Т.Д. Дерибасом и Е.А. Тучковым. Согласно информации, содержащейся в данном документе, формальную регистрацию епархиальных управлений «тихоновской» ориентации следовало отклонять. Вместе с тем, если такие управления фактически возникали, местным органам НКВД предписывалось не мешать их функционированию, оставляя их вне легальной регистрации.

Через две с половиной недели данная информация была доведена до сведения административных отделов на местах по линии НКВД. 17 ноября 1927 г. исполнявший обязанности начальника ЦАУ НКВД разослал циркуляр, который повторял указанные положения ОГПУ и вводил дополнительное ограничение. Местным административным отделам предписывалось воздерживаться от выдачи любых справок, то есть не оформлять не только регистрацию, но и простое подтверждение получения списков членов епархиальных управлений[346].

Таким образом становится понятным, что предложенная модель церковно-государственного взаимодействия, распространяющаяся и на Московскую епархию, не давала административным церковным структурам никаких прав, тогда как взамен возлагала обременительные обязательства.

Период 1927–1934 гг. характеризуется постоянными кадровыми изменениями. К примеру, 4 июня 1928 г. на должность епископа Волоколамского, викария Московской епархии, был назначен архимандрит Питирим (Крылов, 1896–1937), потом в том же году он был переведен на

---

[345] Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 499–500.

[346] Декларация митрополита Сергия (Страгородского): Документы и свидетельства современников / публ. М.И. Одинцова // Диспут. 1992. № 2. С. 201–202.

Иваново-Вознесенскую кафедру, а в сентябре 1929 г. вновь был возвращен в столицу с присвоением титула епископа Орехово-Зуевского[347]. Менялись и управляющие Московской епархией. Назначенный на данную должность архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский) был арестован в 1931 г. и отправлен в концлагерь сроком на три года. Новый временно исполняющий обязанности управляющего, все тот же архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов), был назначен только 12 мая 1932 г.[348]

Согласно Постановлению Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода от 12 марта 1934 г. № 14 была проведена реорганизация церковного управления в соответствии с гражданским административно-территориальным делением СССР на области[349], а утвержденное «Положение о полномочиях областного архиерея» определило новую структуру церковного управления. Областной архиерей, занимая кафедру главного города области и непосредственно управляя вверенной ему епархией, получал общее попечение о благосостоянии прочих епархий области. В его компетенцию входило наблюдение за исполнением в епархиях распоряжений Патриархии, разъяснения и указания епархиальным архиереям, созыв совещаний архиереев области, представительство перед центральной гражданской властью области по местным церковным нуждам[350]. Важным нововведением стало преобразование полусамостоятельных епископий в самостоятельные епархии. Согласно пункту 3 постановления, существующие полусамостоятельные епископии превращались в епархии и наряду с прочими передавались в общее ведение областных архиереев[351].

---

[347] Питирим (Крылов) // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : https://www.pravenc.ru/text/2580694.html (дата обращения: 18.09.2025).

[348] Питирим (Крылов) // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : https://www.pravenc.ru/text/2580694.html (дата обращения: 18.09.2025).

[349] Положение об областных Преосвященных от 12 марта 1934 г. № 14 // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21.

[350] Положение о полномочиях областного архиерея // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21.

[351] Там же.

Позднее, 27 апреля 1934 г., Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) был присвоен титул «Блаженнейший Митрополит Московский и Коломенский», а распределение обязанностей по управлению Московской епархией предоставлено его усмотрению[352].

Данная система предполагала сочетание принципов единоначалия в лице областного архиерея и относительной самостоятельности епархий в пределах области, что создавало двухуровневую структуру церковного управления, соответствующую административному делению страны. Представленная структура лежит в основе дальнейшего построения церковно-административной структуры Московской епархии (после 1943 г.) и в основе современного церковного управления Московской области[353].

После убийства в декабре 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова репрессии в отношении духовенства и верующих усилились [354]. Под давлением властей 18 мая 1935 г. митрополит Сергий (Страгородский) как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя инициировал коллегиальный самороспуск Временного Синода. Его функции решили передать собору областных архиереев. В 1936 г. к митрополиту Сергию перешли права Местоблюстителя Патриаршего престола, а фактическим управляющим Московской епархией становится митрополит Сергий (Гришин), ранее назначенный на Дмитровскую кафедру. Согласно данным Центральной комиссии по вопросам культов, к началу 1936 г. в Москве числилось 53 действующих храма, а в Московской области – 1870. Позднее появилось уточнение, что из 1923 храмов реально действовали лишь 970, то есть имели общину и настоятеля.

---

[352] Журнал Московской Патриархии. 1934. № 20–21. С. 217–218

[353] ЖУРНАЛ № 4 [Электронный ресурс] // Патриархия.ru — Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL : https://www.patriarchia.ru/article/101959 (дата обращения: 20.09.2025).

[354] Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / пер. с итал. О. Р. Щелоковой. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 108;

Управление Московской епархией в 1937–1941 гг. разворачивалось в условиях почти непрерывного кризиса. Осенью 1937 гг. репрессии лишили епархиальную власть ключевых помощников. В сентябре арестовали викарного Дмитровского епископа Димитрия (Добросердова). В октябре задержали тайно служившего в Орехово-Зуеве епископа священномученика Никиту (Делекторского, 1892–1937). 27 октября того же года взяли под стражу бывшего Звенигородского викария архиепископа священномученика Николая (Добронравова), который после окончания ссылки мирно жил в Москве.

Сам митрополит Сергий в 1937–1938 гг. находился под постоянной угрозой ареста. После 1938 г. волна Большого террора пошла на спад, но система церковного управления оказалась почти полностью разрушена. При митрополите Московском и Коломенском Сергии (Страгородском) оставался только один викарий – епископ Дмитровский Сергий (Воскресенский), а на территории Московской епархии числилось всего 108 церквей. При этом многие из них не имели возможности вести церковно-богослужебную жизнь из-за арестов духовенства[355].

В период 1941–1943 гг. происходит постепенное смягчение государственной политики в отношении РПЦ. 4 сентября 1943 г. состоялась встреча ее архиереев с И. В. Сталиным, которая задала дальнейшее направление церковно-государственных отношений.

***

В период 1918–1943 гг. устройство Московской епархии претерпело кардинальные изменения, обусловленные целенаправленной государственной политикой по разрушению канонической структуры церковного управления. Советское правительство с самого начала ставило своей целью дестабилизацию функционирования органов епархиального управления

[355] Православная энциклопедия: сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pravenc.ru/text/2564192.html#part_34 (дата обращения: 20.09.2025).

«патриаршей» Церкви, исключая их из правового поля и одновременно создавая альтернативные, подконтрольные государству структуры.

На территории епархии параллельно существовали две основные церковно-административные системы: «патриаршая» (эстафету от которой позднее приняли сторонники Временного Патриаршего Священного Синода во главе с митрополитом Сергием (Страгородским)) и «обновленческая». Динамика их противостояния определялась не столько церковными, сколько политическими факторами, подробно рассмотренными нами в § 1.1 и 1.2.

В процессе изменения системы церковного управления Московской епархии можно условно выделить три основных этапа:

1. В 1918–1922 гг. была разрушена вся вертикаль управления Московской епархией РПЦ, сформированная Поместным Собором. Высшие органы управления Московской епархией последовательно организовывались в виде Московского епархиального совета (1918–1921), затем канцелярии при управляющем епархией, что свидетельствовало о полной дестабилизации только начавшей формироваться системы.

2. В 1922–1927 гг. государство активно внедряло альтернативные структуры управления через обновленческий и григорианский расколы. Несмотря на государственную поддержку, обновленческие структуры не получили широкой поддержки верующих – к осени 1923 г. количество обновленческих приходов в Московской губернии составляло всего 10–20%. Управление «патриаршей» частью Московской епархии осуществлялось через нелегально продолжавший функционировать Московский епархиальный совет (1922–1924 гг.), триумвират викариальных архиереев (1925–1926), Временный Патриарший Священный Синод (с 1927 г.) и назначавшихся им епархиальных управляющих по согласованию с ОГПУ.

3. В 1927–1943 гг. происходила частичная легализация органов управления РПЦ при усилении государственного контроля над кадровой политикой.

Попыткой институциональной адаптации стала реформа 1934 г., ориентированная на административно-территориальное деление СССР и вводившая институт областных архиереев. Она сочетала принцип единоначалия с ограниченной самостоятельностью епархий, однако ее реализация была прервана репрессиями 1937–1938 гг., которые практически разрушили систему церковного управления.

Масштаб утраты церковной инфраструктуры отражает сокращение числа храмов: согласно приведенным данным, до революции их насчитывалось 3922, а к июню 1941 г. действовало 136 (31 в Москве и 105 в области). При сопоставлении этих показателей необходимо учитывать изменение административных границ региона. Обновленческие структуры к началу войны контролировали лишь 6 церквей в Москве и 32 храма на территории епархии.

К 1943 г. при митрополите Московском и Коломенском Сергии (Страгородском) оставался только один викарий — епископ Дмитровский Сергий (Воскресенский), что свидетельствовало о почти полном распаде епархиального управления. Смягчение государственной политики наметилось лишь в годы Великой Отечественной войны. Его поворотным пунктом стала встреча церковных иерархов с И. В. Сталиным 4 сентября 1943 г., открывшая новый этап церковно-государственных отношений.

Глава 2. Историко-документальное наследие государственного администрирования жизнедеятельности Русской Православной Церкви на территории Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

2.1. Комплекс документов по регулированию жизнедеятельности приходов Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

Регулирование приходской жизни на территории Московской губернии/области осуществляли административные отделы при исполнительных комитетах. Их контроль над местными «религиозными обществами» и «группами» реализовывался через обязательную регистрацию приходских общин (с 1922 г. – перерегистрацию), административное наблюдение за внутри- и межприходской деятельностью, а также закрытие молитвенных зданий. В связи с этим для удобства анализа архивные материалы целесообразно разделить на три соответствующие группы:

1) документы по регистрации и перерегистрации общин;

2) материалы административного контроля за приходской деятельностью;

3) документы, связанные с закрытием молитвенных зданий и прекращением деятельности приходов.

Рассмотрим последовательно каждую из выделенных групп источников, начав с *документов по регистрации и перерегистрации общин*.

Обязательная регистрация религиозных общин являлась ключевым инструментом административного регулирования церковной деятельности на протяжении всего исследуемого периода. Данная процедура была официально введена в 1922 г., однако и до этого момента функционирование церковного прихода было невозможно без установления определенных взаимоотношений с местными органами государственной власти.

Стандартная форма договорных отношений была детально изложена в Инструкции Наркомюста 1918 г.[356] Данный документ подробно регламентировал имущественные взаимоотношения между государственными структурами и религиозными объединениями, материальным подтверждением которых служил договор[357] с прилагавшейся к нему подробной инвентарной описью храмового имущества. Ознакомимся с его формой и содержанием на примере договора о передаче церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Нахабино Звенигородского уезда Московской губернии от 28 октября 1919 г.[358]

Представленный договор оформлен полностью в рукописном виде, структурирован по пунктам, регламентирующим права и обязанности сторон. Отсутствие печатного бланка указывает на то, что на местах такие договоры обычно составляли вручную, опираясь на инструкции и типовые образцы. В качестве подписантов выступают представители советской власти (уполномоченный Павловского Волостного совета П.М. Гусев) с одной стороны и группа верующих во главе с церковным старостой Сергеем Алексеевым и старостой Павлом Завьяловым – с другой[359].

Неотъемлемой частью договора является инвентарная опись, выполненная также в рукописном виде и структурированная по разделам: «Опись церкви», «Алтарь», «Предалтарный иконостас», раздел с описанием подсвечников и лампад, священных сосудов, облачений и других предметов богослужебного назначения. Опись отличается высокой степенью детализации с указанием материалов (серебро, медь, бронза, дерево),

---

[356] Постановление Народного Комиссариата Юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

[357] Православная Москва в 1917–1921 гг. : сборник документов и материалов. М., 2004. С. 167–168.

[358] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 69. Л. 1–8.

[359] Договор о передаче церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Нахабино Звенигородского уезда Московской губернии от 28 октября 1919 года // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 69. Л. 6-7.

размеров, веса, украшений (эмаль, позолота, камни), что свидетельствует о строгом учете церковного имущества, переходящего во временное пользование[360].

Особую ценность представляет акт проверки сохранности церковного имущества от 18 декабря 1921 г., подтверждающий преемственность и непрерывность контроля со стороны государственных органов. Данный акт, подписанный членом Волисполкома, представителями церковного причта (священником Сергеем Лесовым и псаломщиком) и Председателем сельсовета Завьяловым, удостоверяет полную сохранность имущества и отсутствие изменений в составе инвентаря. В отличие от других документов дела, акт представлен в печатном виде[361].

До середины 1922 г. для законного пользования культовым имуществом религиозной группе было достаточно иметь договор с приложенной к нему инвентаризационной ведомостью[362]. Ситуация изменилась 12 июня 1922 г., когда ВЦИК утвердил Декрет «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»[363]. После вступления данного нормативного акта в силу перечень необходимой документации существенно расширился. Характерным является официальное наименование комплекта документов, требовавшихся для заключения договора: «Дело о перерегистрации православной христианской общины»[364]. В разных уездах и волостях наименование «Дела»

---

[360] Опись церкви Покрова Пресвятой Богородицы, состоящей в селе Нахабине, Звенигородского уезда, Московской епархии // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 69. Л. 2–6.
[361] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 69. Л. 8.
[362] См. также: Договоры с группами верующих о передаче им церковного имущества в Подольском уезде, с описями имущества. 28.01.1922 – 31.01.1922 г. // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 277.
[363] Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 12 июня 1922 г. //Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL : https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1343.htm (дата обращения: 06.10.2025).
[364] Например: ЦГА г. Москвы. Ф. 1215. Оп. 4. Д. 1–78.

разнилось, однако именно это обозначение точнее всего отражало его содержание[365].

Арендный договор, оставаяясь ключевым элементом, представлял лишь одну из составляющих данного комплекта. К примеру, просматривая состав документальных материалов, содержащихся в деле о перерегистрации Знаменской Кунцевской церкви Московского уезда, мы видим, что, помимо договора, в его состав входили: официальное обращение в территориальный орган административного контроля (преимущественно в подразделение уездной милиции)[366], юридическое соглашение между общиной и государством[367], реестр членов церковного совета[368], поименный перечень священнослужителей[369], полный список членов религиозной общины[370], инвентаризационная ведомость церковных ценностей[371], информационная справка «Сведения о предметах, значившихся в описи за 1921 год, но по декрету изъятых из храма в 1922 году»[372] и официальный документ, подтверждающий соответствие фактически имеющегося имущества тому, которое было зафиксировано в инвентаризационной описи[373,374].

---

[365] Встречаются такие названия, как «Соглашение между помощником начальника милиции и населением о передаче церкви Борисоглебской с. Зюзино Ленинской волости» (ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 118); «Дела регистрации группы верующих Предтеченской церкви села Ащерино» (ЦГАМО. Ф. 2461. Оп. 1. Д. 1) и т.д.

[366] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–16об.

[367] Там же. Л. 9–10об.

[368] Там же. Л. 24–25.

[369] Там же. Л. 26–28.

[370] Там же. Л. 17–23.

[371] Там же. Л. 1а–8об.

[372] Там же. Л. 36–36об.

[373] Там же. Л. 28–35об.

[374] Аналогичный пакет документов прослеживается и в других Соглашениях с местными отделениями милиции Московской губернии. См., например: ЦГАМО. Ф. 65 Оп. 1 Д. 110 (Соглашение между помощником начальника милиции и населением о передаче церкви Успенской с. Троханеево Коммунистической волости) ; ЦГАМО. Ф. 65 Оп. 1 Д. 118 (Соглашение между помощником начальника милиции и населением о передаче церкви Борисоглебской с. Зюзино Ленинской волости); ЦГАМО. Ф. 65 Оп. 1 Д. 119 (Соглашение между помощником начальника милиции и населением о передаче церкви с. Качалово Ленинской волости) ; ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1 Д. 206. (Соглашение между помощником начальника милиции и населением о передаче населению церкви с. Гребнево Щелковской волости) и др.

Особое значение придавалось юридическому соглашению между общиной и государством, составлявшемуся по унифицированной форме с включением сведений о взятии на учет культового имущества. Церковный совет был обязан предоставлять поименные списки членов религиозной общины с указанием их социального положения, возраста и места жительства. Примером служат списки прихожан Знаменской церкви с указанием фамилий, имен, отчеств, возраста и адресов каждого верующего[375]. Обязательным элементом также являлся подробный реестр членов церковного совета с отметками об их общественном положении до 1914 г. и времени пребывания в населенном пункте[376].

Анализ архивных материалов позволяет выделить один из наиболее важных документов Дела – «Сведения о предметах, значившихся в описи Знаменской Кунцевской Церкви, Московскаго уезда, за 1921 год, но по декрету изъятых из храма в 1922 году», который фиксирует конкретные предметы, исключенные из церковного пользования. Данный документ являлся важной частью системы учета, отражая изменения в составе церковного имущества в результате государственной политики по изъятию ценностей[377].

Завершающим документом дела выступает лист-заверитель, датированный 11 августа 1925 г. В нем зафиксировано, что дело содержит 28 пронумерованных, прошнурованных и опечатанных листов, хотя фактическое количество составляет 40. Подобное расхождение может объясняться последующим добавлением материалов после первичного заверения дела либо исключением из нумерации приложений и обложки. Заверительная надпись удостоверена должностным лицом – заведующим церковным столом, скрепившим документ своей подписью. Обратная сторона

---

[375] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 39. Л. 17–23.
[376] Там же. Л. 24–25.
[377] Там же. Л. 36–36об.

последнего листа скреплена сургучной печатью, служившей дополнительной защитой от несанкционированных изменений[378].

Такая тщательная система документационного обеспечения отражает значительное усложнение государственного контроля за церковным имуществом в послереволюционный период. Требования к оформлению документации становились все строже, что проявлялось не только в детализации инвентаризационных описей, но и в процедуре заверения самих дел, превращая религиозную общину из собственника в подотчетного пользователя национализированного имущества.

Помимо увеличения перечня документации, необходимой для регистрации религиозных объединений, к 1923 г. произошло принципиальное изменение в юридическом статусе самих приходских общин. Анализ архивных материалов свидетельствует о трансформации простой «группы верующих», заключавшей договор с местным Совдепом в 1918–1922 гг., в формально организованное «религиозное общество с уставом» в 1923 г. Для регистрации такого общества требовалось не менее 50 человек, что создавало дополнительную сложность для сохранения легального статуса малочисленных приходов. Данное нововведение документально подтверждается в материалах Гребневского прихода Московского уезда. В протоколе «общего собрания граждан, принадлежащих храму», от 14 сентября 1923 г. обсуждалась инструкция Наркомпроса от 27 апреля 1923 г. и постановление Московского совета рабочих и крестьянских депутатов (МСРиКД) о перерегистрации религиозных общин от 8 июня 1923 г. Согласно этим нормативным актам, община была обязана принять устав, «составленный применительно к нормальному уставу[379], опубликованному в № 92 Известий ВЦИК», и избрать представителей для взаимодействия с органами власти[380].

---

[378] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 39. Л. 37об.–38об.
[379] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 167. Л. 5.
[380] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 206. Л. 8.

Вопросы административного учета религиозных объединений неоднократно пересматривались государственными органами, причем каждая новая редакция нормативных актов характеризовалась возрастающей бюрократизацией процедуры. К примеру, с 1922 г. последовательно вводился в действие ряд законодательных документов, устанавливающих обязательную регистрацию всех функционирующих приходов с их последующей фиксацией в информационных системах НКВД. В более поздний период рассматривалась возможность увеличения минимального количественного порога для регистрации общины до 50 участников, однако в 1929 г. был восстановлен первоначальный численный критерий. Так, просматривая дело о перерегистрации Покровской церкви в селе Мешковском, находим, что количество членов религиозной общины, указанное в сведениях о состоянии имущества культа от 10 мая 1926 г., составляло 52 человека[381], тогда как в момент заключения договора 17 декабря 1918 г. община насчитывала лишь 33 члена[382]. Примечательно, что официальную ответственность за сохранность национализированного имущества несли только 26 человек[383].

Регистрационная документация оформлялась в трех экземплярах. По завершении контрольно-проверочных мероприятий первая документальная копия вручалась официальным представителям верующих с предписанием о ее хранении непосредственно в храмовом помещении, вторая оставалась в распоряжении местного Совета депутатов, а третья направлялась в центральный аппарат Народного комиссариата просвещения для систематизированного учета.

Дополнительно в регистрационное дело часто включались различные вспомогательные документы и служебные записки, касающиеся фиксации изменений в составе культового имущества (проведенные восстановительные работы, случаи хищения, приобретенные предметы церковного обихода и

[381] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 250. Л. 4–5.
[382] Там же. Л. 17.
[383] Там же.

другие подобные сведения). Примечательно, что непосредственное заключение договорных отношений происходило только после формирования и проверки всего вышеуказанного массива документов.

Постановление «О религиозных объединениях» 1929 г. в своей основе сохранило основополагающие принципы административного регулирования приходской деятельности, однако внесло существенные изменения в систему регистрации религиозных обществ. Ключевым нововведением стало законодательное закрепление процедуры обязательной регистрации с четко регламентированными параметрами. Так, в Постановлении было прописано, что религиозная община могла формироваться исключительно по территориальному признаку из группы единоверцев численностью не менее двадцати человек, а сам регистрационный процесс должен был осуществляться в строго регламентированные сроки, не превышающие тридцати календарных дней, по истечении которых заявители должны были получить либо официальное свидетельство о регистрации, либо формализованный отказ без необходимости его объяснения[384].

После вступления в силу соответствующего законодательства пакет документов для оформления религиозной общиной права пользования культовым имуществом был существенно изменен. Прежде всего его переименовали в «Дело о регистрации религиозного общества или группы верующих», а каждый документ оформлялся на типографском бланке с присвоением номера. При этом структура дела в целом сохранилась.

Первым оставалось заявление по форме № 1 с данными о численности объединения, территориальном охвате деятельности и конфессиональной принадлежности. Далее шел реестр членов общины с расширенными биографическими сведениями: помимо имени, возраста, профессии и адреса включались сведения о занятости с 1914 г. и о судимостях – требование,

[384] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/22769 (дата обращения: 22.07.2025).

отсутствовавшее в 1920-е гг. Под № 3 помещалось регистрационное удостоверение. Затем – справка о персональном составе исполнительного органа и ревизионной комиссии, избранных общим собранием прихожан. Этот элемент был введен Постановлением 1929 г., поскольку ранее такие структуры в приходской системе отсутствовали. Новым документом стала «Анкета для служителей культа» (№ 5), требовавшая развернутых сведений о духовенстве. Дополнительно включалась «Справка о служителе культа» (№ 6), подтверждавшая получение заполненной анкеты административным подразделением местного Совета депутатов[385].

Унификация состава регистрационного дела и введение типовых бланков были элементом общегосударственной кампании перерегистрации, инициированной постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. Инструкция «О правах и обязанностях религиозных объединений» и Постановление «О регистрации религиозных объединений» закрепили обязательность регистрации, формы документов и предельные сроки ее проведения[386]. Ввиду затруднений на местах срок кампании неоднократно продлевался: Постановлением № 219 – до 1 октября 1930 г., Постановлением № 434 – до 1 января 1931 г. Усиление контроля за проведением данной процедуры нашло свое отражение в циркуляре НКВД № 487 от 4 октября 1930 г., предусматривавшем ликвидацию объединений, не прошедших регистрацию, и ответственность должностных лиц[387].

Определяющая роль силовых структур в принятии решения о заключении договора с религиозным обществом прослеживается уже с 1923 г. По крайней мере, первое выявленное нами документальное подтверждение данного обстоятельства содержится в материалах переписки с Мосгуботделом ГПУ и начальником милиции Московского уезда по вопросам отправления

---

[385] БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 50. Л. 26–36.
[386] Бюллетень НКВД. 1929. № 37. С. 691–698.
[387] Батченко В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законотворчестве на рубеже 1920-1930-х гг. [Электронный ресурс] // Седмица.RU. URL : https://sedmitza.ru/lib/text/7697292/ (дата обращения: 17.10.2025).

религиозных обрядов и передачи храмов верующим[388]. Показателен один из документов данного комплекса – сопроводительное письмо с грифом «Секретно», адресованное уполномоченному Материально-технического отдела Государственного политического управления (МТО-ГПУ) Московского уезда. В нем профильный отдел Управления Московского уездного совета (МУС) препровождает заявление приходского совета и комплект приложений, необходимых для оформления отношений с религиозным обществом: список членов, сведения об исполнительном органе, устав, «список исповедников», а также протокол собрания общины и опись имущества. Главное в письме – заключительная часть, где прямо указано: «Отдел Управления МУС просит дать свой отзыв на предмет заключения договора с названным об-вом»[389]. Следовательно, заключение договора не ограничивалось решением административного органа и становилось возможным только после получения мнения ГПУ. Это позволяет говорить о том, что силовое ведомство фактически контролировало допуск религиозных обществ к договорным отношениям и оказывало решающее влияние на итоговое решение.

Подводя итоги анализа архивных источников, касающихся процесса регистрации и перерегистрации религиозных обществ и групп, стоит отметить полное соответствие их содержания и формы общему руслу государственно-церковного взаимодействия в тот или иной период. Так, в период 1918–1922 гг. в Договоре о передаче храмового имущества в пользование верующим главное значение играла именно инвентарная опись. В данном случае санкции в отношении религиозной общины могли быть введены при обнаружении порчи или утраты указанного в ней имущества религиозного назначения. В период 1922–1929 гг. на смену «Договору» приходит «Дело о перерегистрации религиозной общины», содержащее целый комплекс

[388] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 5–14.
[389] Там же. Л. 5.

документов. Из-за усложнения бюрократической составляющей появлялось больше поводов для отказа в регистрации. Кроме того, на основе входящих в дело материалов пополнялись списки лишенцев и расширялся перечень угроз возможного прекращения функционирования общины. В период 1929–1943 гг. название комплекта документов о регистрации вновь меняется. Среди перечня материалов, входящих в «Дело о регистрации религиозного общества или группы верующих», особое место начинают занимать персональные данные духовенства, сотрудников прихода и входящих в его состав верующих. Менее подробно указывается состояние храмового имущества, более подробно – биографические данные указанной категории лиц. Данные изменения полностью соответствуют историческому периоду эскалации репрессивных мер государственного аппарата против духовенства и верующих, подтверждением чему является решающая роль органов ГПУ на заключительной стадии.

Успешное прохождение процедуры перерегистрации не гарантировало религиозной общине дальнейшее спокойное существование. В промежутках между ежегодными перерегистрациями местные органы власти осуществляли постоянное *административное регулирование внутриприходской жизнедеятельности,* требуя согласования общих собраний членов приходского актива, кадровых изменений и проведения религиозных манифестаций.

Проведение общих собраний религиозных обществ находилось под строгим государственным контролем и требовало обязательного получения официального разрешения от соответствующих административных органов. В населенных пунктах сельского типа данные полномочия принадлежали волостным исполкомам или районным административным подразделениям, тогда как в городской местности решения принимались административными

отделами[390], в фондах которых и откладывалась делопроизводственная переписка по данным вопросам[391]. До 1929 г. официальной нормативно-правовой регламентации процедуры согласования общеприходских собраний не существовало. Тем не менее действовало негласное правило, согласно которому религиозные общины были обязаны извещать местную власть не позднее чем за семь дней до планируемого мероприятия, предоставляя детальную информацию о дате, месте проведения и повестке дня[392]. То же касалось проведения священнослужителями богослужений на соседних приходах. Согласно разъяснению Организационно-учетного отделения Моссовета, «…заявления о совершении богослужения должны подаваться от лиц [их] совершающих…»[393] Архивные материалы Московского Совета содержат многочисленные заявления священнослужителей о предстоящих богослужениях. Так, 10 февраля 1920 г. священник церкви Сошествия Святого Духа Владимир Быков уведомлял, что «во исполнение предписания организационно-учетного отделения» планирует совершить богослужения 15, 22 и 28 февраля в церкви святителя Николая в Котельниках[394].

Архивные источники свидетельствуют о том, что каждое подобное мероприятие неизменно становилось предметом информирования представителей правоохранительных органов и спецслужб. Так, секретная записка от 22 декабря 1923 г. наглядно иллюстрирует этот механизм: Отдел управления Московского уездного совета (МУС) уведомляет начальника милиции 5-го района о разрешенном собрании верующих в поселке Люблино, давая прямое указание принять информацию «для сведения и наблюдения». Данный факт также подтверждается аналогичным документом, адресованным

---

[390] Батченко В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законотворчестве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 305–331.
[391] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» 8 апреля 1929 г. URL : https://istmat.org/node/22769 (дата обращения: 27.05.2023).
[392] БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 37. Л. 23 ; Там же. Л. 27. ; Там же. Л. 29 ; Там же. Л. 31 ; Там же Л. 34. Там же. Л. 37.
[393] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 214 Л. 18.
[394] Там же. Л. 10.

уже не в милицию, а напрямую уполномоченному МГО ГПУ по Московскому уезду «т. Шашкову». В уведомлении от 24 ноября, подписанном заведующим профильным «Церковным столом», сообщается о санкционировании собрания в поселке Малаховка, назначенного на 25 декабря. Примечательно, что органы госбезопасности информировались не только о факте сбора, но и о его точной повестке – выборах президиума и вопросе «о зданиях культа» – с той же формулировкой «для сведения и наблюдения», что свидетельствует о системном характере надзора со стороны спецслужб[395].

Более того, сохранились материалы, согласно которым в отдельных случаях сотрудники местной милиции командировались для непосредственного участия в указанных мероприятиях. К примеру, в конце декабря 1923 г. Отделом управления Московского уездного совета было выдано удостоверение, официально предписывающее уполномоченному сотруднику отбыть в Троицкое сельцо Трудовой волости для присутствия на общем собрании местного духовенства[396]. Возможные причины подобных командировок заключались в часто случавшихся столкновениях между представителями Патриаршей Церкви и обновленцев на подобных собраниях, о чем более подробно будет сказано далее (см. § 3.2).

Одновременно с уведомлением представителей силовых структур о подобных мероприятиях местные органы власти выдавали верующим письменное разрешение на их проведение. Форма «разрешительного» документа могла различаться. К примеру, в декабре 1923 г. Мало-Сырковский сельский совет специальным «мандатом» подтвердил полномочия группы граждан, делегированных обществом для участия в общецерковном собрании в селе Федоровском. Этот документ, скрепленный печатью и подписью районного председателя, не только подтверждал легитимность выборных представителей перед благочинническим советом, но и свидетельствовал о

---

[395] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 15–16.
[396] Там же. Л. 17.

том, что само мероприятие и состав участников были согласованы с местной администрацией[397]. В ходе анализа архивных материалов нами была выявлена наиболее частая причина отклонения ходатайств о религиозных собраниях: подозрение в контрреволюционной деятельности их участников[398]. Принятие в 1929 г. Положения «О религиозных объединениях» ознаменовало переход к детальной регламентации процедуры согласования религиозных собраний. Документальные источники свидетельствуют, что формальная сторона ее проведения особых изменений не претерпела. Однако изучение архивных материалов позволяет констатировать, что перечень причин, которыми мог быть мотивирован отказ, был существенно расширен.

Еще одним инструментом государственного воздействия на сферу внутриприходского функционирования являлось регулирование кадрового состава приходского духовенства и церковных управленческих структур. С начала 1920-х гг. административному контролю подлежали все кадровые изменения на приходе, что находит свое подтверждение в ходе анализа архивных источников[399]. Вероятнее всего, данная процедура выглядела следующим образом. Местные органы исполнительной власти собирали пакет необходимых материалов для перерегистрации религиозной общины. Затем, как указано в письме помощника начальника Отдела управления МУС по административной части от 20 ноября 1920 г., «согласно устным переговорам с Зам Отдела Управления МУС» списки служителей культов и церковно-приходских советов «всех церквей Московского уезда» направлялись уполномоченному Московского губернского отдела Государственного политического управления по Московскому уезду «для сведения»[400]. Позднее «устная договоренность» оформлялась в письменной форме[401]. Такое

[397] РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 230. Л. 199.
[398] ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 17.
[399] БГА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 37. Л. 23.
[400] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 19.
[401] ЦГАМО. Ф. 65. Оп. 3. Д. 1. Л. 30.

положение вещей способствовало формированию списков «лишенцев», а после 1929 г. – репрессированных представителей духовенства и верующих.

После 1929 г. была введена специальная система регистрации священнослужителей и церковных советов, предоставившая местным органам власти обширные возможности влияния на состав причта и управленческих структур приходов. Регистрирующим органам разрешалось исключать отдельных лиц из состава исполнительного органа религиозного общества. Данная мера позволяла местным органам власти осуществлять полный контроль над общиной за счет формирования состава приходских советов[402].

Дополнительным методом воздействия на внутриприходскую и межприходскую деятельность стало управление возможностью проведения традиционных религиозных манифестаций за пределами церковной ограды. Данные мероприятия сопровождались не только массовыми собраниями верующих, но и перемещением национализированного церковного имущества – икон и других предметов. Право принятия решения о возможности или невозможности их проведения, согласно Инструкции Наркомюста 1918 г., было делегировано местным органам советской власти[403].

Документы, отложившееся в результате прохождения процедуры согласования указанных мероприятий на территории Московской губернии, свидетельствуют, что до 1925 г. верующие получали разрешения на проведение крестных ходов в дни главных церковных и храмовых праздников, а также на перемещение икон между приходами[404]. Так, на заявлении приходского совета Вознесенской церкви села Коломенского Московского

---

[402] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929 г. // Исторические материалы [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/node/22769 (дата обращения: 22.07.2025).

[403] Постановление Народного Комиссариата Юстиции. «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). 24 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 849–858.

[404] См., например: Никонов В.В. Крестный ход с Иерусалимской иконой Божией Матери в восточных уездах Московской губернии. Вековая традиция и запрет в 1920-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 58–63.

уезда с просьбой «отпустить образ Христа Спасителя на 1 августа [1923 г.]» была наложена резолюция «разрешить перенесение иконы»[405].

Примером процедуры согласования религиозных мероприятий в 1920-е гг. служит дело о перенесении иконы «Взыскание погибших» из села Бор Калужской губернии в город Серпухов Московской губернии[406]. Основным распорядительным документом выступает разрешение ВЦИК от 17 июля 1924 г. № 02925 за подписью председателя секретариата ВЦИК П.Г. Смидовича, предоставившее возможность перемещения иконы при условии строгого соблюдения правил, ранее установленных местными органами власти[407]. Движение документов по данному вопросу охватывает период с 18 августа по 11 ноября 1924 г., что отражает поэтапную процедуру согласования даже после получения официального разрешения от высшего органа власти.

В состав материалов входят разнообразные виды документов: инициативное заявление[408], свидетельство Народного суда Центрального нового участка Серпуховского уезда от 8 сентября 1924 г.[409], а также сопроводительная опись вложений к письму в Моссовет[410]. Документы имели соответствующее оформление – оттиски печатей, регистрационные штампы с датами, нумерацию и денежную оценку (общая сумма документов составляла 25 рублей)[411].

Анализ комплекса документов по перенесению иконы показывает, что в рассматриваемый период существовала регламентированная процедура получения разрешений на перемещение религиозных объектов между приходами. Многоуровневая структура согласования, включавшая взаимодействие с судебными органами, местными исполкомами и

---

[405] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 319. Л. 16.
[406] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 529.
[407] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 529. Л. 2.
[408] Там же. Л. 7–7об.
[409] Там же. Л. 5.
[410] Там же. Л. 6.
[411] Там же.

центральными органами власти, отражает специфику советского документооборота в религиозной сфере. Присутствие в материалах дела официального разрешения ВЦИК свидетельствует о том, что до 1925 г. верующие имели возможность получать санкцию властей на перемещение национализированного церковного имущества при соблюдении установленных административных процедур и оформлении соответствующей документации.

Отказ, как правило, осуществлялся под предлогом нарушения подобными мероприятиями общественной жизни граждан, уличного движения или эпидемиологической обстановки[412].

После выхода в свет Циркуляра НКВД от 12 февраля 1925 г. существовавший ранее порядок упразднялся. Признавая нежелательным поддержание практики «хождения чудотворных икон», укрепляющей в массах трудящихся религиозные предрассудки и суеверия, Циркуляр указывал на необходимость детального исследования каждого случая подобных «хождений» местными органами советской власти[413]. В ходе исследования не было выявлено каких-либо документальных подтверждений проведения верующими Московской губернии/области религиозных шествий с участием икон после издания названного циркулярного письма.

Если деятельность религиозной общины выходила за установленные государством рамки, местные власти в одностороннем порядке инициировали ее ликвидацию. В связи с этим третью группу источников составляют *документы о закрытии молитвенных зданий и прекращении деятельности приходов*. На основании изучения архивных материалов можно выделить два основных периода закрытия храмов в Московском регионе, для каждого из которых характерны свои специфические аспекты.

---

[412] ЦГАМО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 157. Л. 17.
[413] Там же. Л. 45, 45 об.

Первый период охватывает временной промежуток от принятия Декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918) до вступления в силу Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» (апрель 1929 г.). Его характерной особенностью является отсутствие массовых закрытий приходских храмов, несмотря на существование правовой базы для подобного рода действий. Изучение документального наследия показывает, что основными причинами закрытия храмов на этом этапе являлись: необходимость использования зданий для общественных нужд[414]; потребность в помещениях для хозяйственных целей (к примеру, переоборудование под архив)[415] и технические потребности[416].

Анализ материалов о закрытии церковных зданий в 1920-х гг. позволяет подробно реконструировать процедуру и проследить ее документальное сопровождение. Она начиналась с «инициативы снизу» – проведения собраний трудовых коллективов или инициативных групп, где выносились резолюции с требованием закрыть храм. По итогам собрания составлялся протокол с требованием о закрытии. Затем местный исполком (сельсовет, РИК) принимал соответствующее постановление, которое направлялось в Мособлисполком. После утверждения на уровне области решение о закрытии храма окончательно утверждалось Президиумом ВЦИК.

Движение документов по инстанциям четко повторяло административно-территориальную структуру государства, а процедуры согласования и визирования обеспечивали строгую субординацию. Так, архивное дело о закрытии церкви в селе Запутное (1924) демонстрирует

---

[414] Переписка Московского отдела Социального Обеспечения о ликвидации церкви Св. Филарета и переделе ее под убежище для престарелых Тестовского поселка // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 600 ; Письмо Административного отдела Московского Совета о ходатайствах Бюро ячейки ВКП(б) и РЛКСМ Госкино о передаче им помещения церкви Николы в Гнездиках под клуб рабочей молодежи // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 773.

[415] Переписка с Серпуховским уисполкомом о передаче церкви Рождества по Калужской ул. в г. Серпухове под уездный архив // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 2109.

[416] Переписка с Звенигородским Уисполкомом о сломе Жидачевской церкви-часовни и передаче от сломки материала для нужд школы // ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 955.

четкую иерархическую структуру принятия решений: инициатива исходит с низового уровня (ходатайство граждан села и местной ячейки Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ)), проходит через Президиум Егорьевского уисполкома и завершается на уровне Московского Совета[417]. Другой пример – переоборудование здания храма в селе Дулево Орехово-Зуевского уезда в 1927–1929 гг. Согласование началось с ходатайства Орехово-Зуевского уисполкома о размещении в помещении храма хлебозавода, затем сопроводительные письма, запросы и ответы проходили через канцелярию Моссовета и направлялись в Секретариат Председателя ВЦИК[418]. Типовые бланки служебной документации обычно содержали название учреждения, дату, исходящий номер, адресата, основной текст и подписи с указанием должностей. Окончательное решение о закрытии храма обычно утверждалось ВЦИК и могло быть обжаловано верующими в двухнедельный срок с момента его вступления в силу.

В соответствии с Циркуляром Наркомюста № 62 от 23 апреля 1924 г.[419] и Циркуляром ВЦИК от 21 августа того же года[420] ликвидация церкви при наличии жалоб верующих требовала утверждения ВЦИК, что диктовало особый порядок составления подробных докладов и постановлений. ВЦИК направлял запросы в Моссовет, который, в свою очередь, запрашивал сведения у исполкомов. На каждом этапе документ получал новые отметки – штампы входящей корреспонденции с рукописными датами получения, регистрационные номера и пометы о внутреннем движении. Примером такой многоуровневой бюрократической процедуры является Переписка с ВЦИКом

---

[417] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 953.
[418] Там же. Д. 4792.
[419] Народный комиссариат юстиции РСФСР. Циркуляр № 62 «О порядке закрытия и ликвидации церквей». 23 апр. 1924 г. // История России в документах [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/73845-tsirkulyar-narkomyusta-rsfsr-locale-nil-62-o-poryadke-zakrytiya-i-likvidatsii-tserkvey-23-aprelya-1924-g (дата обращения: 17.10.2025).
[420] Президиум ВЦИК. Циркуляр «О порядке ведения работы по делам культов». 21 авг. 1924 г. // История России в документах [Электронный ресурс]. URL : https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/73271-tsirkulyar-prezidiuma-vtsik-locale-nil-o-poryadke-vedeniya-raboty-po-delam-kultov-locale-nil-21-avgusta-1924-g (дата обращения: 17.10.2025).

и Можайским уисполкомом о закрытии Троицкой церкви в г. Можайске, начатая 12 мая 1928 г. после обращения делегации из 14 верующих во ВЦИК[421]. По поручению члена Президиума ВЦИК товарища Смидовича Секретариат Председателя ВЦИК направил запрос в Моссовет, требуя в месячный срок предоставить постановление о закрытии, исчерпывающий доклад по делу и сведения о количестве и распределении церквей в регионе. В конечном итоге жалоба была отклонена в 1929 г. соответствующим Постановлением[422].

Принятие Постановления 1929 г. ознаменовало начало нового этапа в политике государства в отношении закрытия храмов. Данный этап характеризуется более строгой регламентацией процедуры прекращения деятельности религиозной общины и значительным расширением перечня необходимых для этого причин.

До 1929 г. для закрытия молитвенных зданий требовалось согласие Секретариата при члене Президиума ВЦИК П.Г. Смидовиче (с 1929 г. – Постоянной комиссии по вопросам культов при ВЦИК). Постоянная комиссия, как было показано в § 1.2, не могла долго «игнорировать» требования местных партийных и советских органов, которым даже закон 1929 г. показался недостаточно жестким. Под давлением сложившихся обстоятельств на заседании 6 февраля 1930 г. Комиссия принимает решение: «Признать, что в связи с развертыванием кампании по закрытию молитвенных зданий закон об отделении церкви от государства от 8 апреля 1929 г. подлежит пересмотру в сторону упрощения процесса закрытия»[423]. Таким образом, начиная с 26 января 1930 г. решение о закрытии или переоборудовании молитвенного здания стали принимать Президиумы краевых и областных исполкомов. При них создавались комиссии по вопросам культов, играющие роль апелляционно-контрольного органа.

---

[421] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 4791.
[422] Там же. Л. 50.
[423] ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

На основании изученных документов (ЦГАМО. Ф. 2157) становится очевидно, что передача полномочий по закрытию молитвенных зданий Президиумам областных исполкомов значительно ускорила процесс ликвидации церквей. Процедура получила четкое воплощение в документах: проекты постановлений составлялись по единому формуляру и содержали два основных раздела: «Слушали», где формулировался обсуждаемый вопрос, и «Постановили», где излагалось принятое решение. Характерным примером служит Постановление Президиума Московского областного исполнительного комитета от 3 мая 1930 г. о закрытии церкви при поселке им. Сталина Раменского района[424]. Документ оформлялся машинописным способом на бланках с последующим утверждением на заседаниях Президиума облисполкома, о чем свидетельствуют рукописные резолюции. Анализ показывает, что власти формально обосновывали закрытие храмов «постановлениями общих собраний рабочих и служащих», ссылаясь на волю «трудящихся»[425]. Постановление строго регламентировало порядок действий: здание подлежало «сфотографированию» перед передачей Раменскому райисполкому для переоборудования под школу, а с предметами культа надлежало поступить согласно Постановлению от 8 апреля 1929 г. При этом верующим оставлялось право обжаловать решение во ВЦИК в течение двух недель, однако такие жалобы редко удовлетворялись, а принятое постановление становилось обязательным для исполнения районными властями[426].

Механизм вертикального взаимодействия органов власти в вопросах закрытия церквей наглядно демонстрирует письмо Коломенского районного исполнительного комитета в Московский областной исполнительный комитет от 6 апреля 1930 г.[427]. Документ был оформлен на официальном бланке с

---

[424] ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 310. Л. 93.
[425] Там же.
[426] Там же.
[427] Там же. Л. 89.

полным наименованием «Р.С.Ф.С.Р. КОЛОМЕНСКИЙ РАЙОННЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ С. Р. К. и К. Д.», имеет исходящий номер 506/11 и подписан председателем и секретарем РИКа Штукатуровым[428]. Входящая регистрация в Московском облисполкоме фиксировалась штампом (дата получения 13 апреля 1930 г., вх. № 3417) и рукописной резолюцией «т. Клейншмидту», определявшей ответственное лицо для дальнейшей работы[429]. Такое оформление документооборота свидетельствует о строгом соблюдении формальных требований при взаимодействии между районными и областными органами власти в процессе реализации антирелигиозной политики в исследуемый период.

Содержательная часть упомянутого письма Коломенского РИКа представляет особый интерес как свидетельство реакции населения на закрытие церквей. Районные власти информировали областное руководство о выполнении постановления от 9 марта 1930 г. о закрытии шести церквей и возникшей проблеме: «гр-не сел. Черкизово, Пески и Губастово возбуждают вопрос об открытии церкви вновь»[430]. Примечательна позиция районных властей, предложивших компромиссное решение: «…одна из 3-х церквей расположенных в ряд в селе Черкизове т.н. «НИКОЛА СТАРКИ» может быть им открыта, а две другие будут использованы под культурно-просветительные цели»[431]. К письму, согласно отметке в тексте, прилагалось «Ходатайство гр-н селение ЧЕРКИЗОВО», что указывает на формирование стандартной практики документальной фиксации коллективных обращений верующих[432]. Такое компромиссное предложение районных властей является редким примером стремления местного руководства снизить социальную напряженность, вызванную массовым закрытием церквей, при сохранении общего курса на сворачивание религиозной жизни.

---

[428] ЦГАМО. Ф. 2157 Оп. 1 Д. 310. Л. 89.
[429] Там же.
[430] Там же.
[431] Там же.
[432] Там же.

Характерным примером обжалования действий местных властей в отношении религиозных общин служит дело по переписке с Кадомским РИКом о церкви в селе Черемных (май–декабрь 1933 г.)[433]. Документы демонстрируют типичный для советской практики многоуровневый механизм работы с жалобами верующих: прихожане Успенской церкви, столкнувшись с фактической невозможностью проведения богослужений, направили жалобу в высшую инстанцию – Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в Москве, которая, в свою очередь, перенаправила вопрос в Комиссию по рассмотрению религиозных вопросов при Мособлисполкоме с требованием «проверить действия местных работников к данному культу»[434].

В материалах дела отражается стандартная административная процедура работы с обращениями граждан. Областная комиссия направила соответствующий запрос в Кадомский РИК[435]. В ответе местных властей указывалось, что храм не функционирует из-за отсутствия священнослужителя, о чем Мособлисполком сообщил обратно в Комиссию при ВЦИК[436]. Судя по материалам дела, обращение верующих осталось без удовлетворения, а проблема отсутствия священнослужителя не была решена.

Материалы дела также включают Протокол № (б/н) заседания Президиума Кадомского Райисполкома от 16 апреля 1933 г., на основании которого был полностью запрещен церковный звон по городу Кадому[437]. Запрет мотивировался ходатайством коллектива учащихся и рабочих типографии и тем, что «церковный звон нарушает нормальный ход школьных занятий и работу организаций и учреждений»[438]. Решение вступило в силу немедленно, с поручением товарищам Бабчикову и Абрамову довести его до сведения церковных советов. Эти документы дополняются официальным

[433] ЦГАМО. Ф. 4570 Оп. 1 Д. 95.
[434] Там же. Л. 5.
[435] Там же. Л. 4.
[436] Там же. Л. 2–3.
[437] Там же. Л. 10.
[438] Там же.

отказом Комиссии по вопросам культа при Президиуме Мособлисполкома на ходатайство верующих Соборной и Николаевской церквей города Кадома о разрешении колокольного звона, что иллюстрирует последовательное проведение антирелигиозной политики на всех уровнях власти[439].

Рассмотренный нами процесс обжалования позволяет сделать вывод, что Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР выступала не столько защитником интересов верующих, сколько контролирующим органом, следящим за правильным оформлением документов районными властями.

Изучение постановлений Президиума Мособлисполкома середины 1930-х гг. выявляет существенные изменения в форме и содержании документов, регламентирующих закрытие культовых зданий. Характерным примером является Постановление от 11 июня 1935 г. о закрытии церкви в селе Алтухово Высокинического района[440]. В отличие от документов начала 1930-х гг., структура постановлений приобрела более формализованный вид: исчезло деление на разделы «Слушали» и «Постановили», вместо этого появилась четкая преамбула «Принимая во внимание, что...» с нумерованным перечислением причин закрытия[441]. Формулировки стали более шаблонными и лаконичными. Если в начале 1930-х гг. обоснованием служили «постановления общих собраний рабочих и служащих», то к 1935 г. акцент сместился на «ходатайства колхозников и единоличников»,[442] что отражает произошедшие в стране социально-экономические изменения.

Резолютивная часть документов также претерпела трансформацию: она стала содержать строго пронумерованные пункты с четким указанием последовательности действий. Неизменной осталась ссылка на Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. как правовую основу принимаемых

[439] ЦГАМО. Ф. 4570 Оп. 1 Д. 95. Л. 6.
[440] ЦГАМО. Ф. 2157 Оп. 1 Д. 1296. Л. 35.
[441] Там же. Л. 27; 29; 35.
[442] Там же. Л. 35.

решений. Примечательно, что процедура обжалования сохранилась, но ее формальный характер стал еще более очевиден – верующим по-прежнему отводилось две недели на подачу апелляции, но теперь в документах четко указывалось, что жалобы должны направляться в Президиум ВЦИК (высший орган власти) исключительно через Московский областной исполком, то есть через тот самый орган, который принимал решение о закрытии церкви. Такой порядок обжалования давал областным властям возможность фильтровать и контролировать жалобы верующих[443].

К концу 1930-х гг. процедура закрытия культовых зданий приобрела максимально формализованный и упрощенный характер, что наглядно демонстрирует Постановление Президиума Московского областного исполнительного комитета № 182 от 5 февраля 1939 г. о закрытии церкви в селе Костино Дмитровского района[444]. К тому времени формуляр документов приобрел предельно лаконичный характер, что особенно заметно в мотивировочной части. Если в середине десятилетия власти еще считали необходимым приводить развернутую аргументацию, то теперь было достаточно краткой формулировки: «Принимая во внимание ходатайство граждан»[445]. Такое упрощение свидетельствует о том, что процедура закрытия храмов стала настолько обыденной, что не требовала даже формального обоснования.

Произошло изменение в адресате для обжалования: вместо «Президиума ВЦИК» в документах 1939 г. фигурирует «Президиум Верховного Совета РСФСР». Это связано с конституционной реформой 1936–1937 гг., в результате которой была изменена система высших органов государственной власти, и с упразднением Постоянной комиссии по вопросам культов. Однако принцип подачи жалобы «через Мособлисполком» остался неизменным, что

[443] ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1296.
[444] ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1881. Л. 49.
[445] Там же. Л. 48.

по-прежнему создавало препятствие для реального обжалования решений верующими[446].

Еще одной важной особенностью данной разновидности источников конца 1930-х гг. является усовершенствование системы учета и распространения документов. В постановлениях 1939 г. появилась пометка о количестве изготовленных экземпляров (например, «45 экз.»), что говорит о систематизации процесса рассылки и контроля исполнения решений. Более формализованным стал и порядок заверения копий – с указанием должности заверяющего лица: «Отв. Исполнит. Проток. Части»[447].

Важной особенностью архивных материалов этого периода является появление феномена «временного закрытия» храмов, которое впоследствии становилось постоянным. Основные причины вынесения подобного решения: необходимость ремонта; засыпка храма зерном; задолженность по налогам; эпидемические заболевания. Докладная записка ответственного секретаря Комиссии по вопросам культов при Президиуме Мособлисполкома свидетельствует, что за семь месяцев 1936 г. из 150 закрытых церквей в Московской области около 25% подобного рода решений были вынесены именно за невыполнение ремонта или отказ группы верующих от его проведения. Другими причинами для временного прекращения церковно-богослужебной деятельности религиозной общины в 1929–1936 гг. могли послужить задолженности по налогам или нарушения норм советского законодательства о культах – проведение молебнов, нарушения постановлений о колокольном звоне и т.д. Последние причины, согласно указанной Докладной Записке, условно обозначались как «Разное»[448].

С началом периода Большого террора происходят некоторые изменения механизма закрытия храмов. Если в предыдущий период закрытие

---

[446] ЦГАМО. Ф. 2157 Оп. 1 Д. 1881.
[447] Там же. Л. 48
[448] Докладная записка председателя Комиссии по вопросам культов П.А. Красикова во ВЦИК. 1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-5263. Оп. 2. Д. 9. Л. 85–89.

инициировалось «снизу» (протоколы собраний трудящихся, инициативные группы), то с 1937 г. основанием для закрытия становится фактическое прекращение богослужений вследствие ареста духовенства.

Отсюда следует и характерная особенность в документальном оформлении официального закрытия молитвенного здания: значительный временной промежуток между фактическим прекращением богослужений и официальным закрытием храма. К примеру, согласно материалам дела о закрытии Владимирской церкви села Быково, службы в храме прекратились в ноябре 1937 г. после ареста всего причта и старосты, тогда как на деле храм был закрыт только 13 мая 1938 г. постановлением Президиума Мособлисполкома[449].

По этой же причине после окончания периода Большого террора наблюдается резкое увеличение количества официальных постановлений о закрытии храмов, обусловленное отчасти накопившимся массивом нерассмотренных дел. Согласно статистическим данным, содержащимся в архивных документах, пик официальных закрытий храмов пришелся на 1941 г., когда было вынесено 241 постановление о закрытии храмов в Московской области[450].

***

Анализ архивных материалов, отражающих государственное регулирование жизни православных приходов Московской губернии (области) в 1918–1943 гг., показывает, что весь корпус источников можно разделить на три взаимосвязанные группы:

Первая группа – документы о регистрации и перерегистрации общин: договоры, инвентарные описи, уставы, анкеты духовенства.

---

[449] ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1716. Л. 117.

[450] Никонов В.В. Политика советского государства в отношении православных церковных приходов в Московской губернии/области в 1918–1958 гг. : дис. … докт. ист. наук. 5.6.1 – Отечественная история. На правах рукописи. М. : ФГБОУ ВО «РГГУ», 2024. С. 228.

Вторая группа – материалы административного контроля за внутриприходской жизнью: разрешения на собрания и религиозные манифестации, согласование кадровых изменений и совершения богослужений.

Третья группа – документы, сопровождавшие ликвидацию приходов: протоколы собраний, постановления исполкомов, жалобы верующих, резолюции вышестоящих инстанций.

Состав и содержание документов показывают, как в этот период государственное вмешательство в приходскую жизнь становилось все более формализованным и бюрократизированным. В 1918–1922 гг. контроль обычно ограничивался простыми договорами о передаче имущества с акцентом на инвентарные описи и сохранность зданий. В 1922–1929 гг. им на смену пришли развернутые регистрационные дела: ужесточение требований расширяло возможности отказа в регистрации, облегчало выявление «лишенцев» и давало дополнительные поводы для закрытия храмов. Постановление 1929 г. «О религиозных объединениях» закрепило эту систему, введя обязательные унифицированные формы перерегистрации и строгую иерархию инстанций, что сделало внутриприходскую жизнь объектом регулярного административного надзора.

Радикализация конфессиональной политики в 1930-е гг. изменила и характер источников: фокус сместился от учета имущества к сбору персональных данных верующих. В делах преобладают биографические сведения о духовенстве и приходском активе, а ключевое влияние на финальных стадиях начинают играть органы ОГПУ–НКВД. Массовые репрессии 1937–1943 гг. породили разрыв между фактическим прекращением богослужений и юридическим оформлением закрытия: многие приходы прекращали деятельность после арестов духовенства, но решения о ликвидации молитвенных зданий принимались позднее, поэтому пик

официальных постановлений по уже не действовавшим подмосковным храмам пришелся на 1941 г.

2.2. Корпус материалов антирелигиозной пропаганды и агитации в Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

Исследование антирелигиозной пропаганды в регионе базируется на разнообразном комплексе документальных источников, отражающих как государственную политику, так и основные принципы ее реализации на местах. Весь массив источников может быть разделен на четыре основные группы:

Первую группу составляют материалы местных партийных структур. Сюда входят протоколы заседаний, резолюции конференций, отчеты, планы работы, внутренняя и межведомственная переписка.

Вторая группа объединяет историко-документальное наследие общественных организаций, прежде всего Союза безбожников и Союза воинствующих безбожников.

Третью группу составляют материалы периодической печати, включающие уездные и районные газеты, а также центральные издания антирелигиозной направленности.

Четвертая группа охватывает агитационно-пропагандистскую литературу.

Основной массив документальных источников первой группы – *материалы местных партийных структур* – составляют документы уездных комитетов РКП(б)/ВКП(б) Московской губернии/области. С 1929 г. уездное деление было заменено районным, что повлияло на структуру партийных организаций и характер их делопроизводства. В фондах ЦГАМО, ЦГА Москвы и Государственной публичной исторической библиотеки отложились протоколы заседаний бюро и пленумов, протоколы уездных партийных конференций, резолюции, планы и отчеты о работе агитационно-пропагандистских отделов за 1918–1943 гг. Эти документы позволяют

реконструировать как общие тенденции антирелигиозной политики, так и региональную специфику ее реализации.

Протоколы заседаний уездных комитетов составлялись по типовой схеме: указывались наименование органа, дата, номер протокола и список присутствующих, затем излагались повестка дня, доклады, выступления и принятые решения по каждому пункту, после чего ставились подписи председателя и секретаря. Протокол заседания Бронницкого уездного Совдепа от октября 1919 г., в котором зафиксировано решение обратиться к вышестоящему руководству с просьбой командировать лектора по религиозному вопросу, наглядно отражает эту структуру и одновременно свидетельствует о нехватке квалифицированных кадров по ведению пропагандистской работы[451].

Резолюции конференций имели более развернутую структуру. Вначале давался анализ положения дел, а затем следовала постановляющая часть с пронумерованными пунктами, где формулировались конкретные директивы. Так, резолюция второй Ногинской партконференции 1940 г. начинается с одобрения политической линии и оценки практической работы как удовлетворительной, после чего излагается программа действий. Девятнадцатый и двадцатый пункты документа посвящены мобилизации населения в Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) и усилению антирелигиозной пропаганды Союза воинствующих безбожников[452].

Планы работы составлялись на квартал или полугодие. Например, план Бронницкого укома был рассчитан на февраль–май 1925 г. и предусматривал организацию через уполномоченных во всех волостях и на фабриках ячеек безбожников, доведение их численности до тысячи человек и создание при

[451] ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.
[452] Резолюция Ногинской районной партийной конференции 1940 г. Ногинск, 1940. С. 22–23.

них антирелигиозных кружков[453]. Отчеты о проделанной работе направлялись от волостных комитетов в уездный, а затем в губернский (с 1929 г. – от районных комитетов в областной). Краткий отчет Богородского укома ВКП(б) за ноябрь 1926 – октябрь 1927 г., включающий разделы по пропагандистской работе, массовой и групповой агитации, идеологическому состоянию местной печати и партийной ячейки, наглядно показывает, что типовая форма отчета достаточно подробно отражала основные направления идеологической деятельности[454].

Протокольные решения доводились до исполнителей через рассылку выписок волостным комитетам, сельсоветам, агитколлегиям и отделам народного образования. Резолюции конференций после утверждения тиражировались типографским способом и рассылались в волостные комитеты и в Московский губком. Так, решения XII Можайской партконференции 13–15 декабря 1928 г. были изданы отдельной брошюрой в типографии Можайского экономического отдела и разосланы для сведения всем парторганизациям уезда[455].

Межведомственные связи отражали сложную систему координации. Уездные комитеты РКП(б)–ВКП(б) направляли работу уездных исполкомов, отделов народного образования, профсоюзных бюро, Союза воинствующих безбожников (СВБ) и других общественных организаций. Так, резолюция второй Ногинской партконференции 1940 г. прямо предписывает райкому ВКП(б) повседневно руководить работой Советов депутатов трудящихся. Такая формулировка юридически выглядит противоречиво, поскольку партия формально являлась общественной организацией, а Советы представляли власть. Однако эта директива отражает реальное положение дел, при котором

---

[453] План работы Бронницкого УКОМа на февраль–май 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.

[454] Краткий отчет Богородского укома ВКП(б) за ноябрь 1926 – октябрь 1927 г. Богородск, 1927 г. С. 44–47.

[455] Решения XII-й уездной Можайской партконференции (13–16 декабря 1928 г.). Можайск, 1929. С. 28.

партийные органы осуществляли фактическое руководство всеми сферами жизни[456]. Вышестоящей инстанцией в исследуемом регионе был Московский губком, с 1929 г. преобразованный в обком ВКП(б). В протоколах уездных комитетов часто встречаются ссылки на директивы Московского комитета и решения его пленумов.

Выделение материалов второй группы источников в самостоятельный блок – *документы общественных организаций* – целесообразно начинать с 1925 г., когда в уездах начинает складываться сеть Союза безбожников и предпринимаются попытки перевести антирелигиозную работу на плановую основу (через создание ячеек, организацию политшкол и проведение лекций).

Центральные установки и методические указания Союза воинствующих безбожников отложились в фонде Р-5407 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Опись 1 включает материалы конференций, протоколы центральных и областных советов, директивные письма и информационные сводки за 1925–1938 гг. Опись 2 содержит документы редакции газеты «Безбожник» за 1922–1931 гг. При этом хронологические рамки фонда ограничены 1938 г., вследствие чего последние годы существования Союза документально представлены недостаточно.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) основной массив источников по деятельности СВБ сосредоточен в фонде 17 Центрального комитета РКП(б)–ВКП(б)–КПСС (Отдел агитации и пропаганды – оп. 60; Организационное бюро и Секретариат ЦК – оп. 112–113; Управление пропаганды и агитации – оп. 125), а также в особенности в фонде 89 – личном фонде Ем. Ярославского (оп. 4), отражающем его работу как председателя СВБ, председателя Антирелигиозной комиссии и редактора журнала и газеты «Безбожник». Наибольшую ценность представляют письма центральных и местных организаций СВБ Ем. Ярославскому с обзорами текущей деятельности,

[456] Резолюция Ногинской районной партийной конференции 1940 г. Ногинск, 1940. С. 23.

постановления ЦК ВКП(б) по разработке программы подготовки антирелигиозных кадров, протоколы Исполбюро Центрального совета СВБ, документы об организации антирелигиозных музеев и закрытии монастырей, а также информационные сводки о динамике роста Союза.

На региональном уровне материалы Союза безбожников и Союза воинствующих безбожников сохранились фрагментарно. Протоколы и отчетные материалы фиксируют низкую результативность и нередко формальный характер деятельности.

Планы уездных комитетов содержат указания на необходимость развертывания ячеек Союза, открытия политшкол и проведения антирелигиозных лекций. Так, план Бронницкого укома на февраль–май 1925 г. требовал организовать ячейки во всех волостях и на фабриках, довести их численность до 1000 человек и создать при них кружки[457]. Аналогичные задачи ставились в Можайске, Богородске и Павловском Посаде[458]. Однако протоколы агитколлегий фиксируют низкую результативность: в Наро-Фоминске в 1927 г. прямо отмечено невыполнение директив по антирелигиозной работе, а уездные конференции 1926–1928 гг. сообщают о слабой посещаемости политшкол и мероприятий[459]. Далее следовал подробный план работы, начинавшийся с предложения «в кратчайший срок приступить к выполнению директив агитколлегии РК, проведя эту работу в плановом порядке», при этом никаких новых форм не прилагалось, что обрекало работу на провал.

Отчеты о деятельности ячеек Союза безбожников, фиксирующие численность членов, количество лекций и охват аудитории, в большинстве случаев констатируют тот факт, что многие ячейки существовали лишь

---

[457] План работы Бронницкого УКОМа на февраль–май 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.

[458] Решения IX-ой Можайской Уездной Конференции РКП (б). План работы Укома РКП (б) на ноябрь–апрель 1925–26 гг. Можайск : Издание Можайского Укома РКП (б), 1925 С. 35–49 ; Краткий отчет Богородского укома ВКП(б) за ноябрь 1926 – октябрь 1927 г. Богородск, 1927 С. 44–47.

[459] ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. П-129. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

формально. Так, протокол 3-й антирелигиозной уездной конференции в Можайске 18 мая 1928 г., опубликованный в газете «Новый пахарь» 30 июня 1928 г., сообщает о явке 58 делегатов. В уезде насчитывалось всего восемь ячеек Союза безбожников, которые мало заявляли о себе. За год лекциями с диапозитивами охвачено 9000 человек, посещаемость кружков составляет 30–40 человек, членских взносов собрано всего 26 руб. 88 коп. Эта сумма прямо названа ничтожной. Отчет отмечает недостаток актива и его перегруженность иной работой[460].

Период 1929–1941 гг. характеризуется ужесточением борьбы на религиозном фронте и активной деятельностью Союза воинствующих безбожников (СВБ). Однако, несмотря на декларируемый в этот период стремительный рост численности организации, отчеты районных отделений СВБ фиксируют глубокий кризис: реальная антирелигиозная работа на местах оказалась фактически неэффективной и приобрела сугубо формальный характер. Причины этого провала наглядно раскрывает анализ социального состава активистов, зафиксированный в стенографическом отчете II Всесоюзного съезда СВБ (1930). Статистика демонстрирует глубокий разрыв между сложными идеологическими задачами организации и реальной компетентностью ее кадров.

В первую очередь бросается в глаза низкий образовательный уровень пропагандистов: больше половины делегатов либо имели низшее образование, либо не имели его вовсе. Доля интеллигенции, способной вести грамотную религиоведческую полемику, составляла всего 7%. Кроме того, в аграрной стране, где главной опорой религии традиционно оставалась деревня, доля крестьян в рядах активистов не превышала 12%. Почти половину делегатов (44%) составляли служащие (советский бюрократический аппарат), а еще треть – рабочие.

---

[460] Итоги 3-й антирелигиозной уездной конференции // Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1928. № 46.

Статистика также указывает на высокий уровень бюрократизации и карьеризма внутри СВБ. Свыше половины делегатов являлись коммунистами и комсомольцами, для которых вступление в Союз часто было лишь выполнением партийной разнарядки. Об этом говорит тот факт, что 55% активистов присоединились к работе не ранее 1923 г., а 12,8% делегатов съезда вообще не имели никакого опыта антирелигиозной деятельности до этого мероприятия[461].

Таким образом, Союз воинствующих безбожников начала 1930-х гг. представлял собой преимущественно малограмотный, оторванный от крестьянства чиновничье-партийный аппарат. Не имея достаточного образования и реальной мотивации для ведения сложной просветительской работы с верующими, местные ячейки подменяли ее фиктивными бумажными отчетами. В результате, осознавая свое идеологическое бессилие, СВБ был вынужден сменить тактику: именно после 1929 года в документах организации резко усиливается риторика классовой борьбы. Неспособность переубедить верующих словом компенсировалась переводом религии в политическую плоскость и переходом к административному давлению и репрессиям.

Последние документы Союза воинствующих безбожников датированы концом 1940 – началом 1941 г. В них вновь подчеркивается неудовлетворительное состояние работы и предписывается составить план антирелигиозной кампании на зимний период и в ближайшее время обеспечить плановое проведение антирелигиозной пропаганды. После начала Великой Отечественной войны Союз воинствующих безбожников прекращает свою деятельность.

---

[461] Подсчитано по: Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1930. С. 335. Приводится по: Покровская С.В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947) : дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. М., 2007. С. 128.

К третьей группе источников относятся *материалы периодической печати*, которые позволяют проследить развитие государственно-церковных отношений в исследуемый период и особенности их публичного освещения. Вместе с тем эта группа источников требует особого критического подхода. Газеты и журналы отражали интересы партийно-государственного аппарата, контролировавшего информационное поле. Поэтому периодика как исторический источник имеет специфику, отличающую ее от других видов документов. Если последние создавались для внутреннего использования в управленческих структурах, то газеты предназначались для широкой аудитории и выполняли функцию формирования общественного мнения.

В этой связи пресса в советское время выступала инструментом политического влияния и воспитания массового читателя. Редакционная линия, подбор заголовков, порядок размещения материалов и частота повторения тем показывают, на что делала упор власть в тот или иной период социалистического строительства. Периодика служила и для публикации текстов иного происхождения: законов и приказов, ведомственной корреспонденции, личных свидетельств. В таких случаях исследователь имеет дело не с архивным оригиналом, а с редакционной копией, что требует осторожности в интерпретации. Публикация документов в прессе могла сопровождаться сокращениями, комментариями, изменением контекста, поэтому газетная версия не всегда совпадает с архивной.

Формирование советской антирелигиозной периодической печати началось в 1919 г. с появлением специализированного издания «Революция и церковь», главным редактором которого был П.А. Красиков. Данное периодическое издание освещало государственную политику отделения религиозных институтов от властных структур и образовательной системы, публикуя нормативные документы, аналитические материалы, информацию о региональной деятельности и просветительских мероприятиях. Однако ограниченная тематическая направленность привела к закрытию журнала в

1924 г. Параллельно в 1922 г. при основном издании начал выходить ежемесячник «Наука и религия», впоследствии ставший еженедельным. Это ознаменовало переход к систематической пропагандистской деятельности, опиравшейся на естественно-научную аргументацию, адаптированную для массовой аудитории. В том же году предпринимались попытки создания альтернативных изданий: в столице вышла газета «Атеист» (редактор А. Шпицберг), в Петрограде – журнал «Вавилонская башня» (редактор М. Корцов). Оба проекта ограничились двумя выпусками, подвергшись критике за недостаточную политическую ориентированность.

Подлинно массовым изданием стала газета «Безбожник», являвшаяся официальным печатным органом Союза воинствующих безбожников. Первый выпуск датируется 21 декабря 1922 г. Периодичность варьировалась от нерегулярной до еженедельной, объем составлял от четырех до восьми полос. За период до июля 1941 г. вышло 772 номера. Начальный тираж в 15 тысяч экземпляров к 1927 г. возрос до 62,5 тысяч. Программная статья дебютного номера провозглашала научное противодействие религиозным воззрениям и утверждение материалистического мировоззрения. Тематическая структура отражала различные аспекты антирелигиозной деятельности, особое внимание уделялось молодежной аудитории и педагогическим кадрам. К середине 1920-х гг. три четверти публикаций формировались на основе читательской корреспонденции. В 1925 г. редакция ежедневно получала свыше четырехсот сообщений, а значительную долю авторов составляло крестьянство[462]. До 1929 г. издание придерживалось относительно умеренной позиции, концентрируясь на просветительской работе. К началу 1940-х гг. тематика сместилась в сторону международной проблематики и вопросов безопасности, что привело к прекращению выпуска в 1940 г.

---

[462] Метель А. В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 43–47.

Наиболее радикальную позицию занимал иллюстрированный ежемесячник «Безбожник у станка», ориентированный на рабочую аудиторию. Издание выходило объемом 16–24 страницы, тираж постепенно увеличился с 20 до 70 тысяч экземпляров. В 1929–1930 гг. периодичность возросла до двух выпусков ежемесячно[463]. Художественное оформление определял Д. Моор совместно с выдающимися графиками и карикатуристами того времени. Публицистика журнала утверждала тезис о кризисе религиозных институтов, сатирическая составляющая включала пародийные переработки агиографических текстов и сатирические приложения. Деятельность дополнялась выпуском методических материалов и агитационной продукции.

С 1926 г. издавался журнал «Антирелигиозник» под неизменной редакцией Ем. Ярославского, функционировавший до 1938 г. как теоретико-методический центр движения. На его страницах публиковались исследования по истории религиозных учений и атеистической мысли, философские и естественно-научные материалы, протоколы научных совещаний в результате формировалась своеобразная хроника антирелигиозного движения в стране.

Материалы местной периодики Московской губернии (области) образуют обширный корпус источников. Почти в каждом уездном, а с 1929 г. районном центре выходила своя газета, нередко одновременно издавалось по несколько изданий. Среди наиболее значимых – «Новый пахарь» (Можайск, 1922–1941), орган укома ВКП(б), уисполкома и профбюро, «Известия Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда» (1918–1922), «Каширские известия» (1919–1928), «Голос батрака» (Можайск, 1920–1922), «Крестьянин и рабочий» (Талдом, 1918–1921), «Власть труда» (Зарайск, 1921–1928), «Богородский рабочий» (1922–1941), «Наша правда» (Дмитров, 1922–1929), «Красный луч» (Звенигород, 1923–1929).

---

[463] Метель А. В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 43–47.

Особое место занимает московская газета «Рабочий и искусство», издававшаяся в 1929–1931 гг. Московским комитетом ВКП(б) совместно с профсоюзами работников искусств. Относительно высокий тираж этого издания объясняется столичным статусом и ориентацией на профессиональную аудиторию.

Публикации часто подписывались псевдонимами (Н. Васильев, П. Дугин, Меркулыч, И. Антонов, Ивушка, Беспартийный и др.), фамилиями местных активистов (Карнеев, Кашлинов, Соколова) или выходили под рубриками «От редакции», «Наш корреспондент». Нередко перепечатывались материалы центральной прессы без указания автора. Использование псевдонимов было характерной чертой советской журналистики: один автор мог выступать под разными именами и создавать впечатление работы большого количества корреспондентов. Рубрика «От редакции» обычно сопровождала программные тексты, выражавшие официальную позицию партийных и советских органов.

Большинство газет выходило еженедельно, меньшее количество – дважды в неделю, с точной датой и сквозной нумерацией в пределах года. В совокупности этот корпус, охватывающий все уезды Московской губернии, позволяет проследить развитие антирелигиозной пропаганды от единичных публикаций конца 1910-х гг. до систематических рубрик 1920–1930-х гг., что отражает институционализацию антирелигиозной кампании в печати.

Целевая установка советской периодики заключалась в формировании общественного мнения, мобилизации населения на участие в антирелигиозных кампаниях, дискредитации духовенства и верующих. Большинство уездных и районных газет дошло до нас в виде подшивок в фондах крупных библиотек и книгохранилищ. На экземплярах нередко имеются штампы, рукописные пометы, библиотечные шифры. Сохранность газет в библиотечных фондах обеспечивает доступ исследователей к этому типу источников, хотя подшивки зачастую неполные.

Газеты уездных центров в большинстве своем имели однотипное оформление. В верхней части первой полосы крупным шрифтом печаталось название издания, рядом – идеологический лозунг вроде «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а также указание на местный партийный и советский орган, под контролем которого выходила газета. Там же приводились основные выходные сведения: дата, номер, цена, место издания. Показательным примером служит выпуск газеты «Новый пахарь» от 3 января 1928 г. В шапке указано, что это орган Можайского укома ВКП(б), уисполкома и упрофбюро. Отмечена цена – 3 копейки за номер, приведены подписные расценки на три месяца, полгода и год, а также точный адрес редакции: Можайск, улица Московская, дом 12. Подобная полнота выходных данных позволяет однозначно идентифицировать издание, определить его ведомственную принадлежность и зафиксировать факт прохождения цензурного контроля.

Первая полоса губернской газеты традиционно отводилась передовой статье, важнейшим постановлениям и политическим лозунгам. Внутренние полосы заполнялись материалами под типичными рубриками вроде «Из жизни уезда», «По фабрикам и заводам», «Избы-читальни», «По кооперативам» и др. Последняя полоса отводилась под объявления и уточненные выходные данные – адрес редакции, сведения о типографии и цензурном разрешении Главлита. Такая структура отражала стандартизацию советской периодики и помогала читателю ориентироваться в содержании.

Газеты распространялись по подписке через почту, поступали в свободную продажу в киоски, а также направлялись в волостные комитеты, сельсоветы, избы-читальни и клубы, где становились частью повседневного информационного пространства. Так, план работы Бронницкого укома на 1925 г. предусматривал оформление в каждой волости подписки на

центральные издания – «Правду» и «Известия», что должно было обеспечить постоянное присутствие общесоюзной прессы на местах[464].

Редакция местной газеты находилась в ведении отдела агитации и пропаганды укома, который определял идеологическое содержание материалов и общий тематический курс. Финансирование осуществлялось из бюджета уисполкома, дополнялось партийными взносами и в меньшей степени поступлениями от подписки. В совокупности эта система обеспечивала не только материальную устойчивость изданий, но и их тесную вовлеченность в структуру партийно-государственного управления, что позволяло охватывать максимально широкую аудиторию и последовательно доводить партийную линию до низового уровня.

Публикации в местной прессе позволяют проследить эволюцию содержания антирелигиозной пропаганды и процесс ее выхода на массовый уровень. В первые послереволюционные годы антицерковные материалы отличались стихийным характером и живой, нередко полемической манерой изложения. Это было обусловлено отсутствием у большевистского руководства четко выработанной долгосрочной программы борьбы с РПЦ. Поэтому первые публикации по своему содержанию напоминали скорее отдельные, порой эмоциональные выпады, чем продуманную и четкую линию.

Это особенно заметно на материале местной прессы Московской губернии. На ее страницах регулярно встречаются антирелигиозные заметки и фельетоны, однако за ними не стоит единый пропагандистский замысел, выстроенный «сверху». Значительная часть подобных публикаций появлялась по инициативе местных корреспондентов и активистов, которые откликались на конкретные события и настроения на местах, а не выполняли заранее спущенную директиву. Показателен в этом отношении 27-й номер газеты «Крестьянин и рабочий» (Талдом) от 7 ноября 1918 г. В передовой статье

[464] План работы Бронницкого УКОМа на февраль–май 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 128. Л. 8.

«Светлый день» автор проводит параллель между годовщиной Октябрьской революции и Пасхой. Годовщина характеризуется как «великий день торжества пролетариата», по значимости соизмеримый с Воскресением Христовым, которое верующие встречают с благоговением и радостью. Теперь, подчеркивает автор, это прежде всего праздник рабочего и бедного крестьянина. При этом прямые нападки на религию еще отсутствуют: напротив, христианские образы привлекаются для оправдания и символического возвышения новой власти. Обращение к привычной для крестьян религиозной образности свидетельствует о стремлении облечь революционные идеи в знакомые культурные формы. Революция предстает как своего рода светское «воскресение», как освобождение от социального рабства и начало «новой жизни», осмысленной через понятный аудитории язык православной символики.[465]

Но уже в 1919 г. интонация резко меняется[466]. Газета «Известия Советов» Егорьевского уезда от 27 февраля 1919 г. печатает статью «Антон и Онуфрий. (Разоблачение мощей)», где описывается вскрытие мощей.[467] В другом номере той же газеты выходит статья «Попы и кости». Автор утверждает, что простой народ не знал, какие кости ему показывают как святые, а священники все понимали, но сознательно обманывали. Так начинается целенаправленная дискредитация духовенства через обвинения в умышленном обмане. Кампания по вскрытию мощей становится важной вехой в развитии антирелигиозной пропаганды.[468] Ее смысл заключался в том, чтобы показать, что за почитаемой святыней скрывается обычный материальный

[465] Крестьянин и рабочий. Талдомская газета. Орган Талдомского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. 1918. № 27.
[466] Ряд исследователей считает 1919 г. годом рождения советской антирелигиозной печати. См., например: Метель А. В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 43–47.
[467] Антон и Онуфрий // Известия Советов Рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. 1919. № 10.
[468] Попы и кости // Там же. № 19.

предмет, и тем самым поколебать веру в чудо[469]. Обличение священников как обманщиков должно было подорвать доверие к РПЦ в целом.

Агитационно-пропагандистская работа, однако, еще не получила по-настоящему системного, централизованно выстроенного характера и отличалась заметной противоречивостью как по формам, так и по содержанию. В пользу данного наблюдения свидетельствует, в частности, фельетон И. Крюкова «Венчальный бред», опубликованный в газете «Каширские известия» 13 января 1920 г. В нем высмеивается эпизод, когда Ямско-Слободской волостной совет, уже зарегистрировав гражданский брак, официально предписал священнику обвенчать тех же людей[470]. Ситуация показывает двойственность поведения советских чиновников на местах. С одной стороны, они декларировали верность новой власти и новым нормам, с другой – продолжали жить в рамках прежних представлений. В начальный период советской власти такие случаи были нередки. Официальное признание гражданского брака не мешало сохранять практику церковного венчания. Многие местные чиновники, происходившие из крестьянской среды, не видели в этом внутреннего противоречия и пытались совместить новые порядки с укоренившимися традициями.

С начала кампании по изъятию церковных ценностей антирелигиозная пропаганда становится более организованной. Публикации все настойчивее представляют РПЦ противницей помощи голодающим. Так, в газете «Власть труда» (Зарайск) от 7 ноября 1921 г. появляется статья С. Минина «Голод и Библия». Автор сводит воедино богов, царей, спекулянтов и священников, утверждая, что это одна и та же сила, существующая за счет эксплуатации и обмана трудящихся. На этом фоне кампания по изъятию ценностей подается

---

[469] Попы и кости // Крестьянин и рабочий. Орган Ленинского Совета Рабоч. и Крестьян. Д-в. и райкома Р.К.П. 1919. № 2.

[470] Венчальный бред. // Каширские известия. Еженедельный орган Уисполкома и Уездн. Комит. Р. К. П. (большевиков). 1920. № 2.

как проверка готовности Церкви помочь голодающим[471]. Любое сопротивление духовенства преподносится читателю как нежелание делиться богатством и пренебрежение к чужому страданию, что должно вызвать возмущение.

С 1923 г. в газетах Московской губернии появляется постоянная рубрика «Уголок безбожника». Через нее постепенно складывается образ священника как противника советской власти и участника контрреволюционной деятельности. Местные газеты все чаще обращаются к конкретным случаям из жизни приходов и религиозных общин. Так, «Красный луч» (Звенигород) от 28 марта 1923 г. публикует в этой рубрике текст «Вопросы еретика к верующим». Он построен в форме диалога, где один из участников задает вопросы и шаг за шагом подводит собеседника к выводу о нелогичности религиозных представлений. Такой прием был удобен тем, что вера изображалась как следствие незнания, а разумные аргументы якобы неизбежно приводили к отказу от религии.[472]

«Богородский рабочий» от 9 сентября 1923 г. в разделе «Угол безбожника» печатает фельетон «Отец Михайло». В нем высмеивается священник из Павловского Посада, который в Ильин день обходил дома пьяным и при этом освящал воду. Рядом помещена заметка «Ждут не дождутся» о собрании шестисот членов профсоюзов Глуховской мануфактуры, принявших решение закрыть Троицкую церковь и отдать здание под театр и клуб. Такие фельетоны должны были закрепить в массовом сознании образ морально падшего священника, а сообщения о решениях рабочих собраний подавались как свободное волеизъявление трудящихся,

[471] Голод и библия // Власть труда. Еженедельный орган Зарайского уездного комитет Р.К.П. (б.) и Уездного Исполнительного комитета Советов Р.К. и К.Д. 1921. № 31.
[472] Красный луч. Орган Звенигородского Укома Р.К.П. (б.), Уисполкома и Упрофбюро. 1923. № 13.

хотя в действительности инициатива нередко исходила от партийных активистов[473].

Примерно с середины 1920-х гг. работа редакций претерпевает заметные изменения. Все чаще местные газеты публикуют готовые материалы, поступающие из центральных изданий или подготовленные активистами Союза безбожников специально для массового распространения в дни больших церковных праздников. Так, в газете «Новый пахарь» (Можайск) от 22 апреля 1927 г. публикуется целый блок антирелигиозных статей к Пасхе. В номере соседствуют тексты Н. Румянцева о «Хозяйственной подкладке праздника» и его языческих корнях, статьи «Кому нужна пасха?», «Религия мешает строительству социализма», заметка о том, сколько людей пришло в можайский Троицкий храм, рекомендации по проведению антирелигиозного вечера и материалы о выгоде, которую якобы извлекают священники из веры[474]. Такие подборки показывают, что антирелигиозная работа все сильнее стандартизируется. Местные газеты ориентируются на общую линию, а тексты, выходящие к церковным праздникам, призваны не только лишить людей желания участвовать в богослужениях, но и занять их внимание другой, одобряемой властью повесткой.

Номер «Нового пахаря» от 13 апреля 1928 г., вышедший за два дня до Пасхи, также полностью подчинен антипасхальной теме. Вся первая полоса строится вокруг лозунга, отпечатанного крупным шрифтом, о том, что религия мешает культурной революции деревни и социалистическому переустройству хозяйства. Ниже следуют карикатуры на духовенство и статьи, разоблачающие Пасху как праздник «умерщвления плоти», «обмана голодных и порабощенных» и препятствие социалистическому строительству[475]. Такое оформление передовой полосы показывает, что задача редакции состояла не

---

[473] Богородский рабочий. Еженедельный орган Богородского Укома РКП (б), Уисполкома Р.К. и К.Д. и Упрофбюро. 1923. № 25.

[474] Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1927. № 25.

[475] Там же. 1928. № 29.

просто в критике религии, а в прямом срыве праздника и в убеждении читателя, что участие в нем несовместимо с ролью сознательного строителя социализма.

К концу десятилетия, на фоне начала коллективизации и культурной революции, тон публикаций становится заметно жестче. С 1929 г. критические материалы о религии все чаще связываются с основными православными праздниками – Рождеством, Пасхой, Троицей. Заголовки приобретают резко обличительный характер, в них звучат мотивы засилья «церковников», хитростей «попов и кулаков», обвинения священников в мародерстве и прямой вражде к советской власти. РПЦ изображается как чужеродное тело, мешающее новому строю. Антирелигиозная кампания встраивается в общее наступление на традиционный крестьянский уклад и становится одним из инструментов давления на деревню.

Так, в газете «Новый пахарь» от 1 января 1929 г. на первой полосе помещена карикатура: старая елка украшена бутылками водки, новая заменена сберегательной книжкой. Под рисунком стихи о том, что «на пьяную елку тратится денег масса», тогда как сберкасса помогает деньги сохранить. Рядом статья «Попы чувствуют себя не хуже...», где говорится, что в отдаленной Вышегородской волости по-прежнему действуют многочисленные церкви и секты. Через противопоставление «пьяной» елки и сберкнижки создается простая схема старого и нового мира. Религиозный праздник связывается с пьянством и расточительством, тогда как советский быт подается как разумный, экономный и ориентированный на накопление[476].

В 1929 г. антипасхальная кампания становится еще более наступательной. «Новый пахарь» от 26 апреля 1929 г. печатает серию статей с призывами заглушить колокольный звон шумом демонстраций, превратить церковные здания в «очаги культуры», расширить антирелигиозную работу и

[476] Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1929. № 1.

устроить комсомольский антипасхальный карнавал[477]. В номере от 10 мая подводятся итоги и утверждается, что колокольный звон удалось заглушить и кампания прошла успешно. Одновременно газета сообщает о сопротивлении, описывая, как священник Аксенов срывает собрания и «бьет крестом по шее». В результате складывается картина острого противостояния, при этом власть подчеркивает свои успехи, но вынуждена признавать активное неприятие со стороны части духовенства и верующих[478].

Между тем в газете «Рабочий и искусство» (Москва) 14 декабря 1929 г. была опубликована статья «Не проморгать Рождество!», где Союз воинствующих безбожников упрекали в срыве антирождественской кампании, так как к середине декабря не был подписан договор и не был организован выпуск специальных материалов. Одновременно сообщалось о подготовке фильмов «Опиум» и «Иуда» в поддержку пропаганды. С одной стороны, это показывает стремление широко использовать искусство в антирелигиозных целях, с другой – вскрывает организационные провалы и неэффективность структур, призванных вести эту работу[479].

К началу 1940-х гг. антирелигиозная тематика постепенно отходит на второй план. В газетах все больше места занимают международные сюжеты, вопросы безопасности и подготовки к возможной войне. В 1940 г. прекращается издание газеты «Безбожник», которая прежде была главным рупором антирелигиозной пропаганды. Сокращение подобных материалов отражало поворот в государственно-церковной политике. В условиях надвигающегося конфликта власти нуждались в консолидации общества, и резкая антирелигиозная риторика стала восприниматься как фактор, мешающий единству.

---

[477] Новый пахарь. Орган Можайского УКОМа ВКП(б), Уисполкома и Упрофбюро. 1929. № 19.
[478] Там же. № 20.
[479] Рабочий и искусство. Массовая газета по вопросам искусства. 1929. № 7.

Четвертую группу источников образует *агитационно-пропагандистская литература*, которая занимает важное место в общем перечне изучаемых материалов. Издательская деятельность включала выпуск малотиражных брошюр, массовое изготовление наглядных материалов, подготовку методических пособий и попытки внедрения идеологических установок через тексты, стилизованные под народное творчество. Основными производителями подобных материалов были специализированные издательства и государственные типографии, привлекавшие как центральных идеологов безбожного движения, так и местных авторов[480].

Регулярный выпуск антирелигиозных брошюр в Московской губернии начинается в 1922 г. Их подготовкой занимались как представители обновленческого духовенства, так и партийные публицисты, что должно было обеспечить сочетание богословской и идеологической аргументации. Однако даже при увеличении тиражей острой оставалась проблема реального распространения этой литературы в деревне[481]. Архивные материалы фиксируют многочисленные жалобы уездных организаций на несоответствие содержания изданий ожиданиям предполагаемой аудитории. Крестьянское население во многом не принимало аргументацию, сформулированную

---

[480] Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. Сборник / под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. М., 1932. 528 с. ; Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. М., 1925. 388 с. ; Его же. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. М., 1925. 36 с.; Его же. Как родятся, живут и умирают боги и богини. М., 1923. 48 с. ; Безбожный песенник. сост. Гр. Градов. М., 1930. 60 с. ; Блокнот антирелигиозника. Антипасхальный выпуск. М., 1931 ; Краткий справочник продработника Московской губ. М., 1921. 86 с. ; О ликвидации последствий подрывной работы врагов народа в комсомоле. Новгород, 1937. 12 с. ; О работе врагов народа внутри комсомола. Хабаровск, 1937. 40 с. ; Программа по курсу «О методах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры». М., 1939. 16 с. ; Труд, отдых, сон комсомольца-активиста. Центральный комитет РЛКСМ. Статистический подотдел. М., 1926. 116 с. ; Введенский А.И. Церковь и голод. М., 1922 ; Его же. Церковь Патриарха Тихона. М., 1923 ; Его же. Церковь и государство. Очерк взаимоотношений церкви и государства. М., 1923 ; Горев М.В. Голод. Ново-Николаевск, 1922 ; Его же. Церковные богатства и голод в России. М., 1922.

[481] ЦГА г. Москвы. Ф. 1581. Оп.124. Д. 8. Л. 1–9 ; Краткий отчет о работе Богородского уездного комитета ВКП(б), ноябрь 1926 г. – октябрь 1927 г.: к 27-й уездной партконференции. Богородск, 1927. С. 46.

городскими интеллектуалами: ей были свойственны иной язык, иная система понятий и культурных ценностей. Разрыв в языке и представлениях между составителями текстов и читателями приводил к тому, что значительная часть продукции оставалась в городах и лишь в ограниченном объеме доходила до сельских районов, не выполняя в полной мере задуманной просветительско-пропагандистской функции.

Архивные материалы позволяют проследить, каким образом советская власть пыталась преодолеть обозначенные трудности. К 1930 г. издательская деятельность смещается в сторону расширения жанрового репертуара и форм обращения к читателю. Появляется, в частности, «безбожный песенник», отражающий поиск новых средств воздействия на целевую аудиторию с помощью музыкально-поэтических текстов, рассчитанных на устное и, как правило, коллективное исполнение[482]. В последующее десятилетие объем печатной продукции заметно возрастает, а ее структура становится более дифференцированной, что свидетельствует об усложнении и профессионализации антирелигиозной пропаганды.

Желание сделать тексты более понятными и близкими аудитории заставляло составителей агитационно-пропагандистской литературы обращаться к формам, напоминающим устное народное творчество. Переформулирование новых идей в привычную для крестьянской среды речевую форму привело к созданию коротких изречений и четверостиший, которые легко запоминались и передавались устно. Авторы сознательно соединяли новые тексты с подлинными народными мотивами и выражениями, стремясь создать впечатление, что антирелигиозные представления возникают из самой крестьянской традиции[483]. В то же время недостаточная подготовка

[482] Безбожный песенник / сост. Гр. Градов. М., 1930. 60 с.
[483] Русские народные пословицы и поговорки / сост. А. Жигулев М., 1958. С. 167– 69, 187, 237 ; Народные пословицы и поговорки / сост. А.И. Соболев М., 1956. С. 107.

отдельных составителей приводила к включению в сборники текстов, противоречивших заявленной идеологической направленности[484].

Со временем расширение тематического и жанрового диапазона коснулось и более развернутых форм. Появляются произведения, стилизованные под традиционные плачи и героические сказания, посвященные недавним политическим событиям и ключевым фигурам советской истории[485]. Об их реальном распространении среди крестьян известно немного. В документах почти нет свидетельств того, что такие тексты прочно вошли в деревенский обиход. Тем не менее само их создание показывает, насколько разнообразными были попытки утвердить новую систему взглядов через освоение привычных для народа форм повествования.

Параллельно оформлялась визуальная агитация как самостоятельное направление пропагандистской работы. Изобразительные материалы в виде плакатов рассылались по уездам и районам губернии и размещались в общественных местах сельских населенных пунктов. С конца 1920-х гг. постепенно вводятся единые образцы оформления этого вида агитационно-пропагандистской продукции, а любые изменения в их содержании соотносятся с очередными этапами антицерковной политики. Ранние плакаты носили преимущественно научно-популярный характер и опирались на рациональные аргументы, тогда как в поздних усиливается эмоциональная составляющая и появляются прямые призывы к активным действиям против церкви и духовенства.

Основой изобразительного ряда становилось сопоставление противоположных образов. «Старый порядок» передавался через изображения храмов, религиозной утвари и обрядовых сцен, сочетающихся с фигурами обездоленных людей. Символами «нового времени» выступали заводы,

---

[484] Русские народные пословицы и поговорки / сост. А. Жигулев М., 1958. С. 167– 69, 187, 237 ; Народные пословицы и поговорки / сост. А.И. Соболев М., 1956. С. 107.

[485] Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Топорков А.Л., Иванова Т.Г., Лаптева Л.П. Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403–431.

строящиеся объекты, техника. Карикатуры на духовенство опирались на распространенные представления о его материальном благополучии и оторванности от нужд верующих. Текстовое сопровождение таких материалов со временем эволюционировало от развернутых поучительных надписей к кратким лозунгам, прямо призывающим к активным действиям против религиозной жизни и ее участников[486].

Помимо брошюр и плакатных материалов, к агитационно-пропагандистским изданиям относились научно-популярные пособия учебного характера, подготовленные с учетом предполагаемой аудитории. Они выпускались для сельских жителей, городских рабочих и военнослужащих[487]. Формальные различия между такими изданиями сводились к степени упрощения изложения в зависимости от целевой аудитории, тогда как идеологическая основа оставалась единой. В содержание включались разделы, в которых церковные структуры прямо противопоставлялись интересам государства и задачам хозяйственного строительства. Оценить реальное восприятие этих материалов затруднительно, так как в обнаруженных архивных источниках практически отсутствуют свидетельства о читательских откликах.

Издательская продукция 1930-х гг. демонстрирует целенаправленное формирование устойчиво негативного образа духовенства как «чуждой» социальной группы. Публикации 1932 г. содержали рассказы о предполагаемой подрывной деятельности священнослужителей в деревне, а

---

[486] «Царь, поп и богач на плечах трудового народа» (1918), «Все люди братья – люблю с них брать я» (1920), «Попы помогают капиталу и мешают рабочему» (1920), «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна (Бедного)» (1924), «… поп оголтелым воет воем» (1929), «Пером рабкора и светом науки разоблачайте сектанстские штуки» (1929), «Религия – опиум народа» (1932), «Понятно для всякого: где дело строится, вредят одинаково поп и пропойца» (1930), «Духовная свора – кулакам опора» (1930), «Борьба против религии – борьба за социализм» (1930), «Религия яд – береги ребят» (1930).

[487] Николин А. Блокнот антирелигиозника. М., 1931 ; Шнейман М.М. Антирелигиозный учебник. М., 1938 ; Родионов Ф. Красноармейский антирелигиозный учебник. М., 1931 ; Крестьянский антирелигиозный учебник. М., 1930 ; Лукачевский А.Т. Учебник для рабочих антирелигиозных кружков. М., 1929.

сопротивление верующих отдельным хозяйственным мероприятиям трактовалось как организованные выступления под руководством церковных деятелей. Так, реакция населения на закрытие храмов и разрушение сакральных объектов нередко описывалась как вооруженные мятежи против представителей власти[488]. Сходные формулировки обвинений в «противодействии политике государства» стали типовыми для судебных дел первой половины десятилетия.

Таким образом массовый выпуск антирелигиозной литературы выступал как элемент широкой системы идеологического воздействия. Профессиональная подготовка текстов в сочетании с разветвленной сетью распространения создавали условия для заметного влияния на общественное сознание. Изменение тематических акцентов отражало общие тенденции государственной политики – от установки на «просвещение» населения к закреплению представления о религиозных организациях и духовенстве как о факторе, препятствующем социалистическому строительству.

***

Проведенное исследование материалов антирелигиозной пропаганды и агитации Московской губернии (области) в 1918–1943 гг. позволяет констатировать, что весь корпус источников подразделяется на четыре основные группы (см. с. 133–134).

Анализ состава и назначения каждой группы документов демонстрирует их взаимодополняемость в рамках единой системы идеологического воздействия. *Партийные материалы* задавали стратегические установки и контролировали их выполнение на местах через планирование, отчетность и межведомственную координацию. *Документы общественных организаций* фиксировали практическое исполнение директив на низовом уровне и

[488] Долой попа и знахаря!» (1933), «Не поддавайся поповскому обману – освобождайся от религиозного дурмана» (1931), «Тянет поп к прежнему, да где ж ему» (1939), «У церковного порога ждешь, поп, напрасно! Без икон и бога мы живем прекрасно!» (1939).

одновременно выявляли проблемные зоны антирелигиозной работы. *Периодическая печать* была главным каналом массового распространения антирелигиозных идей и формирования общественного мнения. *Агитационно-пропагандистская литература* давала методические ориентиры для кампаний и закрепляла антицерковные установки в повседневном сознании.

Эволюция документальных материалов на различных этапах социалистического строительства отражает качественные изменения в характере антирелигиозной работы. *В 1918–1922 гг.* партийные документы фиксируют отдельные нерегулярные мероприятия, периодическая печать публикует разрозненные материалы без устойчивых рубрик, а агитационная литература почти не издается. *В 1922 (1923)–1929 гг.* формируется инфраструктура пропаганды. В партийных протоколах и планах появляются специальные разделы о создании ячеек Союза безбожников и организации политшкол, в газетах закрепляется рубрика «Уголок безбожника», начинается систематический выпуск брошюр. *В 1929–1941 гг.* корпус источников становится регулярным и унифицированным. Резолюции задают подробные установки в жесткой классовой риторике, отчетность СВБ наращивает формальные показатели, которые нередко расходятся с реальными результатами на местах, периодика централизованно готовит материалы к церковным праздникам по единым идеологическим схемам, а агитационные издания расширяют жанровый диапазон и увеличивают тиражи. *В 1941–1943 гг.* антирелигиозная тематика заметно сходит на нет, деятельность СВБ прекращается.

Сопоставление этих материалов с динамикой государственно-церковной политики показывает, что интенсивность пропаганды и тематика источников напрямую зависели от смены курса. Кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г. вызвала всплеск публикаций, где духовенство изображалось противником помощи голодающим. Создание Союза

безбожников в 1925 г. закрепило антирелигиозную работу в партийном планировании, хотя протоколы агитструктур отмечали низкую результативность на местах. Переименование в Союз воинствующих безбожников в 1929 г. и развертывание коллективизации усилили радикальную риторику. В резолюциях закрепилась тема классовой борьбы, в прессе распространились обвинения духовенства в контрреволюции, а агитационная литература оформила образ священнослужителей как враждебной социальной группы. Репрессии 1937–1938 гг. сопровождались сокращением отчетности низовых структур СВБ и смещением внимания периодики к международной тематике. Накануне Великой отечественной войны поворот конфессиональной политики проявился в прекращении выхода газеты «Безбожник» в 1940 г., исчезновении антирелигиозных рубрик в местной прессе и последних документах СВБ начала 1941 г., где констатировалось неудовлетворительное состояние работы.

2.3. Материалы о политических репрессиях духовенства и мирян Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

Изучение политических репрессий против духовенства и верующих в Московской губернии/области требует систематического анализа документальных материалов репрессивных органов. Весь массив привлеченных источников можно разделить на две основные группы, различающиеся по происхождению, функциям и информационному потенциалу:

Первая группа – материалы судебно-следственного производства органов ЧК, ГПУ–ОГПУ, НКВД и революционных трибуналов. Эти документы непосредственно фиксировали процесс репрессий: от ареста до вынесения приговора.

Вторая группа – учетно-регистрационные материалы, обеспечивавшие выявление и учет потенциальных объектов репрессий: списки лишенных избирательных прав, документы перерегистрации религиозных обществ с поименными перечнями членов церковных советов и служителей культа.

Принципиальное различие между группами заключается в их функциональном назначении: если первая группа документировала уже осуществлявшиеся репрессии, то вторая создавала информационную базу для их подготовки и обоснования.

Видовой состав и структура документов первой группы существенно изменялись на протяжении исследуемого периода под воздействием нормативно-правовых актов и трансформации репрессивных органов. Можно выделить три основных этапа этой эволюции:

1918–1922 гг. – формирование базовой структуры судебно-следственных материалов в деятельности ЧК и революционных трибуналов.

1922–1934 гг. – расширение номенклатуры документов и формализация делопроизводства органов ГПУ–ОГПУ.

1934–1943 гг. – упрощение процедур в период Большого террора с последующим возвратом к детализированному документообороту.

Опираясь на указанный комплекс документов, обратимся к рассмотрению первого этапа (1918–1922). Ключевую роль в судопроизводстве этого периода играли революционные трибуналы, ставшие первыми судебными органами советской власти, рассматривавшими дела духовенства и верующих по обвинению в контрреволюционной деятельности. Создание этой системы началось с принятия СНК РСФСР 22 ноября 1917 г. Декрета о суде, утвердившего новый тип органов защиты революционных завоеваний[489]. В Московской губернии функционировали Московский и Московский губернский революционные трибуналы, объединенные в 1921 г. в единую структуру.

Правовая основа деятельности трибуналов формировалась в условиях революционной действительности. Инструкция Наркомюста от 17 декабря 1917 г. определяла подсудность дел и провозглашала принцип революционной совести как основу вынесения приговоров[490]. Первоначально трибуналы не обладали правом вынесения смертных приговоров, но после восстановления смертной казни в июне 1918 г. их полномочия существенно расширились[491]. Решения трибуналов считались окончательными и обжалованию не подлежали.

Документы революционных трибуналов Московской губернии хранятся в фондах 4612 и 4613 ЦГАМО. Их анализ позволяет реконструировать механизмы репрессий против духовенства и верующих на начальном этапе

---

[489] Декрет СНК РСФСР «О суде». 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 124–126.

[490] Инструкция Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний. 19 декабря 1917 года [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348076-instruktsiya-revolyutsionnomu-tribunalu-o-revolyutsionnom-tribunale-ego-sostave-delah-podlezhaschih-ego-ve-locale-nil-deniyu-nalagaemyh-im-nakazaniyah-i-o-poryadke-vedeniya-ego-zase-locale-nil-daniy-19-dekabrya-1917-goda (дата обращения: 26.10.2025 г.).

[491] Титков В.И. Революционные трибуналы как органы политической борьбы // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 71–83.

социалистического строительства в Московской губернии. Особенно показательны три взаимосвязанных дела: № 12, 13 и 14 (ЦГАМО. Ф. 4612. «Московский губернский революционный трибунал. г. Москва. 1918–1921 гг.»), посвященные контрреволюционному выступлению в Звенигороде в мае 1918 г.

Материалы дела № 12 раскрывают многоуровневую организацию судебно-следственных органов Московской губернии в 1918–1922 гг. и механизмы их взаимодействия. Документооборот отличался строгой иерархией и соблюдением установленных процедур. Следственная комиссия направляла запросы в Комиссариат юстиции Звенигородского уездного исполкома, требуя вызвать обвиняемых на допрос, предоставить списки арестованных, протоколы арестов и обысков, анкетные данные задержанных и иные материалы дознания. Звенигородский комиссариат юстиции отвечал сопроводительными письмами с приложением запрашиваемых документов[492].

Параллельно следственная комиссия переписывалась с Московской центральной Бутырской пересыльной тюрьмой, где содержались арестованные. Она направляла требования о выводе конкретных лиц на допросы[493] или об их освобождении[494]. Начальник тюрьмы отвечал уведомлениями о возможности исполнения запроса или об имеющихся препятствиях, таких как освобождение из-под стражи, болезнь арестованного или его перевод в другое учреждение[495].

Документы оформлялись на бланках, преимущественно от руки, с указанием дат и регистрационных номеров. Важные постановления дублировались машинописными копиями для рассылки по инстанциям. Подлинность удостоверялась собственноручными подписями должностных лиц и печатями учреждений. Регистрация входящей и исходящей

[492] ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 12. Л. 36–37об; 47.
[493] Там же. Л. 29.
[494] Там же. Л. 59.
[495] Там же. Л. 33.

корреспонденции фиксировалась штампами с указанием даты отправки или поступления.

Дело № 13 представляет собой объемную подшивку протоколов допросов лиц, арестованных по делу о контрреволюционном восстании 15 мая 1918 г. в Звенигороде. Документы охватывают период с мая по июль 1918 г. и раскрывают систематическую работу судебно-следственной комиссии при Московском губернском революционном трибунале[496].

Материалы дела включают официальную переписку между различными инстанциями: Звенигородским уездным исполкомом, Бутырской тюрьмой, следственной комиссией и администрацией трибунала. Документы фиксируют передачу арестованных, согласование графиков допросов и решение организационных вопросов следствия. Особенно примечательны телеграммы и распоряжения о доставке конкретных лиц на допросы, отражающие оперативное взаимодействие указанных учреждений.

Протоколы допросов содержат не только формальные анкетные данные обвиняемых, но и развернутые показания. Следователи выясняли информацию об их участии в событиях 15 мая, о связях с различными организациями, наличии оружия, получении и исполнении распоряжений[497]. Допрошенные представляли разные сословия: крестьян, мещан, священнослужителей и служащих земских учреждений[498].

Дело № 14 озаглавлено «Протоколы, акты дознания и постановления по обвинению лиц, участвующих в восстании в Звенигороде 15 мая 1918 г.». Оно представляет собой комплекс итоговых материалов по делу участников звенигородского восстания и отражает движение дела от первичного дознания до утверждения и пересмотра приговоров[499].

---

[496] ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 13. Л. 112–108.
[497] Там же. Л. 77–108; 138–190.
[498] Там же.
[499] ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 14.

Структура дела позволяет реконструировать вертикаль документооборота. Начальная часть включает акты дознания и протоколы, к ним примыкают постановления следственной комиссии и индивидуальные решения революционного трибунала по каждому обвиняемому. Далее следуют приговоры и выписки из заседаний губернского трибунала, затем ходатайства о пересмотре и удостоверения местных властей о положении семей осужденных. Завершают дело ответы вышестоящих органов и отметки об утверждении приговоров ВЦИКом, а также материалы о смягчении наказаний. Входящие и исходящие номера, визы и резолюции на полях, штемпели с датами и оттиски печатей позволяют проследить путь каждого документа от уездного уровня к губернскому, затем в Московский революционный трибунал и центральные органы[500].

Особое место в деле занимают письменные свидетельские показания. Такие тексты писались от руки, подписывались авторами или сотрудником, снимающим показания, датировались и приобщались к делу без нотариального заверения. Это расширяло доказательную базу в условиях затрудненной явки свидетелей на заседания и придавало процессу формальный юридический характер[501].

Наряду со свидетельскими показаниями к делу приложены личные заявления арестованных и прошения третьих лиц, часто выступавших защитниками обвиняемых, адресованные в следственную комиссию. В них содержались просьбы о пересмотре дела, сведения об условиях содержания обвиняемого и объяснения его непричастности к тем или иным событиям. Эти материалы, также часто писавшиеся от руки, дополняют официальные протоколы живыми голосами участников и позволяют видеть состязательность процесса не только по формальным актам, но и по обращениям через канцелярию[502].

---

[500] ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 14.
[501] Там же. Л. 55; 57–58; 71; 82; 100–101 об.; 106; 107.
[502] Там же. Л. 52; 75–76 об.; 77.

Стоит отметить, что официальные документы революционных трибуналов демонстрировали разный уровень формализации. Выписки, постановления и некоторые протоколы отличались тщательностью оформления, тогда как иные служебные документы часто оставались менее строго оформленными. Это различие отражало становление бюрократических норм и процедур революционной судебной системы на разных этапах ее развития.

Корпус документальных материалов дела отличается высокой степенью информативности. Акты дознания и протоколы содержат фактическое описание событий и их подробную хронологию[503]. Постановления следственной комиссии показывают, какие факты признаны достаточными для обвинения и какие меры приняты. Приговоры и выписки из заседаний содержат мотивировку и правовую квалификацию действий арестованных, а их юридическую силу подтверждают подписи должностных лиц и в ряде случаев, печати. Удостоверения о положении семей раскрывают социальные последствия приговоров, а ответы высших органов власти фиксируют апелляционное движение дела и отношение центра к вынесенным решениям.

Итоги рассмотрения прослеживаются по ряду процессуальных актов. Организаторы, игумен Макарий (Попов) и священник Василий Державин, получили бессрочное лишение свободы с тяжелыми работами и запретом свиданий. Непосредственные участники убийств осуждены на сроки от трех до десяти лет тюрьмы, иеромонах Феофан – на три года. Приговор утвержден ВЦИКом, позднее бессрочная каторга заменена на двадцать лет, затем последовали новые смягчения. К концу 1919 г. все осужденные были освобождены, что было отражено в распоряжениях об исполнении и отметках об освобождении. Существенное смягчение приговоров вскоре после их оглашения было обычным явлением для деятельности революционных

[503] ЦГАМО. Ф. 4612. Оп. 1. Д. 14. Л. 89–99об.

трибуналов в Московской губернии[504]. В 1922 г. в рамках судебной реформы РСФСР революционные трибуналы были упразднены, а их функции переданы губернским судам.

Революционные трибуналы действовали как судебные органы в 1918–1922 гг. В этот же период формировалась и укреплялась система чрезвычайных комиссий, участвовавших в осуществлении репрессивной политики. В 1918–1920 гг. в Москве и Московской области аресты осуществляла Московская чрезвычайная комиссия (МЧК), а на местах действовали подчиненные ей районные, уездные и железнодорожные комиссии, а также политбюро при уездной милиции, передававшие материалы в МЧК.

Разночтения в названиях этих органов связаны со становлением системы ВЧК. В 1918–1919 гг. формировалась Московская чрезвычайная комиссия, а в марте 1919 г. она стала самостоятельной губернской ЧК. Поэтому в следственных делах встречаются разные наименования – от Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при уездном совете до Московской губернской ЧК. Масштаб расследований, проводившихся многочисленными структурами госбезопасности, закономерно породил огромный массив документации. Материалы, созданные ВЧК и ее преемниками ГПУ, ОГПУ и НКВД, сегодня составляют самостоятельный комплекс исторических источников. Их основной массив сосредоточен в фонде № 10035 «УКГБ по г. Москве и Московской области» ГАРФ, а также в Центральном архиве ФСБ и архивах региональных управлений ФСБ. Именно на базе этого корпуса источников можно проследить не только эволюцию самих органов, но и внутреннюю структуру судебно-следственных дел, а также состав документов, входивших в них.

---

[504] Мраморнов А.И. К истории антицерковной деятельности Московского революционного трибунала (1918–1920 гг.) // Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2011. № 2 (55). С. 100–132.

В 1918–1922 гг. в состав судебно-следственных дел входили такие документы, как ордер на обыск и арест, протокол обыска, донесения осведомителей, протоколы допросов, заключение следователя, выписка из заседания Коллегии ВЧК, дополнительные материалы. Документы обычно оформлялись от руки, однако для некоторых входящих в дело материалов использовались типографские бланки[505]. Каждый документ сопровождался подписью сотрудника с указанием должности и отдела. Некоторые документы заверялись подписями начальства, арестованного и ведомственными печатями. Остановимся на содержании представленных документов более подробно.

Ордер на обыск и арест был первым документом, входящим в состав судебно-следственного дела. Он предоставлял право проводить обыски и изымать документы у подозреваемого. Ордер оформлялся на небольшом бланке с рукописным текстом и содержал дату, срок действия, информацию о выдавшем отделе, данные об арестуемом и адрес его проживания. Удостоверялся данный документ подписями лиц, ответственных за проведение задержания, и печатью[506].

После ордера в деле обычно следовал протокол обыска, составленный на бланке. В нем указывались основание обыска, данные участников и перечень изъятого имущества. Документ подписывали все присутствующие[507]. Такие протоколы нередко содержат уникальные сведения о вещах, признанных вещественными доказательствами. Так, в деле об аресте священника Сергия Никитского в качестве доказательства отмечена «священная литература старого издания», ставшая формальным поводом для расследования[508]. Однако содержание протокола не всегда соответствовало его названию. В деле Н. Л. Горюхина от 14 октября 1918 г. графа описи

---

[505] См., например: ГА РФ. Ф.100035. Оп. 1. Д. П-57273 ; Там же. Д. П-50979 ; Там же. Д. П-50436 ; Там же. Д. П-34803 ; Там же. Д. П-54274;
[506] ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-50436. Л. 1 ; Там же. Д. П-54274. Л.2.
[507] ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-50436. Л. 2–2об.;
[508] ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-34803. Л. 5.

зачеркнута, а слово «обыск» заменено на «арест». Арест был проведен в помещении ВЧК на Большой Лубянке[509]. Это показывает, что на раннем этапе следствия важнее была немедленная изоляция подозреваемого, а не сбор вещественных доказательств, при сохранении внешних признаков бюрократической законности.

Причины ареста духовенства отражались в доносах и заявлениях, зачастую анонимных и общих по содержанию. В деле они обычно представлены в виде копий машинописных документов и часто без указания авторства. В качестве примера можно привести доносы, содержащиеся в деле священника Сергия Никитского[510]. Первый донос от 26–28 июня 1920 г. был составлен «сотрудником» из села Красково и содержал обвинения в продаже священных книг и ведении контрреволюционной агитации[511]. Во втором анонимном доносе от 12 июля 1920 г. священника Никитского обвиняли в контрреволюционной агитации и противопоставлении Церкви советской власти. Приводятся его слова: «больше надо стремиться к храму, чем к советской власти». В нем также перечислены названия распространявшейся им духовной литературы[512]. В качестве прямого доказательства проводившейся им агитации к делу была приобщена машинописная копия «Воззвания» священника, в котором он противопоставляет верующих неверующим, обещая последним «ад кромешный»[513]. Таким образом, донесения в этом деле служили не просто неким общим сигналом, а подробной инструкцией для следствия, подкрепленной вещественным доказательством в виде текста самого «воззвания».

Протокол допроса, являющийся следующим документом в составе дела, служил основным источником сведений о ходе следствия. В нем указывалась дата проведения данного мероприятия, имя следователя, а также

---

[509] ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-57273. Л. 11–11об.
[510] ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-34851.
[511] Там же. Л. 4.
[512] Там же. Л. 5.
[513] Там же. Л. 6.

биографические данные и показания допрашиваемого. Протокол оформлялся на бланках или от руки с обязательными подписями обеих сторон[514].

До 1922 г. вопросы следователя часто не записывались, а протоколы допросов сводились к кратким отрицаниям обвинений со стороны подозреваемого. Оформление таких документов определялось внутренними инструкциями и различалось по уездам Московской губернии, а детализация зависела от практики отдельных комиссий. Тем не менее типичный для данного периода протокол допроса как правило состоял из трех частей: введения (анкетные данные), содержательной части и заключения. С 1920 г. вводная часть становится печатной и более детализированной, фиксируя место, время, статус арестованного и правомочное лицо, производившее допрос. После 1922 г. формуляр протокола допроса не претерпевал изменений вплоть до 1935 г.

Анкетная часть включала вопросы о социальном происхождении, месте жительства и роде занятий допрашиваемого, а также сведения о семейном и имущественном положении, партийности, образовании, месте службы (с 1914 г. до момента ареста) и прежней судимости. В протоколе допроса И.Я. Ковалева от 4 ноября 1920 г. указано, что ему 58 лет. В документе он проходит как уроженец и житель села Новое Раменской волости Бронницкого уезда Московской губернии, по роду занятий – крестьянин. В документе также отмечено, что Ковалев состоял в церковном совете.

Далее приводятся краткие сведения о его социальном положении. Ковалев был женат, имел взрослую дочь, оставался беспартийным и был малограмотным. Указано, что до 1914 г. он работал на маслобойном заводе в Ташкенте, а затем занимался сельским хозяйством. Отдельно зафиксировано, что ранее он привлекался к суду, но был оправдан[515].

---

[514] См., например: ГА РФ. Ф.100035. Оп. 1. Д. П-54274. Л. 7–10;
[515] ГА РФ. Ф.100035. Оп. 1. Д. П-38509. Л. б/н.

Содержательная часть протокола фиксировала показания по существу. Ковалев, обвиняемый в контрреволюционной агитации, виновным себя не признал, заявив, что «против власти ничего никогда не говорил». При этом он подтвердил факт полемики с представителями новой власти, отметив, что ему «иногда приходилось спорить с коммунистом» и вести разговоры относительно крестьянских вопросов (вероятно, касавшихся продовольственной политики или налогообложения), что следствие стремилось квалифицировать как антисоветскую деятельность[516].

В структуре следственного дела после протокола показаний обвиняемого, как правило, помещалось составляемое следователем обвинительное заключение. Вместе с тем данной части дела могли предшествовать иные материалы, оформляемые по мере производства: справки сельских советов, протоколы очных ставок, а также ходатайства верующих. Обвинительное заключение чаще всего представляло собой машинописный текст, содержащий формулировку обвинения, его обоснование и выводы следствия. После введения ряда нормативно-правовых актов в 1919 г.[517] этот документ стал оформляться отдельно и содержал данные следователя, дату составления, описание обвинения и основания для наказания. Так, в деле № П-34851 1920 г., которое вел следователь Московской Чрезвычайной комиссии т. Соколов, фигурировали священник С.М. Никитский, С.П. Поповский и Н.Н. Данилин. Им вменялось распространение священной литературы и антисоветская агитация. Между тем проверка показала, что изъятые дореволюционные издания не имели контрреволюционного содержания. В связи с этим следователь прекратил производство и сдал дело в архив, распорядившись уведомить об этом

---

[516] ГА РФ. Ф.100035. Оп. 1. Д. П-38509. Л. б/н.

[517] Положение «Об отделе по борьбе с контрреволюцией», принятое на Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, 13 июня 1918 г. // ЛУБЯНКА: Органы ВЧК–ОГПУ... С. 310–311. ; Положение «О следственных отделах губернских ЧК», 3 июня 1919 г. // Там же. С. 341 ; Инструкция следователям от 1919 г. // ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1. Л. 267–268.

Политбюро Московского уезда и поставить священника Сергия Никитского на учет[518].

Итогом дела служила выписка из протокола, оформленная на бланке, где кратко указывались обвинение, решение и данные обвиняемого. Стоит заметить, что она в большинстве случаев повторяла выводы следователя[519].

Анализ дел Московской губернии показывает, что в 1918–1922 гг. духовенству в качестве обвинения чаще всего вменяли антисоветскую агитацию и контрреволюционную деятельность. Тем не менее на практике разграничения между данными понятиями было едва уловимым. К примеру, священника Константина Воскресенского арестовали по общим заявлениям сослуживцев, квалифицировав молебен, совершенный им по просьбе жителей, как антисоветскую агитацию[520]. Священника Тимофея Рязанова обвинили в антисоветской агитации из-за утверждения о якобы еврейском господстве[521]. В материалах дел за 1918 г. встречаются такие обвинительные формулировки, как непризнание советской власти, «контрреволюция» и агитация за сохранение церковной земли[522]. Причем последнее приравнивалось к нарушению закона о социализации земли и выступлению против советской конституции, что автоматически делало данное деяние антисоветским и контрреволюционным.

Приговоры, выносившиеся духовенству и верующим Русской Православной Церкви Московской губернии в 1918–1922 гг., характеризовались непоследовательностью и различной степенью суровости. В большинстве случаев священника могли отпустить без каких-либо последствий[523], могли поставить на учет и установить за ним слежку[524].

---

[518] ГА РФ. Ф.10035. Оп. 1. Д. П-34851. Л. 12.
[519] Там же. Л. 1
[520] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1.Д. П-50638. Л. 7.
[521] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1.Д. П-57141.
[522] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д П-59015. Л. 1.
[523] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д П-38613.
[524] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34954; П-34851.

Минимальный срок заключения с каждым годом увеличивался: 1 месяц (1918), 3 месяца (1919), 1 год (1920).

Внутренняя структура и оформление следственных документов изменились после создания ГПУ[525] и принятия новых УПК в 1922–1923 гг. УПК 1923 г. строго регламентировал оформление бумаг, но анализ историко-документального наследия данной группы показывает, что в судебно-следственных делах Московской губернии/области встречались ошибки в нумерации и размещении материалов, что часто было связано с заменой листов или нарушениями при их оформлении.

После введения УПК в дела духовенства добавились такие документы, как постановление о предъявлении обвинения, постановление об избрании меры пресечения (постановление на арест), анкета арестованного, протоколы очных ставок, обвинительное заключение и справки сельских советов. Остановимся на каждом из них поподробнее.

Постановление о предъявлении обвинения, как и постановление на арест, оформлялось на стандартных типографских бланках и содержало дату, данные обвиняемого, суть обвинения и применяемую статью. Обычно оно помещалось в начале дела, заверялось подписями следователя, руководителя и обвиняемого, который подтверждал ознакомление с документом. К примеру, в деле об аресте священника Егора Васильевича Клюева из Егорьевского уезда в Постановлении от 13 апреля 1928 г., составленном старшим милиционером при Егорьевском уездном исполнительном комитете, отражены дата и реквизиты органа, перечислены материалы проверки и дана юридическая квалификация произошедшего инцидента. В качестве оснований для начала дознания приводится «распространение ложных слухов» и «попытки к срыву собраний граждан Поминовской волости». Действия обвиняемых

[525] Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР (1918–1953) : Монография. М : Кучково поле, 2011. С. 53 ; ЛУБЯНКА: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М. : МФД, 2003. С. 36.

квалифицированы по статье 58[10] и ч. II статьи 74 УК. Постановление заверено подписями старшего милиционера и начальника второго отдела Угрозыска, что придало ему официальный статус и послужило основанием для начала дознания и выемки вещественных доказательств[526].

В постановлении на арест фиксировали дату ареста, ФИО должностных лиц, осуществивших задержание, и основание задержания. Документ подписывали начальник следственного отдела, руководитель осуществляющего арест органа и обвиняемый.

В деле священника Николая Голышева 1931 г. после постановления «о приступе к следствию» следовало постановление «об избрании меры пресечения». Первый бланк содержал стандартные графы для даты задержания, ФИО обвиняемого, сути предъявленного обвинения и применяемой статьи. Во втором были графы для обоснования изоляции, указания места содержания под стражей и вида меры пресечения. Уполномоченный ПП ОГПУ МО по Орехово-Зуевскому окружному отделу рассмотрел следственный материал по обвинению Николая Власовича Голышева в антисоветской агитации. Деяние квалифицировано по статье 58, пункт 10 УК. В целях пресечения уклонения от следствия избрано содержание под стражей. Местом содержания определен арестный дом города Егорьевска. Копию постановления направили окружному прокурору для сведения. Оба документа были подписаны начальником окружного отдела ОГПУ и обвиняемым[527].

Ордеры на арест и обыск, а также протоколы обыска и допроса с начала 1920-х гг. оформлялись как «протоколы следственных действий». В них указывались место, время, должностные лица, стороны, понятые, результаты мероприятий, показания и подписи всех участников. Эти документы

---

[526] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-48474. Л. 1.

[527] См., например: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 8141. Л. 9–10 ; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 31126. Л. 3–73об.

оформлялись на стандартных бланках неизменно до конца 1930-х гг., что видно по материалам следственных дел духовенства данного периода[528].

Как мы уже отметили, с 1922 г. в следственных делах в качестве отдельного документа начинает фигурировать анкета арестованного. Она представляла собой типографский бланк, который, помимо стандартных биографических данных, содержал вопросы о партийной принадлежности, роде занятий и месте службы в момент ареста, социальном происхождении, бывшем сословии и имущественном положении. Анкета подписывалась арестованным, после чего указывалась дата[529].

Еще одним документом, появившимся среди материалов судебно-следственного дела после 1922 г., были так называемые протоколы очных ставок. Главная цель проведения подобного мероприятия заключалась в устранении расхождений в показаниях ранее раздельно допрошенных свидетелей и выяснении причин содержащихся в них противоречий. Обычно процедура начиналась с вопросов о готовности давать показания и отсутствии личной неприязни между участниками. Протокол составлялся либо как последовательная запись вопросов и ответов, либо в виде таблицы с отдельными колонками для каждого участника. Каждый ответ заверялся подписью, которая могла ставиться после каждого высказывания или в конце документа.

В качестве примера приведем протокол очной ставки Киселевой и Воловиной, обвиняемых по одному делу в 1935 г. Сначала следователь выяснял обстоятельства их знакомства и характер отношений, затем – причины взаимных визитов. На очной ставке Воловина признала прежнюю ложь и сообщила, что Киселева была послушницей некоего «старца Прокопия» и привезла к ней облачения для священника Артемия, служившего у нее дома. Показания Киселевой в основных деталях совпали со словами

---

[528] См., например: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45876. Л. 3–7 ; Д. 31126. Л. 3–23 об.
[529] См. например: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-46015. Л. 20 ; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49293. Л. 3.

Воловиной, поэтому цель процедуры была достигнута. Протокол составлен от руки в виде двух колонок, показания заверены подписями обеих сторон[530].

Анализ дел духовенства 1922–1934-х гг. показывает, что с введением нового УПК в 1923 г. итоговым документом судебно-следственного дела становится обвинительное заключение с указанием соответствующей статьи закона, ФИО, адреса обвиняемых и номера дела. К примеру, обвинительное заключение по следственному делу священника Николая Поликарповича Зеленова, составленное Окружным отделением ОГПУ в Орехово-Зуеве, начинается с развернутого описания личности обвиняемого, его социального положения и образования. Затем последовательно излагаются три основных эпизода его предполагаемой преступной деятельности, квалифицируемые как контрреволюционная агитация (ст. 58-10 УК РСФСР). Следствие строит обвинение на утверждении, что под видом организации религиозного кружка в 1928 г. и отказа совершить крещение в августе 1929 г. подсудимый якобы подрывал коллективизацию, а его разговоры о бесхозяйственности в колхозе привели в ноябре того же года к выходу из колхоза десяти крестьянских дворов. Документ был подписан тремя должностными лицами ОГПУ: сотрудником окружного отделения Джуромским, старшим уполномоченным Муравьевым и начальником отделения Евстафьевым. В конце заключения приводится справка, в которой отмечено отсутствие каких-либо внесенных доказательств по делу и содержание подсудимого под стражей в Доме Заключения города Покрова[531].

После составления обвинительного заключения дело направлялось прокурору, который ставил на обвинительном заключении свою резолюцию и подпись. После заключения окружного прокурора дело во внесудебном порядке рассматривалось на Особом совещании при коллегии ОГПУ.

---

[530] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 40969. Л. 14–14 об.
[531] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П 49488. Л. 25–25 об.

Результаты оформлялись в виде выписки из протокола заседания и имели две графы: «слушали» и «постановили».

Документы, объясняющие причины ареста священнослужителей (представленные ранее как «доносы» и «заявления»), по-прежнему включались в материалы дела и помещались перед началом следствия. К ним относятся заявления граждан, агентурные материалы, протоколы допросов свидетелей, выписки из протоколов допросов с обязательной отметкой о верности копии и подписью уполномоченного и т.д.

С середины 1920-х гг. в делах духовенства заметно вырос объем служебной переписки. Она фиксировала ход дела и порой дальнейшую судьбу осужденных. Анализ дела в отношении священнослужителей Николая Дмитриевича Богаева, Ильи Александровича Зачатейского и Ивана Семеновича Шувалова наглядно показывает, как органами ОГПУ была организована и велась эта переписка в исследуемый период. Комплекс документов, сформировавшийся в ходе работы по делу, отражает выстроенную систему документооборота. Служебные записки для передачи информации между структурными подразделениями органов безопасности составлялись по единому образцу. Помимо содержания, в данных документах указывались реквизиты отправителя, адресата, статус принятых решений и часто гриф секретности в верхнем правом углу[532]. Благодаря данным материалам удается не только реконструировать ход следствия по делу духовенства и верующих, но и изучить степень развития делопроизводства и согласованность работы занимавшихся репрессиями ведомств.

В качестве дополнительных материалов в составе дела с конца 1920-х гг. добавляются справки от районных или сельских советов. В них содержалась информация об имущественном положении обвиняемого и его личностная характеристика[533].

---

[532] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49462. Л. 85–98.
[533] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49293. Л. 15.

Анализ документальных материалов органов ГПУ в 1922–1934 гг. позволяет сделать вывод, что духовенству и верующим Московской губернии в указанный период чаще всего предъявлялись обвинения по статьям 61[534], 69[535], 73[536] и 119. Наиболее часто применялась статья 119, предусматривавшая ответственность за использование религиозных предрассудков с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям. С 1927 г. духовенство и верующие начинают обвиняться по ст. 58, п. 10. Данное обстоятельство было связано с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс в 1926 г., когда использование «религиозных предрассудков» стало квалифицироваться как государственное преступление[537].

Результаты следствия по делам духовенства и верующих Московской губернии/области в 1922–1934 гг. в большинстве случаев были представлены освобождением с запретом проживания в центральных городах сроком на 2–3 года, высылку на срок от 1 до 3 лет, заключение в концентрационный лагерь, лишение свободы[538].

Начиная с 1929 г., как было показано нами в тексте первой главы настоящего исследования, происходит ужесточение государственной политики в отношении духовенства и верующих. Так как следование религиозным предрассудкам квалифицировалось теперь как государственное преступление, то и аресты духовенства стали производиться сотрудниками ведомства, отвечающего за общегосударственную стабильность: в 1929–1931 гг. – окружными отделами ОГПУ, в 1931–1934 гг. – районными отделениями ОГПУ, а в 1934–1939 гг. – НКВД. В течение 1931 г., когда

---

[534] Ответственность за содействие враждебной международной деятельности.
[535] Уголовная ответственность за антигосударственную пропаганду.
[536] Уголовная ответственность за распространение дезинформации.
[537] Перечень дел за 1922–1934 гг. с обвинениями в нарушении ст. 61; 69; 73; 119 и 58[10]: ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 52354; Д. П-35271; Д. П-37387; Д. П-37389; Д. П-37739; Д. П-45736; Д. П-49885; Д. П-57280; Д. П-57281; Д. П-57345; Д. П-58619; Д. П-58684; Д. П-71160.
[538] Там же.

руководство милицией и уголовным розыском было передано ОГПУ, аресты производились также районными отделениями милиции и уголовного розыска, хотя в последующие годы такая практика не наблюдалась. Тем не менее, согласно анализу историко-документального наследия, каких-либо структурных изменений в составе судебно-следственных дел духовенства и верующих Московской губернии/области вплоть до 1934 г. автором настоящего исследования выявлено не было.

Анализ дел духовенства 1930-х гг. показывает, что после создания НКВД в 1934 г. процедура расследования становится полностью формализованной. Постановления о мере пресечения и предъявлении обвинения сводились в один бланк с указанием сути обвинения, фигурантов дела, визой начальника и датой. Данный порядок хорошо иллюстрирует дело священника Николая Васильевича Рождественского. Содержащееся в его судебно-следственном деле постановление от 26 января 1938 г. начинается стандартными реквизитами: местом составления (г. Бронницы) и датой. Адресная часть подтверждает подчиненность нижестоящего отдела Главному управлению НКВД, что отражает жесткую иерархию органов госбезопасности. Основной текст содержит паспортные данные и краткую формулировку обвинения: «формировал среди верующих враждебный власти курс и вел антисоветскую агитацию». В графе «Постановили» предписано привлечь Рождественского в качестве обвиняемого и избрать меру пресечения в виде заключения под стражу. При этом статья Уголовного кодекса не указана. Документ заверен подписями капитана госбезопасности Персица и обвиняемого[539].

Мы уже говорили о том, что анкета арестованного в своей структуре оставалась относительно стабильной на протяжении всех 1920-х – первой половины 1930-х гг. и содержала стандартные биографические сведения, данные о партийной принадлежности, роде занятий, месте службы в момент

[539] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 19883. Л. 1.

ареста, а также информацию о социальном происхождении и имущественном положении. Радикальный поворот в содержании анкетной части произошел после 1935 г., когда методические рекомендации для следователей и прокуроров установили новый принцип расследования, основанный на политизации дел и рассмотрении обвиняемого как представителя определенного класса в условиях классовой борьбы[540].

В анкету добавились вопросы о социальном происхождении и положении до и после революции, об участии в Гражданской войне, коллективизации и антисоветской деятельности, о воинском учете и службе в белых формированиях, а также об общественно-политической активности. Эти перемены хорошо иллюстрирует анкета арестованного священника Николая Михайловича Иванова из села Суково, заполненная в 1937 г., где системно фиксировались его духовное происхождение, отсутствие партийной принадлежности, образование, полученное в духовной семинарии, и полная непричастность к вооруженным силам советского государства[541]. Этот комплексный набор вопросов остался неизменным вплоть до начала 1940-х гг. и демонстрирует соответствие судебно-следственной системы новой политической линии государства.

В 1937–1938 гг. оформление дел носило конвейерный характер и в их составе сохранялись только основные документы, необходимые для вынесения приговора. Ввиду данного обстоятельства количество содержащихся в них листов, особенно в период Большого террора, могло составлять в среднем 20–25, что существенно контрастировало с судебно-следственными делами предшествующего периода.

Единственным новым документом в судебно-следственных материалах этого периода является выписка из акта о приведении приговора в исполнение Ее оформляли на отдельном бланке, в правом верхнем углу обычно указывали

---

[540] Криминалистика : учеб. для слушателей правовых вузов... М. : Изд-во Советское законодательство, 1935. С. 245.
[541] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 20921. Л. 11–11об

гриф «совершенно секретно», номер дела, реквизиты документа, на основании которого было принято решение о применении высшей меры наказания, а также дату и время приведения приговора в исполнение. Документ, как правило, заверялся подписью начальника отдела.

После формального завершения периода Большого террора репрессивная политика советской власти в отношении духовенства и верующих не прекратилась, а лишь вновь претерпела изменения. Данное мнение подтверждается благодаря сохранившемуся историко-документальному наследию, демонстрирующему резкое сокращение количества подвергавшиеся репрессиям духовенства и верующих в 1939–1943 гг. Изменения коснулись и материалов судебно-следственного делопроизводства, состав которых мы рассмотрим на примере.

Прежде всего стоит отметить возврат к более сложным и объемным судебно-следственным делам образца 1929–1936 гг., местами с еще большей бюрократической детализацией. Вместо перечисления стандартного набора документов мы выделим ключевые изменения структуры и содержания, показывающие переход репрессивного аппарата от массового террора к более индивидуализированному, формально-процедурному преследованию.

Прежде всего заметно восстановление процессуальной самостоятельности: в 1937–1938 гг. арест, обвинение и мера пресечения часто были объединены в один документ, теперь же это снова отдельные, полно оформленные постановления[542].

Наиболее существенно изменилась анкета арестованного: из краткой справки она стала подробным трехчастным печатным бланком. Первая часть содержала расширенные персональные данные и графу «Состав семьи» с перечнем близких родственников, их возраста и адресов проживания. Отдельное место было отведено для обязательного отпечатка указательного пальца правой руки. Вторая часть представляет собой «Словесный портрет»,

[542] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 31028. Л. 3–5об

перечень внешних признаков, который оперативный сотрудник заполнял от руки, включая рост, телосложение, цвет волос, форму лба, бровей, носа и глаз, а также особые приметы. Третья часть включала подписи арестованного, подтверждающего правильность сведений, и оперативного уполномоченного[543].

По завершении следствия составлялся «Протокол об окончании следствия». Он включал суть обвинения, перечень доказательств и резолюцию о достаточности материалов для передачи в суд. Документ подписывал следователь и предъявлял обвиняемому для ознакомления и подписи, что демонстрировало соблюдение процессуальных норм[544].

Подготовка к судебному разбирательству сопровождалась оформлением дополнительных бумаг. В дело подшивали список лиц, подлежащих вызову на заседание, где указывали обвиняемого и свидетелей. Свидетели подписывали типовую подписку о явке и получали предупреждение об ответственности за ложные показания. Затем дело с сопроводительным письмом направляли председателю трибунала для рассмотрения по существу[545].

Судебный процесс начинался с подготовительного заседания, ход которого фиксировался в «Протоколе подготовительного заседания Военного трибунала». Бланк имел четкую структуру с датой, составом суда, фамилией секретаря и повесткой дня. От руки вписывали участников и принятые решения, например: назначение слушания, сохранение меры пресечения и вызов свидетелей по списку. Протокол подписывали председатель и секретарь[546].

Центральным документом становился «Протокол судебного заседания», содержащий подробное изложение хода процесса на нескольких листах. В шапке указывали дату, место, состав суда и данные подсудимого. Секретарь

---

[543] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 31028. Л. 7–8об
[544] Там же. Л. 23.
[545] Там же. Л. 26; 30.
[546] Там же. Л. 31.

подробно фиксировал этапы процесса, от объявления состава и разъяснения прав до оглашения обвинения, допросов, прений и последнего слова обвиняемого. Документ, подписанный председателем и секретарем, создавал видимость полноценного состязательного разбирательства и резко отличался от формальных одностраничных приговоров «троек»[547].

Приговор также имел сложную структуру. Сначала его могли написать от руки, затем перепечатать начисто. Текст делили на три части, а именно вводную с формулой «именем Союза ССР», датой и составом суда, описательно мотивировочную с обстоятельствами и доказательствами и резолютивную с квалификацией и мерой наказания[548].

Примечательной особенностью дел 1939–1943 гг. является активное использование сопроводительных документов, обеспечивавших межведомственное взаимодействие. Если в период Большого террора 1937–1938 гг. решения «троек» часто были самодостаточными и требовали минимального документального сопровождения для исполнения, то в 1939–1943 гг. мы наблюдаем более сложную и формализованную систему[549]. Благодаря данному обстоятельству дела наполнялись разнообразными процессуальными документами, а анкеты и протоколы становились более детальными, что снова создавало видимость законности и правосудия.

По материалам архивных дел Московской области видно, что в период с 1929 по 1943 г. чаще всего преследовали за террористические высказывания против вождей партии[550], за помощь ранее осужденным по религиозной линии[551], за участие в оппозиционных религиозных группах[552], за пропаганду

---

[547] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 31028. Л. 33–35об.
[548] Там же. Л. 3637.
[549] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 38625. Л. 10.
[550] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-39972. Л. 2 ; Там же. Д. 26727. Л. 98–105 ; Там же. Д. П-45034. Л. 84–85 об.
[551] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 40969. Л. 197–199 об.
[552] Там же. Л. 1–6.

в пользу иностранных организаций[553], а также за антисемитские высказывания[554].

Анализ выносившихся приговоров позволяет выявить их прямую зависимость от внутриполитической ситуации и проводившихся политических кампаний. Как было показано нами ранее, в период 1929–1934 гг., совпадающий с коллективизацией, наиболее распространенными мерами наказания были высылка и заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года и освобождение с ограничением мест проживания. В период же 1937–1939 гг., когда проводилась операция «по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» чаще всего фигурирует высшая мера наказания – расстрел и заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. В 1939–1943 гг. приговоры снова начинают выноситься в более мягкой форме.

Завершая анализ судебно-следственных дел духовенства за 1918–1943 гг. стоит отметить, что в них, помимо процессуальных материалов, часто встречаются изъятые при обысках документы высокой исследовательской ценности: личные письма, проповеди, послужные списки, выписки из метрических книг, записные книжки, фотографии. Эти источники часто содержат биографические данные и сведения о жизни РПЦ и ее отношениях с государством.

Во вторую группу источников входят *учетно-статистические материалы*, имеющие особую важность для понимания механизмов репрессий советской власти против духовенства и верующих, в том числе в Московской губернии/области. Она включает в себя дела уездных избирательных комиссий, содержащие поименные списки лишенцев и отчетные материалы о выборах различного уровня, и материалы

---

[553] ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 42124. Л. 2.
[554] Там же. Л. 13–14 об.

перерегистрации религиозных обществ, содержащие поименные перечни членов церковных советов, «двадцаток» и служителей культа.

Документы о перерегистрации религиозных обществ, содержащие анкетные данные прихожан и служителей культа, являются ценным источником для изучения персонального состава церковных структур. Сопоставление этих сведений со списками «лишенцев» и судебно-следственными делами позволяет выявить прямую корреляцию: активное участие в приходской жизни часто предшествовало последующим репрессиям. Эту связь подтверждают и материалы уездных избирательных комиссий Московской губернии/области за 1918–1936 гг.[555], которые мы рассмотрим далее.

В качестве типового примера бюрократической процедуры избирательной кампании приведем дело о работе Воскресенской уездной избирательной комиссии за 1923 г. Первый комплекс документов в нем – итоговая отчетность для НКВД, включающая сводки по волостям с именными списками членов волисполкомов и председателей сельсоветов[556].

Другие материалы дела отражают организационную работу комиссии: от календарных планов и газетных вырезок до телефонограмм, демонстрирующих оперативное управление кампанией[557]. Ключевым идеологическим документом здесь является обращение к «рабочим и трудовым крестьянам», призывающее проявлять бдительность и не допускать в органы власти «социально чуждых элементов» – торговцев, кулаков, бывших чиновников и духовенство. Таким образом, репрессивная составляющая выборов заранее легитимировалась как волеизъявление народа[558].

Итоги кампании подводились на заседаниях уездной комиссии и оформлялись в виде протоколов. Именно в этих протоколах содержались

---

[555] Репрессивная практика лишения избирательных прав была отменена в декабре 1936 г. с принятием «Сталинской» Конституции.
[556] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 222. Л. 3–61.
[557] Там же. Л. 62–97.
[558] Там же. Л. 80.

списки лишенных избирательных прав, что придает им особую ценность как источнику[559]. Утвержденный перечень «лишенцев» вносился в унифицированную таблицу (форма № 1), где последовательно собирались компрометирующие сведения: ФИО, род занятий до и после революции и причина отстранения от выборов с формулировками «торговец», «служитель религиозного культа» или «церковный староста». Подписи председателя и секретаря превращали этот документ в официальный акт поражения в правах, копии которого направлялись в губернский избирком для сведения[560].

По данным за ноябрь 1923 г., в Воскресенском уезде доля лишенных по церковно-религиозному основанию составила в Кремневской волости 25% (14 из 56), в Лучинской – 8,1% (9 из 111), в Мамошинской – 18% (9 из 50). Разброс показателей указывает на неравномерное применение меры, вероятно, из-за различий в религиозной среде и подходах местных комиссий. После 1923 г. в Московской губернии доля выросла за счет включения членов приходских советов и достигла пика к середине 1920-х гг. С 1926 по 1928 г. последовал спад на волне восстановлений в правах, но до уровня 1923 г. она не опустилась. Принципы документального оформления в избирательных комиссиях заметных изменений не претерпели и сводились исключительно к ведомственным корректировкам.

Подводя итоги данного раздела, приведем примеры того, как регистрационные документы служили путевыми картами для выявления кандидатов на поражение в правах и судебно-следственное преследование. Материалы дела регента церковного хора И.А. Потапова наглядно демонстрируют нам указанную тенденцию. После внесения его в регистрационные списки как руководителя хора он был лишен избирательных прав, что было сразу же зафиксировано местными органами власти. Акт о лишении избирательных прав сразу же поставил его под особый контроль

[559] ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 222. Л. 100–109.
[560] Там же. Л. 113.

органов государственной безопасности, что и завершалось заведением следственного дела. В 1937 г. Потапов был осужден тройкой УНКВД на восемь лет лагерей[561]. Дело братьев Погодиных имеет схожие тенденции. Участие в церковном совете, отраженное в регистрационных документах Покровского храма села Боршева, стало поводом для проверки их хозяйства комиссией по выявлению хлебных излишков. Итоги проверки легли в основу постановления ОСО при Коллегии ОГПУ[562]. Таким образом, регистрационные документы, списки о лишении избирательных прав и следственные дела образуют единую цепь, которая отражает последовательность репрессивных мер в отношении церковного актива.

***

Анализ архивных материалов политических репрессий духовенства и мирян Московской губернии (области) в 1918–1943 гг. позволяет выделить две основные группы источников, различающиеся по назначению и информационному потенциалу.

Первая группа – судебно-следственная документация репрессивных органов. Эти материалы фиксировали процессуальное оформление репрессий и содержали сведения о биографии, деятельности и обвинениях в отношении духовенства и верующих.

Вторая группа – учетно-статистические материалы контрольно-регистрационного характера: поименные списки лишенных избирательных прав, составлявшиеся уездными избирательными комиссиями, и документы перерегистрации религиозных обществ с перечнями членов церковных советов, двадцаток и служителей культа. Данные источники обеспечивали персональный учет церковного актива и создавали документальную базу для последующих репрессивных мероприятий.

---

[561] ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-69063.
[562] Там же. Д. 46622.

Сопоставительный анализ обеих групп выявляет их взаимодополняемость в рамках единой системы репрессивного воздействия. Регистрационные списки религиозных обществ служили путевыми картами для полнения списков «лишенцев», а последние, в свою очередь, использовались органами государственной безопасности при формировании списков кандидатов на арест и заведении судебно-следственных дел.

Состав и структура документов существенно различаются на двух основных этапах репрессивной политики. *Первый этап* (1918–1934) характеризуется институциональным оформлением структуры репрессивных органов. На начальном этапе этого становления (1918–1922) документооборот отличался относительной неупорядоченностью и вариативностью формуляров. Судебная реформа 1922 г. и принятие новых Уголовно-процессуальных кодексов ознаменовали переход к систематизированному документированию: расширилась номенклатура процессуальных документов, были введены типографские бланки, детализированы анкеты и протоколы. Данные изменения придавали репрессивному процессу видимость законности через формальное соблюдение юридических процедур.

Второй этап (1934–1943) демонстрирует противоречивую динамику эволюции судебно-следственной документации. Интеграция ОГПУ в структуру НКВД (1934) привела к формализации документооборота, однако период Большого террора (1937–1938) ознаменовался радикальным упрощением процессуальных форм: следственные дела сокращались до 20–22 листов, постановления объединялись в единые бланки, протоколы допросов утрачивали детализацию. После завершения массовых репрессий (1939–1943) произошел возврат к объемным и детализированным делам с восстановлением процессуальной самостоятельности документов, введением трехчастных анкет и протоколов судебных заседаний, что создавало видимость полноценного состязательного разбирательства.

Сопоставление документальных материалов с динамикой государственно-церковной политики выявляет прямую связь между изменением курса и характером источников. Создание системы регистрации религиозных обществ (1918–1922) обеспечило формирование учетной базы церковного актива. Введение института лишения избирательных прав и ужесточение правового регулирования деятельности приходов (1922–1929) расширили документальные основания для репрессий. Постановление 1929 г. «О религиозных объединениях» закрепило унифицированные формы перерегистрации, превратив регистрационную документацию в инструмент выявления потенциальных объектов репрессивного воздействия. Массовые аресты 1937–1938 гг. отразились в резком упрощении судебно-следственного делопроизводства, тогда как изменение конфессиональной политики в 1939–1941 гг. привело к усложнению процессуальных форм и сокращению масштабов репрессий.

Глава 3. Формирование и систематизация историко-документального наследия взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

3.1. Документальные материалы органов управления Московской епархией в 1918–1943 гг.: характеристика и особенности формирования

Изучение архивных материалов органов управления Московской епархией в период с 1918 по 1943 г. представляет собой сложную исследовательскую задачу, обусловленную как спецификой исторического периода, так и сохранностью документальных комплексов. Рассматриваемый период характеризуется кардинальными изменениями в структуре епархиального управления, что нашло свое отражение в системе делопроизводства и составе создаваемой документации.

Формирование документации органов управления Московской епархией происходило в условиях реорганизации как внутренней системы церковного управления, так и механизмов государственного регулирования ее деятельности. В результате церковное имущество было национализировано, а над ключевыми направлениями церковной деятельности был установлен государственный контроль через специально созданные органы. Это привело к рассредоточению значительной части документации епархии по фондам органов советской власти, контролировавших ее деятельность. Поэтому материалы по истории Московской епархии исследуемого периода можно обнаружить в ГАРФ, РГИА, ЦГА Москвы, ЦГАМО, районных архивах, а также в нетипичных местах хранения: в фондах профсоюзных организаций и учреждений культуры, что связано с передачей закрытых церковных зданий различным организациям.

В настоящее время самостоятельные архивные фонды церковных учреждений Московской епархии советского периода практически

отсутствуют. Это следует рассматривать не как результат спонтанных утрат, а как институционально обусловленное следствие государственной политики, последовательно изменявшей режим существования и документооборота церковных структур.

Волна массовых закрытий храмов в 1929–1936 гг. закрепила разрыв институциональной преемственности. Документация ликвидируемых приходов редко передавалась на государственное хранение по правилам архивного комплектования. Чаще она рассеивалась по делам исполкомов, отделов по делам культов, правоохранительных и судебно-следственных органов или утрачивалась в результате хозяйственного использования и целенаправленного уничтожения. Благодаря этому вместо целостных приходских дел остались лишь фрагменты, встроенные в регистрационные списки, надзорные отчеты, сводные справки и следственные материалы, сформированные внешними по отношению к РПЦ инстанциями.

Документы Московской епархии 1918–1943 гг. представляют собой сложный источниковый комплекс, сформировавшийся в условиях кардинальных изменений церковно-государственных отношений и внутрицерковной жизни. По происхождению весь массив источников делится на два типа: 1) документы внутрицерковного происхождения; 2) документы, возникшие в результате церковно-государственного взаимодействия и отражающие церковную жизнь Московской епархии рассматриваемого периода.

Документы внутрицерковного происхождения можно условно разделить на четыре группы.

Первая группа – документация высших органов церковного управления. Она включает протоколы заседаний Священного Синода и Высшего Церковного Совета, деяния по различным вопросам церковной жизни, указы и распоряжения, направлявшиеся в Московский епархиальный совет для

практической реализации. Эти материалы формировали общецерковную нормативную базу.

Вторая группа – организационно-распорядительная документация Московского епархиального совета. В нее входят журналы регистрации входящей корреспонденции, комплексы документов о рукоположениях (протоколы церковно-приходских советов, допросы ставленников, присяжные листы, прошения кандидатов, ставленные грамоты), переписка по кадровым вопросам и формированию органов приходского управления, материалы по награждению духовенства (послужные списки, протоколы благочинных советов, сводные списки награждаемых), материалы о назначениях, перемещениях и увольнениях священнослужителей (прошения духовенства, выписки из протоколов общих собраний верующих, указы об утверждении), а также документы о повторных браках и о возвращении из обновленчества в Патриаршую Церковь. К этой же группе относятся циркуляры епархиального управления 1927–1934 гг., регламентирующие богослужебную практику, кадровый учет, отношения с государственными органами и хозяйственно-финансовую деятельность.

Третья группа – учетно-статистическая документация благочиний и приходов Московской епархии. К ней относятся клировые ведомости храмов Московской епархии с подробными сведениями о церквах, причтах и прихожанах и послужные списки священно- и церковнослужителей с членами их семей за 1920–1924 гг.

Четвретая группа – материалы о положении приходов Московской епархии и взаимоотношениях епархиального управления с государственными органами власти. В эту группу входят протоколы приходских собраний и заседаний церковных советов, внутренняя переписка причта и прихожан (прошения, заявления, рапорты), заявления в органы власти о согласовании собраний. Особое место среди них занимают документы об арестах и об освобождении священнослужителей, сохранившиеся в фонде 831 РГИА.

Как было показано в § 1.3, в 1918 г. в соответствии с постановлениями Поместного Собора 1917–1918 гг. на смену духовной консистории пришел новый орган – Московский епархиальный совет. Данное структурное преобразование повлекло за собой изменения в административной церковной работе и видовом составе создаваемых документов.

Система документооборота духовных консисторий, сложившаяся в дореволюционный период, предполагала распределение материалов по четырем столам в соответствии с тематикой рассматриваемых вопросов. Первый стол занимался вероисповедными делами, миссионерством, религиозным образованием и награждением духовенства. Второй стол ведал организационными вопросами — переводами клириков, открытием новых приходов, назначениями на должности. Третий стол специализировался на семейно-брачных делах православного населения. Четвертый стол отвечал за хозяйственные вопросы и финансовую документацию. Такая структура обеспечивала систематизацию документооборота и облегчала поиск необходимых материалов [563].

Делопроизводственная документация Московской духовной консистории (до середины 1918 г.) в настоящее время хранится в Центральном государственном архиве города Москвы в фонде № 203. Ее состав типичен для данного учреждения и включает журналы заседаний, журналы исходящей корреспонденции, материалы по личному составу епархиального духовенства (в том числе дела о священно- и церковнослужителях), дела по приходскому управлению и духовно-учебным учреждениям, а также текущую переписку по различным вопросам. Сопоставление описей с аннотацией фонда позволяет сделать вывод о сохранении регулярности учета и форм канцелярской работы вплоть до момента передачи полномочий новому епархиальному органу управления. Вместе с тем аннотация фонда и примечания к описям фиксируют пробелы за 1917–1918 гг. Документы заключительного периода

[563] Московские церковные ведомости. 1918. № 12. С. 1.

существования Московской духовной консистории полностью не сохранились, что осложняет реконструкцию периода передачи дел от старого органа новому.

Материалы текущей деятельности Московского епархиального совета, сменившего Московскую духовную консисторию, сосредоточены в делах фонда № 831 РГИА. Вертикаль церковного управления здесь хорошо прослеживается через анализ формуляров документов на разных уровнях иерархии, что позволяет восстановить логику движения документов от центра к периферии.

Высшую ступень церковной иерархии занимали Патриарх Московский и всея Руси, Священный Синод и Высший Церковный Совет. Эти органы формировали общецерковную нормативную базу и инициировали документооборот на всех уровнях церковного управления. Их деяния и постановления служили основой для последующей работы исполнительных структур Патриархии, прежде всего Московского епархиального совета.

Компетенция Священного Синода охватывала широкий круг церковных дел от докладов епархиальных архиереев и лишения сана до утверждения богослужебных текстов, разрешения сложных брачных споров и рассмотрения прошений мирян. Это разнообразие требовало унификации порядка работы с документами и сопровождалось изменениями в оформлении протоколов[564].

На начальном этапе протоколы заседаний Синода имели следующую структуру. В заголовке указывалось «Святейший Патриарх и Священный Синод Православной Российской Церкви», затем фиксировалась дата заседания и состав присутствующих. Основной текст протокола оформлялся в виде двух колонок, где слева излагались дела, а справа указывались принятые решения. К примеру, в Протоколе заседания от 18 апреля 1918 г., состоявшегося под председательством патриарха Тихона, в перечень рассматриваемых дел был внесен вопрос о разрешении к печати и

[564] РГИА. Ф. 831. Д. 1.

литургическому употреблению акафиста святому благоверному князю Даниилу, составленного епископом Волоколамским Феодором. Было принято решение означенный акафист разрешить к напечатанию и благословить к употреблению при богослужениях, о чем Преосвященному Феодору послать Указ.[565] Документ завершали собственноручные подписи участников заседания, управляющего канцелярией и делопроизводителя[566].

Начиная с 1919 г. произошли изменения в процедуре оформления протокольных решений Синода. Вначале шел бланк с аналогичным заголовком и перечислением участников заседания. Затем следовал текст следующего содержания: «Рассмотрены были и получили разрешения дела, означенные в прилагаемом при сем реестре, и по ним состоялись постановления, особые по каждому делу». После этого следовали собственноручные подписи участников заседания, управляющего канцелярией и делопроизводителя[567]. В прилагаемом реестре указывался перечень дел, подлежащих докладу Священного Синода, с указанием докладчиков и подписями участников карандашом от руки[568].

Утвержденные решения облекались в форму указов и распоряжений, которые рассылались в епархиальные советы для практической реализации. Такой порядок обеспечивал последовательное проведение воли высших церковных органов через всю систему управления.

Статистика документооборота за 1918 г. наглядно демонстрирует масштаб деятельности высшего церковного руководства. Было принято более двух тысяч постановлений, регулирующих различные аспекты церковной жизни. На долю Священного Синода пришлось около 1323 постановлений, из которых 712 касались расторжения браков. Высший Церковный Совет принял не менее 386 решений, в результате совместных заседаний обоих органов

---

[565] РГИА. Ф. 831. Д. 1. Л. 15–15 об; 38 об.
[566] Там же. Л. 38 об.
[567] Там же. Л. 42.
[568] Там же. Л. 43-43об.

появились 488 постановлений. В феврале–июле часть документов оформлялась как деяния, объединявшие определения по нескольким вопросам одновременно. Примечательно, что даже после революционных изменений в семейном законодательстве бракоразводные дела составляли треть от общего числа постановлений и более половины от решений Синода. Содержательный анализ всего массива принятых решений представляет интерес для дальнейших исследований.

На основании директив органов Высшего Церковного Управления в епархиях издавались циркуляры для благочинных и приходов. К примеру, 25 сентября 1918 г. на совместном заседании Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета было заслушано «Определение об учреждении новых епархий и викариатств», принятое Священным Собором 8 августа того же года. В постановлении указывалось о необходимости епархиальным преосвященным сообщить о принятом решении циркулярным указом, что, с большой долей вероятности, и было сделано Московским епархиальным советом[569].

Важными источниками по реконструкции организационно-распорядительной документации Московского епархиального совета служат «Журнал входящих бумаг по Владимирской епархии» и «Журнал входящих бумаг Московского епархиального управления». Показательно, что в «Журнале входящих бумаг по Владимирской епархии» в качестве исполнителя по ряду вопросов указан Московский епархиальный совет, что делает этот документ также важным источником по исследуемой теме.[570]

Регистрация в епархиальных советах велась по правилам, утвержденным в 1918 г. Эта система обеспечивала контроль за движением бумаг и сроками исполнения, а также укрепляла управленческую дисциплину на всех уровнях церковной иерархии. Записи в указанных журналах разбиты на шесть

[569] РГИА. Ф. 831. Д. 39. Л. 3-4.
[570] РГИА. Ф. 831. Д. 284-285.

столбцов с указанием номера входящих бумаг, числа, месяца, порядкового номера исполнения, содержания и резолюций. Текст выполнен от руки, после каждой резолюции указана подпись епархиального архиерея[571].

Анализ информации, содержащейся в представленных журналах, позволяет выявить основной перечень вопросов, рассматривавшихся Московским епархиальным советом. К ним относились рукоположение в священный сан, перемещения священно-церковнослужителей и представление к очередным церковно-иерархическим наградам. Эти направления деятельности напрямую соотносятся с функциями, возложенными на Московский епархиальный совет согласно структуре, описанной в § 1.3. Каждое из указанных направлений сопровождалось соотвтетсвующей перепиской, что позволяет восстановить перечень документов, готовившихся по каждому вопросу, их форму и порядок прохождения по инстанциям.

Перечень материалов, оформлявшихся при рукоположении в священнический сан, сосредоточен в делах № 269–270 фонда 831 РГИА. Их анализ позволяет установить состав документации и последовательность подготовки кандидатов к хиротонии.

Для утверждения в должности чтеца, как правило, достаточно было ходатайства церковно-приходского совета на имя епархиального архиерея. Так, 23 февраля 1924 г. на имя епископа Богородского Платона (Руднева) было направлено прошение церковно-приходского совета и настоятеля Богородицерождественского храма г. Орехово-Зуева о посвящении «исполняющего должность псаломщика» Ивана Петровича Воскресенского «в стихарь». Прошение содержит его положительную характеристику, заверено подписями председателя приходской общины, ее секретаря, настоятеля храма и официальной печатью. Текст прошения выполнен на обычном листе бумаге,

[571] РГИА. Ф. 831. Д. 284-285.

написан от руки[572]. Резолюция епископа от 3 марта предписывала ходатайствовать не о благословении на ношение стихаря за богослужением, а об утверждении означенного лица в должности псаломщика[573]. После повторного обращения 16 марта[574] с учетом сделанного архиереем замечания последовала резолюция о выдаче ставленной грамоты № 356[575]. Этот пример иллюстрирует минимальный объем документации, необходимой для утверждения в низшей церковной должности

Подготовка к рукоположению в диаконский сан требовала оформления более обширного пакета документов. Процедура начиналась с общего собрания церковно-приходского совета, результаты которого заносились в протокол. Так, протокол заседания совета Спасской церкви села Торбеева от 2 апреля 1924 г., помимо списка участников, включал повестку дня, одним из ключевых пунктов которой было обсуждение служебной деятельности псаломщика И.И. Петухова. Документ включал два раздела: «слушали» и «постановили». По итогам обсуждения совет постановил ходатайствовать перед благочинническим советом о рукоположении Петухова в диаконский сан. На обороте протокола имеется виза заместителя благочинного от 10 марта 1924 г., подтверждающая поддержку ходатайства приходского собрания[576].

Следующим документом был «Допрос ставленнику перед рукоположением во диакона» – типографский бланк установленного образца, заполненный от руки. Он включал вводную часть с указанием даты заполнения, ФИО кандидата на рукоположение, архиерея, утвердившего хиротонию, и резолюцию о месте будущего служения ставленника. Вторая часть содержала сведения о дате и месте рождения, социальном происхождении, наличии или отсутствии судимости и телесных увечий. Там же подтверждалось, что ставленник женат первым браком на девушке

---

[572] РГИА. Ф. 831. Д. 270. Л. 43–43 об.
[573] Там же. Л. 43.
[574] Там же. Л. 44.
[575] Там же. Л. 43
[576] Там же. Л. 70–70 об

православного вероисповедания. Затем следовал текст о его готовности служить в диаконском сане в соответствии с канонами Церкви. Внизу ставилась подпись[577].

Присяжный лист, идущий после «Допроса», представлял собой типографский бланк с напечатанным текстом, в котором фиксировались обязательства неукоснительно следовать церковным правилам, совершать богослужения по уставу, оберегать паству от ересей и вести благочестивую жизнь. Внизу карандашом делалась отметка о прохождении исповеди и приведении ставленника к присяге с указанием даты и подписью духовника[578].

Указанный комплект документов сопровождался прошением ставленника с регистрационным номером епархиальной канцелярии[579]. На обороте указывались дата и место хиротонии. Так, на прошении псаломщика Ивана Петухова отмечено, что 13 апреля 1924 г. в Покровской церкви на Большой Ордынке архиепископ Звенигородский Николай совершил его диаконскую хиротонию. Документ скреплялся собственноручной подписью архиерея и содержал номер ставленной грамоты с подписью новорукоположенного о получении[580].

Пакет документов для рукоположения в сан священника оформлялся аналогично. В деле о хиротонии диакона Николаевской Погоста Пяти Крестов церкви Коломенского уезда Павла Никольского вначале идет прошение прихожан Патриарху Тихону о его рукоположении вследствие смерти прежнего священника[581]. К прошению приложено удостоверение за подписью благочинного 5-го округа Коломенского уезда протоиерея Н. Лебедева, скрепленное печатью благочиния[582].

---

[577] РГИА. Ф. 831. Д. 270. Л. 68.
[578] Там же. Л. 69.
[579] Там же. Л. 67.
[580] Там же. Л. 67об.
[581] Там же. Л. 58–58 об.
[582] Там же. Л. 59.

Затем следуют «Допрос ставленнику перед рукоположением во священника»[583] (по структуре аналогичный диаконскому) и «Присяжный лист». Хотя последний оформлен сходным образом, он существенно отличается по содержанию от диаконской присяги. В силу специфики иерейского служения текст обязывает священника не только содействовать в богослужении, но самостоятельно совершать таинства, активно преподавать учение веры, нести полную пастырскую ответственность за вверенных ему людей, охраняя их от «ересей и расколов», и личным примером руководить других к благочестию[584].

Весь комплект материалов сопровождался прошением диакона Павла Никольского[585]. На отдельном листе указывались место хиротонии и подпись совершившего ее архиерея, а также свидетельство о получении ставленной грамоты[586].

Проведенный анализ позволяет воссоздать состав документов, сопровождавших рукоположение. Так, для утверждения в должности чтеца было достаточно ходатайства приходской общины и резолюции епархиального архиерея. Хиротония же во диакона требовала наличия протокола церковно-приходского совета, письменного согласования благочинного, заполнения «Допроса ставленнику» и присяжного листа, заверенного подписью духовника. Рукоположение во священника оформлялось по той же схеме с учетом специфики иерейского служения.

Указанный комплект документов отражает ясную административно-церковную вертикаль. Инициатива исходила от приходской общины и настоятеля, а благочинный выносил заключение о целесообразности хиротонии. Окончательное решение принадлежало епархиальному архиерею,

---

583 РГИА. Ф. 831. Д. 270. Л. б/н.
584 Там же. Л. 57.
585 Там же. Л. б/н.
586 Там же. Л. 56.

утверждавшему кандидатуру резолюцией, совершавшему хиротонию и выдававшему ставленную грамоту.

Кроме того, представленные материалы отличаются единообразием оформления. Для допросов и присяг использовались типографские бланки установленного образца; документы подлежали регистрации с присвоением входящих номеров. На оборотной стороне прошений фиксировались сведения о совершенной хиротонии (дата, место, имя архиерея, номер ставленной грамоты). Все акты удостоверялись подписями уполномоченных лиц и печатями соответствующих церковных инстанций. Такая система обеспечивала канонический надзор и юридическую достоверность рукоположения.

Одним из важнейших направлений деятельности Московского епархиального совета в начале 1920-х гг. стало утверждение назначений и переводов духовенства и церковнослужителей. Изучение архивных материалов позволяет реконструировать механизм принятия решений и проследить взаимодействие между приходскими общинами и епархиальной властью в условиях новой правовой реальности.

Показательным примером работы этого механизма служит история рукоположения диакона Алексия Нарциссова из Иоанно-Предтеченской церкви села Дьякова Московского уезда. 1 июля 1923 г. он обратился с собственноручно написанным прошением к архиепископу Верейскому Иларию, прося определить его на вакантную должность священника при Христорождественском соборе города Вереи[587]. Через полтора месяца, 13 августа, архиепископ Иларион наложил резолюцию: «на усмотрение приходского совета»[588]. В ответ приходской совет направил выписку с просьбой рукоположить диакона Алексия на место умершего священника Аркадия Орлова. Документ был подписан председателем церковно-

[587] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 51.
[588] Там же.

приходского совета протоиереем Николаем Смирновым и членами совета, заверен печатью и датирован 15 августа 1923 г. Получив согласие общины, архиепископ Иларион поставил резолюцию: «Согласен. К допросу»[589]. После этого начался процесс рукоположения. На прошении ставленника сохранилась приписка: «ставленную грамоту за № 4 от 25 августа 1923 г. получил. Священник А. Нарциссов»[590].

Данная переписка имеет принципиальное значение для понимания механизма назначений духовенства. Она демонстрирует, что решающая роль в окончательном решении о рукоположении и назначении священника принадлежала общему собранию приходской общины. После рукоположения священнослужитель фактически поступал в распоряжение прихода, и впредь именно постановления этого органа определяли его перемещения.

Анализ дел о назначении, перемещении и увольнении настоятелей, священников, диаконов и псаломщиков позволяет выявить типовой комплекс документов, сопровождавших эти процедуры. В него входили прошение священнослужителя на имя епархиального архиерея, выписка из протокола общего собрания верующих и указ епархиального управления об утверждении.

Рассмотрим этот стандартный набор документов на конкретном примере. Священник Петр Соколов 13 декабря 1923 г. подал в Московский епархиальный совет при Святейшем Патриархе прошение с указанием на избрание его общим собранием верующих села Знаменского Звенигородского уезда на освободившуюся вакансию священника при Знаменской церкви. Он просил утвердить его на означенной должности и выдать соответствующий указ. Прошение было написано от руки на обычном листе бумаги, слева проставлен входящий номер № 938/VIII от 28 декабря 1923 г. Вверху помещена резолюция епископа Николая об утверждении Петра Соколова на

---

[589] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 56.
[590] Там же. Л. 51.

штатную должность священника к Знаменской церкви. Слева от резолюции отмечены два номера, один из которых, возможно, соответствовал номеру указа о назначении[591].

Выписка из протокола № 41 общего собрания верующих была составлена от руки, датирована 17 июня 1923 г. и подписана председателем М.В. Живаревым и секретарем А. Н. Бовиным. В повестку был включен вопрос о кандидатуре священника Петра Ильича Соколова в настоятели Знаменской церкви. После переговоров с ним и обсуждения вопроса собрание единогласно постановило принять его в настоятели. Особый интерес представляет тот факт, что в протокол были внесены условия содержания: «пол пуда хлеба за один месяц, 4 картофеля и 1 капусты с едока, помещение в церковном доме». Документ скреплен подписями председателя, секретаря и присутствовавших верующих. Удостоверительная надпись «Выписка из протокольной книги верна» была подтверждена подписями председателя и секретаря церковно-приходского совета, внизу проставлены печать приходского совета и дата 26 декабря 1923 г.[592]

Указ об утверждении имел четко установленную структуру. Это хорошо видно из документа, адресованного исполняющему должность псаломщика Спасской церкви села Ислявского Звенигородского уезда Феодору Добровольскому. Текст начинался обращением к адресату, далее следовало уведомление: «Московский Епархиальный при Святейшем Патриархе Совет уведомляет Вас, что Вы утверждаетесь в должности штатного псаломщика Спасской церкви села Ислявского Звенигородского уезда». Адресату предписывалось поставить в известность местного благочинного. Указ был подписан членом Московского епархиального совета протоиереем В. Воробьевым и исполняющим должность секретаря священником Петром, в нижнем левом углу указан № 97 от 25 января 1924 г.[593]

---

[591] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 176.
[592] Там же. Л. 177.
[593] Там же. Л. 194.

В зависимости от обстоятельств базовый комплекс документов дополнялся специфическими материалами. Приглашение могло исходить от настоятельницы монастыря. Так, 13 августа 1923 г. игумения Сергиево-Дубровского женского монастыря Макария с сестрами и прихожанами обратилась с прошением к архиепископу Верейскому Илариону. Поводом послужила вакансия, образовавшаяся 9 мая после выбытия монастырского священника Ивана Александровича Пшеничникова. Община просила утвердить священника Алексея Владимировича Сапогова 58 лет, который начал служение 23 октября 1911 г. и был рукоположен митрополитом Московским Владимиром ко храму преподобного Сергия в этой обители. В прошении содержалась подробная характеристика кандидата. Документ был представлен на официальном бланке, написан от руки, подписан игуменьей Макарией, казначеей, ризничей и секретарем, скреплен печатью монастыря. К прошению прилагались копии документов и послужной список священника[594].

Сам священник Алексий Сапогов подал собственное прошение на имя архиепископа Илариона с просьбой походатайствовать перед Святейшим Патриархом об утверждении его в должности настоятеля означенного прихода. Прошение было написано от руки на обычном листе, подписано собственноручно и скреплено личной печатью священника с указанием даты[595].

Дело было рассмотрено положительно. 29 мая 1923 г. был издан указ о назначении. Бланк заполнен от руки, слева изображен крест и даже наименование учреждения – «Московское епархиальное управление». Затем проставлены дата и номер № 1080, дан адрес «Троицкое подворье». В заголовке указан адресат: «Коломенского уезда Покровской села Маринского церкви священнику Алексию Сапогову». В правом верхнем углу помещена отметка «Копия». Текст гласил: «Московский епархиальный совет сим дает

[594] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 37-37об.
[595] Там же. Л. 36.

Вам знать, что вы, епархиальным начальством, от 25 мая с/г за № 58 согласно Вашего прошения и согласно настоятельницы с сестрами Сергиево-Дубровского женского монастыря Можайского уезда, переведены на священническое место при храме означенного Сергиево-Дубровского монастыря о чем Вы и поставлены в известность для представления сего кому следует». Документ был подписан членом Московского епархиального совета протоиереем Н. Виноградовым, управляющим делами протоиереем Соловьевым и секретарем Д. Касьяновым. Далее следовала приписка: «Отношение Московского епархиального управления на обороте сего Благочинному явлено и зарегистрировано 18 июля сего 1923 года под № 7», за подписью благочинного 2-го округа бывшего Верейского уезда священника Н. Лебедева. Копия была заверена печатью Свято-Дубровского женского монастыря, удостоверительной надписью «с подлинным верно», подписью настоятельницы монастыря игумении Макарии и секретаря Олега Степанова. Документ датирован 19 июля 1923 г.[596]

Открытие новой штатной должности также требовало соответствующей процедуры. Протоиерей Успенской церкви села Семеновского Серпуховского уезда Николай Любимов 28 октября 1923 г. направил прошение архиепископу Московскому Илариону. Он указывал на прилагаемый протокол общего собрания прихожан Князь-Владимирской церкви села Семеновского с ходатайством церковного совета, причта и прихожан об открытии при означенном храме второго священнического места. Протоиерей просил, если архиерею благоугодно удовлетворить единодушное ходатайство 2000 душ мужеского и женского пола, представить означенное штатное священническое место ему как избраннику прихожан и причта. К прошению прилагался протокол общего собрания прихожан церкви с подписями председателя, секретаря, членов приходского совета, прихожан, причта и церковного старосты. Документ был составлен по стандартной схеме: дата, председатель,

[596] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 35.

члены, слушали, постановили. На прошении протоиерея Николая Любимова проставлен регистрационный номер, текст выполнен от руки. Вверху помещена резолюция епископа Серпуховского Алексия об удовлетворении назначения[597].

Приходские общины могли также инициировать восстановление незаконно уволенного священника. 13 сентября 1923 г. группа прихожан Тихвинской церкви города Богородска составила заявление благочинному с просьбой рассмотреть вопрос о несправедливом снятии с должности настоятеля священника Дмитрия Смиренского. В заявлении указывалось, что в протоколе общего собрания прихожан был обозначен вопрос о священнослужителях и церковнослужителях храма, но конкретика не отмечена. Прихожане напоминали о должном порядке: сначала вопрос должен обсуждаться церковно-приходским советом, затем выноситься на общее собрание прихожан храма, и лишь потом по указанию архиерея должно быть принято решение. Ничего из перечисленного сделано не было. Текст был написан от руки и заверен подписями прихожан[598]. Не дожидаясь ответа благочинного, община направила письменное обращение на имя Святейшего Патриарха. Вверху прошения помещена резолюция архиепископа Илариона от 17 сентября 1923 г.: «Впредь до окончательного выяснения вопроса о священнике Смиренском разрешается ему исполнять должность настоятеля храма»[599].

Решающая роль церковно-приходской общины в кадровых вопросах подтверждается перепиской председателя общины Предтеченской церкви села Ярополова Волоколамского уезда. Он направил архиепископу Московскому Илариону письмо с просьбой не утверждать в должности настоятеля храма отца Михаила Христофорова, который планировал прибыть за утверждением. Московский епархиальный совет направил общине ответное письмо с

[597] РГИА. Ф. 831. Д. 231. Л. 263–264.
[598] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 76–79.
[599] Там же. Л. 75.

разъяснением: «согласно законоположений, действующих в РСФСР, приходским общинам предоставляется право назначения, а следовательно, и увольнения священнослужителей, которые не удовлетворяют предъявляемым к ним общим требованиям»[600].

Изученный блок документов Московского епархиального совета позволяет сделать ряд важных наблюдений относительно практики назначения и перемещения духовенства. В рамках данного направления деятельности епархиальное управление рассматривало следующий круг вопросов: рукоположение кандидатов в священный сан, назначение священнослужителей на вакантные должности, перемещение клириков с одного прихода на другой, открытие новых штатных должностей, восстановление незаконно уволенных священнослужителей и увольнение клириков по требованию общины.

Документальное оформление этих процедур варьировалось в зависимости от конкретной ситуации. Базовый набор документов включал прошение священнослужителя на имя епархиального архиерея, выписку из протокола общего собрания верующих с постановлением о приглашении кандидата и указ епархиального управления об утверждении. При назначении в монастырь дополнительно требовалось прошение настоятельницы с подробной характеристикой кандидата и его послужным списком. Для восстановления незаконно уволенного священника составлялось коллективное заявление прихожан с обоснованием нарушений процедуры. При открытии новой штатной должности к стандартному комплексу прилагался протокол общего собрания с обоснованием необходимости расширения штата.

Вертикаль документооборота выглядела следующим образом. Восходящий документопоток шел от приходской общины через благочинного к епархиальному архиерею. Община принимала решение на общем собрании,

---

[600] РГИА. Ф. 831. Д. 230. Л. 188-190.

оформляла протокол и направляла его вместе с прошением кандидата в епархиальное управление. Нисходящий документопоток начинался с резолюции архиерея, на основании которой Епархиальный совет издавал указ о назначении. Указ направлялся священнослужителю с предписанием поставить в известность благочинного, который регистрировал документ и осуществлял контроль за его исполнением. При этом решающая роль в кадровых вопросах принадлежала приходской общине, что отражало новую реальность церковно-государственных отношений в условиях советского законодательства о религиозных объединениях.

Процедура награждения священнослужителей Московской епархии в период после революции сохранила основные черты дореволюционной системы, несмотря на существенные изменения в общественно-политической обстановке. Награждение осуществлялось по двум основным направлениям. Первое предполагало подачу личного ходатайства в любое время года, что являлось исключительной практикой. Второе, наиболее распространенное, предусматривало массовое представление к наградам дважды в год к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи.

В случае индивидуального ходатайства дело ограничивалось минимальным набором материалов. Благочинный направлял в епархиальные органы прошение произвольной формы с приложением послужного списка кандидата. Характерным примером служит обращение протоиерея Иосифа Введенского, благочинного третьего округа первого отделения Подольского уезда. Документ был выполнен от руки на обычном листе бумаги и содержал просьбу о возведении священника Владимира в сан протоиерея за усердное служение. Лаконичность формулировок и простота оформления свидетельствуют о допустимости свободного изложения при индивидуальных ходатайствах[601].

[601] РГИА. Ф. 831. Д. 238. Л. 50.

Массовое награждение требовало более сложного документооборота. Комплекс материалов состоял из трех основных компонентов. Первым элементом являлось обращение благочинного в Московский епархиальный совет. Вторым обязательным документом выступала выписка из протокола заседания благочиннического совета, подтверждавшая коллегиальность принятого решения. Третьим компонентом служили послужные списки представляемых к награждению лиц.

Анализ архивных материалов позволяет детально реконструировать документационные процессы на приходском и благочинническом уровнях. Прошение церковного совета Христорождественской церкви села Подушкино Московского уезда демонстрирует многоступенчатость процедуры. Инициатива исходила от приходского собрания, постановление которого от 4 июля 1921 г. обязывало церковный совет ходатайствовать о награждении священника Василия Орлова наперсным крестом. Документ содержит важные сведения о нарушении обычного порядка делопроизводства в период церковного кризиса 1922 г. Текст прошения выполнен от руки на простом листе и заверен подписями церковного старосты и членов совета. Примечательно наличие двух дополнительных удостоверительных записей. Председатель сельского совета своей подписью и печатью подтвердил подлинность обращения, что отражает взаимодействие церковных и советских органов. Благочинный четвертого округа Звенигородского уезда священник Александр Скворцов собственноручно засвидетельствовал отсутствие препятствий к награждению. Резолюция епархиального чиновника с пометкой «несвоевременно» указывает на отклонение ходатайства[602].

Обращение благочинного второго округа первого отделения священника Димитрия Введенского к Патриарху Тихону раскрывает особенности документооборота в условиях временного восстановления церковного делопроизводства. Датированное 22 августа 1923 г. прошение

[602] РГИА. Ф. 831. Д. 238. Л. 4–4об.

объясняет причины приостановки награждений в предшествующий период. Благочиннический совет на заседании 30 марта 1923 г. принял решение отложить представление к наградам до стабилизации обстановки. Возвращение Патриарха к руководству епархией стало основанием для возобновления процедуры. Документ сопровождался копией протокола заседания благочиннического совета от 20 августа 1923 г. и десятью экземплярами клировых ведомостей. Канцелярская отметка о регистрации свидетельствует о включении обращения в общий документооборот епархиального управления[603].

Протокол благочиннического совета представлял собой обязательный элемент делопроизводства. Документ содержал порядковый номер, дату заседания, перечень присутствовавших членов и формулировку принятого решения. Копия протокола заверялась подписью председателя, членов совета и скреплялась печатью благочиннического совета. Нумерация исходящего документа и указание даты его принятия свидетельствуют о ведении регистрационного учета[604].

Послужной список представлял собой центральный элемент наградного производства. Документ оформлялся преимущественно от руки по установленному формуляру. В московских городских благочиниях допускалось использование типографских бланков с рукописным заполнением граф. Структура послужного списка включала систему взаимосвязанных сведений. Первая графа содержала основные персональные данные: сан, имя, отчество, фамилию, место рождения и перечень полученных наград. Последующие графы фиксировали социальное происхождение, наличие недвижимого имущества, сведения об образовании и служебной карьере. Отдельные графы отводились для хронологического учета периодов обучения и службы по годам, месяцам и дням. Обязательными элементами

---

[603] РГИА. Ф. 831. Д. 238. Л. 7–7об.
[604] Там же. Л. 8–8об.

являлись сведения о привлечении к ответственности, пребывании за штатом и характеристика от благочинного. Документ заверялся личной подписью и печатью благочинного с указанием даты составления[605].

По результатам рассмотрения представленных материалов Московский епархиальный совет формировал сводный список награждаемых священнослужителей. Документ имел табличную структуру из семи граф. Последовательно указывались порядковый номер, сан и место службы, личные данные, уровень образования, продолжительность церковного служения, время получения предыдущей награды и основания для ходатайства. Завершающая графа содержала решение епархиальной власти в виде формулировки «удостоить» или «отложить». Внутренняя структура списка предусматривала группировку награждаемых по видам церковных отличий: «крест с украшениями», «набедренник» и т.д.[606]

Утверждение наградного списка завершалось подготовкой индивидуальных уведомлений. Епархиальный совет направлял каждому награжденному священнослужителю официальное извещение о принятом решении[607].

Исследование документационного сопровождения наградной практики в Московской епархии позволяет заключить, что сложившийся порядок сохранял иерархическую модель дореволюционного периода с четким разграничением уровней принятия решений. Инициатива, как правило, исходила от приходского собрания или церковного совета, что соответствовало принципу соборности церковного управления. На благочинническом уровне проверялась обоснованность ходатайств и подготавливались сводные материалы. Епархиальный совет, рассмотрев представленные материалы, принимал окончательное решение.

---

[605] РГИА. Ф. 831. Д. 238. Л. 48–49; 130–135.
[606] РГИА. Ф. 831. Д. 238. Л. 207–210 ; РГИА. Ф. 831. Д. 239. Л. 50.
[607] РГИА. Ф. 831. Д. 239. Л. 23.

К числу материалов, рассматривавшихся Московским епархиальным советом в исследуемый период, относятся и прошения 1923–1924 гг. о возвращении из обновленчества в Патриаршую Церковь. Их направляли приходские советы и духовенство на имя Святейшего Патриарха, Московского епархиального совета и архиепископа Илариона (Троицкого). Как показано в разделе 1.2, процесс возвращения приходов из обновленчества был массовым явлением, в результате чего к осени 1923 г. количество обновленческих приходов в Московской губернии составляло всего 10–20%. По содержанию корпус этих документов делится на четыре условные группы.

Первая группа включает личные письма священников, объяснявших переход к обновленцам обещаниями наград и епископских хиротоний. Ко второй относятся обращения клириков, поддержавших реформаторов в условиях конфликта с общиной, не признавшей новую иерархию. Третью группу образуют краткие коллективные заявления причта и приходских советов с просьбой принять приход под Патриаршее окормление без указания причин ухода к обновленцам. Четвертая представлена прошениями, в которых духовенство и миряне подтверждали, что община не участвовала в обновленческом движении и не признавала его власть, несмотря на внешнее давление. В оформлении и прохождении этих бумаг, как правило, соблюдался обычный для канцелярии порядок: большинство прошений выполнено от руки в свободной форме, имеют регистрационный номер канцелярии и собственноручную резолюцию архиепископа Илариона «в канцелярию Московского епархиального совета»[608].

Отдельный пласт источников – это учетно-статистические документы, которые из благочиний и приходов регулярно направляли в Московский епархиальный совет. Среди них особенно выделяются клировые ведомости храмов Московской епархии и послужные списки церковно- и священнослужителей.

---

[608] РГИА. Ф. 831. Д. 197.

Изучение документов фонда 831 РГИА[609] позволяет предположить, что сведения о приходах и их духовенстве собирались епархиальным советом ежегодно и систематизировались по благочиннническим округам. При этом данные о храмах благочиния (клировые ведомости) и послужные списки духовенства того же благочиния оформлялись в два самостоятельных дела и хранились раздельно, что облегчало их практическое использование.

Показателен пример дела «Послужные списки священно-церковнослужителей 3-го благочиннического округа Дмитровского уезда Московской епархии за 1923 год». На первой странице помещено оглавление с перечнем храмов данного благочиния и указанием страниц, на которых находятся сведения по каждому из них. Переходя к нужному храму, исследователь получает в одном месте информацию об адресе храма, служащем в нем духовенстве и членах семей духовенства.

Далее следует собственно послужной список, как правило выполненный на типографском бланке, по форме близкой к документам, составлявшимся при награждении священнослужителей. Один бланк включал данные сразу обо всех членах причта - священнике, диаконе и псаломщике. Документ заверялся их подписями и подписью благочинного[610].

Клировые ведомости объединялись в сводные списки по каждому благочинию. Так, «Клировые ведомости о церквах и священно-церковнослужителях по 4-му округу Бронницкого уезда Московской епархии за 1923 год» представляют собой единое дело, включающее сведения по всем приходам данного округа. В начале дела помещено оглавление с перечнем храмов, расположенных на его территории. Далее по каждому храму последовательно приводятся три раздела: ведомость о церкви, ведомость о причте и ведомость о прихожанах.

---

[609] РГИА. Ф. 831. Д. 189; 232–237.
[610] РГИА. Ф. 831. Д. 232. Л. 53–93.

Ведомость о церкви содержит данные о времени строительства храма, материале постройки (деревянная или каменная), количестве престолов и посвящении каждого из них. Указывается обеспеченность храма богослужебной утварью, положенное по штату число священно- и церковнослужителей, а также местоположение церкви: расстояние от Москвы, ближайшие приходы, наличие приписных зданий. Отражается состояние делопроизводства: наличие полного комплекта «книг до церковного круга подлежащих», передача метрических книг в местный волостной совет, сведения о церковном старосте[611].

Ведомость о причте включает развернутые данные о священнике, диаконе и псаломщике: фамилию, имя и отчество, основные биографические сведения, сведения о наградах, информацию о семье, в том числе о детях, датах их рождения и месте обучения на момент составления документа[612]. Ведомость о прихожанах фиксирует количество домов в приходе с распределением по населенным пунктам[613].

Документы составлялись в рукописной форме на обычной бумаге, однако отличались строго выдержанной структурой. В конце они удостоверялись подписями настоятеля храма и благочинного, который направлял их в Московский епархиальный совет при назначениях, перемещениях и по запросам Московского епархиального совета.

Отдельную группу образуют материалы о положении приходов Московской епархии и взаимоотношениях епархиального управления с государственной властью. Дело № 203 содержит комплекс документов, освещающих деятельность Тихвинской церкви в Сущеве в условиях административного давления 1920-х гг.

Состав дела отличается разнообразием, однако в его структурную основу составляют протоколы приходских собраний и заседаний церковного

---

[611] РГИА. Ф.831. Д. 236. Л. 10.
[612] Там же. Л. 11.
[613] Там же. Л. 12.

совета, а также внутренняя переписка – прошения, заявления, рапорты членов причта и прихожан, написанные от руки. В контексте церковной жизни 1920-х гг., особенно в разгар противостояния обновленцев и тихоновцев, подобные материалы перестали быть сухими канцелярскими отчетами. Фактически они трансформировались в своеобразные «боевые сводки», предназначенные для административных отделов, в частности для Моссовета. Вместе с тем каждая сторона стремилась придать документации официально-деловой статус не только для соблюдения формы, но и для того, чтобы сухим бюрократическим языком зафиксировать «бесчинства» оппонентов и доказать их нелегитимность перед властью[614].

Машинописные протоколы имели строго регламентированную структуру. В них четко обозначены дата, место, кворум, повестка, а легитимность решений подтверждалась подписями председателя и секретаря[615]. Однако дискуссионная часть часто превращалась в акт обвинения. Фиксировались крики, срывы заседаний и вызовы милиции, но подавалось это исключительно как доказательство неспособности оппонентов вести дела.

Сопоставление машинописных протоколов и рукописных рапортов позволяет выявить различие в оптике восприятия событий. Протоколы фиксировали скандалы формально, как нарушение порядка для отчета перед властями или церковно-административными структурами. Напротив, рапорт протоиерея Вадима Маркова раскрывает степень ожесточения конфликта, сглаженную протокольным языком. Марков сообщает о прямом вмешательстве представителя власти (по требованию милиционера был поднят вопрос о переизбрании председателя) и описывает в деталях физическое противостояние, называя его «свалкой» и «начинавшимся побоищем». Главное отличие рапорта заключается в фиксации духовной

[614] РГИА. Ф. 831. Д. 203.
[615] Там же. Л. 16–21.

реакции клира. Остановить беспорядки удалось лишь после выноса Святого Креста. Документ также вскрывает факты закулисного давления на клир с требованием признать легитимность собрания[616].

Таким образом, машинописная документация служила инструментом внешней легитимизации и оружием в бюрократической войне за храм, где даже описание скандалов использовалось прагматично. Рукописная же переписка становилась средством фиксации подлинной, трагической реальности. Она отражала глубокий раскол, циничное использование административного ресурса и попытки духовенства сохранить канонический строй перед лицом агрессии.

К группе источников о положении приходов Московской епархии и их взаимоотношениях с государственными органами власти также можно отнести материалы довольно небольшого дела «Об аресте и об освобождении из-под ареста священнослужителей»[617]. В его составе находятся рукописные рапорты и официальные докладные записки с мест.

Данные материалы содержали детальное описание событий, касающихся репрессий в отношении духовенства, адресованное правящему архиерею. Так, в донесении из Николо-Пешношского монастыря с хронологической точностью фиксируется, что в результате обыска 24 февраля игумен Николо-Пешношского монастыря Варнава был арестован и «отправлен в г. Дмитров», где помещен в одиночное заключение[618]. В другом документе – записке президиума Тихвинской церкви – сообщается о том, что протоиерей Петр Басенов был «препровожден в Москву», при этом особо подчеркиваются последствия ареста для общины: «храм остается при одном пастыре»[619].

---

[616] РГИА. Ф. 831. Д. 203. Л. 33_34об.
[617] РГИА. Ф. 831. Д. 251.
[618] Там же. Л. 11-12.
[619] Там же. Л. 13.

Документы поступали в епархиальное управление от различных источников: как от монастырского начальства (например, от «казначея Николо-Пешношского монастыря иеромонаха Сергия со старшей братией»)[620], так и от органов приходского самоуправления[621]. Данные материалы позволяют установить масштабы репрессий в отношении духовенства Московской епархии и действия епархиального управления при сложившихся обстоятельствах.

После смерти патриарха Тихона в 1925 г. деятельность Московского епархиального совета фактически прекращается. Как подробно описано в § 1.3, управление Московской епархией перешло к Совету Московских викариев (1925–1926), затем к епископу Серпуховскому Алексию (Готовцеву) (1926–1927), а с 1927 г. – к архиепископу Звенигородскому Филиппу (Гумилевскому) при фактическом руководстве митрополита Сергия (Страгородского) через Временный Патриарший Священный Синод. Источниковая база по истории епархиального управления в 1925–1943 гг. носит фрагментарный характер, что связано с выводом высших церковно-административных органов из правового поля и переводом их деятельности в нелегальную сферу. Освободившееся пространство церковного управления постепенно занимает государственный аппарат, который, контролируя единственные легальные формы церковной жизни – приходские общины и религиозные группы, фактически берет на себя функции регулирования церковной повестки. В результате документальные комплексы, отражающие внутрицерковные процессы, оседают преимущественно в фондах различных структурных подразделений советского государства.

Уже вскоре после ареста митрополита Петра (Полянского) в декабре 1925 г. этот переход к полулегальным и нелегальным формам проявился в повседневной практике епархиального управления. Канцелярия триумвирата

---

[620] РГИА. Ф. 831. Д. 251. Л. 11.
[621] Там же. Л. 13.

викариев, составлявшего в тот момент руководство епархией, размещалась в подвальном помещении храма Николы в Кошелях у Яузских ворот. Согласно показаниям епископа Амвросия (Смирнова) от мая 1926 г., прием духовенства и мирян, приезжавших из уездов по вопросам утверждения священнослужителей, фактически велся на частных квартирах. Епископ Алексий (Готовцев) принимал посетителей как по делам города Москвы, так и по общеепархиальным вопросам. При этом общие собрания благочинных не созывались, а контакты с ними поддерживались фрагментарно, «по частям», что наглядно отражает выведение епархиального аппарата из публичной сферы при одновременном усилении регулирующей роли государственных структур[622].

В период легализации церковных структур с 1927 г. документация епархиального управления приобретает новые черты. Циркуляры как организационно-распорядительные акты становятся основным инструментом административного воздействия на приходскую жизнь в условиях ограниченных возможностей прямого управления. Анализ сохранившихся циркуляров Московской епархии конца 1920-х – начала 1930-х гг. позволяет выявить типологию этих документов и проследить эволюцию епархиального управления в условиях нарастающего государственного давления.

Циркуляры данного периода можно условно разделить на несколько содержательных групп. Первую составляют документы дисциплинарно-учетного характера. Показательным примером служит циркуляр от 5 июня 1931 г., направленный благочинным православных приходов Московской епархии. Документ предписывал в недельный срок представить сведения о храмах, причтах и исполнительных органах благочиния. Особое внимание уделялось контролю за духовенством из других епархий. Предписывалось не

---

[622] Мазырин А. В. Вопрос об управлении Московской епархией в период ее вдовства в 1925–1934 гг. // Кадашевские чтения : сборник докладов конференции. Вып. 9 / гл. ред. прот. А. Салтыков. М. : Луг духовный; Общество сохранения литературного наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2011. С. 181.

допускать к служению иноепархиальных клириков без благословения митрополита или его помощника. У священнослужителей, находившихся на приходах Московской епархии последние три месяца, надлежало проверить документы о поступлении и затребовать письменные ответы на вопросы о происхождении, наличии увольнительной грамоты и благословении на служение. Требование еженедельного представления сведений о вакантных священнических местах свидетельствует о стремлении епархиального управления установить жесткий кадровый контроль в условиях массовых репрессий против духовенства[623].

Вторая группа включает циркуляры богослужебно-канонического содержания. Среди них выделяется обширный документ с «обязательным минимумом» воскресного и праздничного богослужения для приходских храмов Московской епархии. Структура документа отражает стремление епархиального управления унифицировать богослужебную практику и устранить произвольные сокращения, допускавшиеся на местах. В преамбуле прямо указывалось на цель установления «нижеследующего обязательного порядка отправления воскресных и праздничных Всенощных бдений». Документ детально регламентировал последовательность действий священнослужителей, чередование пения и чтения, обязательность совершения определенных обрядов. Особо подчеркивалась необходимость полного чтения тропарей канона, что часто опускалось в приходской практике[624]. Аналогичную функцию выполнял циркуляр от 18 января 1933 г., содержавший богослужебные указания на период Рождества и Крещения с учетом календарных совпадений праздников с днями недели[625].

Третью группу образуют циркуляры, регулировавшие взаимоотношения епархиального управления с государственными органами и определявшие правила внешнего поведения церковных структур. Циркуляр от 20 ноября

---

[623] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–15.
[624] Там же. Л. 16–18об.
[625] Там же. Д. 2. Л. 23.

1929 г. требовал неуклонного исполнения положения о регистрации актов гражданского состояния. Священникам категорически запрещалось совершать крещение или венчание без предъявления справки из ЗАГСа о регистрации рождения или брака. Документ также разграничивал полномочия причта и исполнительного органа прихода, запрещая вмешательство «церковной двадцатки» в богослужебную часть и одновременно обязывая духовенство не допускать в храме никаких собраний кроме разрешенных властью. Это отражало попытку епархиального руководства выстроить баланс между сохранением канонического строя и соблюдением советского законодательства[626].

К четвертой группе относятся циркуляры хозяйственно-финансового характера. Документ 1944 г. о сдаче утильсырья демонстрирует вынужденное участие церковных структур в государственных мобилизационных кампаниях. Епархиальное управление предписывало создать при каждом храме комиссию для выявления негодных облачений и архивной бумаги с последующей передачей в «Утиль-Союз» через районного фининспектора. Трагическим следствием подобных кампаний стала утрата значительной части церковных архивов, сданных в макулатуру как «ненужная бумага»[627].

Формуляр циркуляров сохранял относительное единообразие. В заголовочной части указывался адресат, чаще всего «благочинным православных приходов» или «настоятелям и исполнительным органам». Вводная часть содержала ссылку на благословение правящего архиерея или предыдущие распоряжения высших церковных инстанций. Основной текст делился на пронумерованные пункты, каждый из которых регламентировал отдельное направление деятельности. Заключительная часть включала дату, номер документа, подпись управляющего епархией и удостоверительные надписи канцелярии. Циркуляры размножались машинописным способом

---

[626] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–22об.
[627] Там же. Л. 20.

через копировальную бумагу, что обеспечивало оперативное доведение распоряжений до приходского уровня.

Система документооборота выстраивалась по четкой вертикали. Циркуляры направлялись благочинным, которые обязаны были довести их содержание до настоятелей храмов своего округа. Настоятели в свою очередь должны были ознакомить с распоряжениями причт и исполнительные органы приходов. Контроль за исполнением возлагался на благочинных, которые представляли в епархиальное управление сводные отчеты.

Содержательный анализ циркуляров конца 1920-х – начала 1930-х гг. раскрывает основные направления деятельности епархиального управления в условиях нараставших репрессий. Первостепенное внимание уделялось учету духовенства и контролю за его перемещениями. Требования представлять еженедельные сведения о вакансиях и проверять документы иноепархиальных клириков отражали стремление епархии сохранить минимальную управляемость кадровой ситуацией. Жесткая регламентация богослужебной практики была направлена на противодействие произвольным сокращениям, вызванным нехваткой священнослужителей и усталостью прихожан. Циркуляры о поминовении властей и регистрации актов гражданского состояния демонстрировали вынужденную адаптацию церковных структур к советскому законодательству.

Особую группу составляют циркуляры, регулировавшие порядок архиерейских богослужений. Они устанавливали строгую процедуру приглашения епископов на торжественные службы. Настоятель должен был испросить благословение у правящего архиерея, который либо сам назначал викарного епископа, либо давал разрешение на приглашение конкретного лица. Епископам запрещалось принимать приглашения без предварительного согласования с митрополитом. Эти предписания закрепляли иерархическую

вертикаль и предотвращали формирование независимых центров влияния внутри епархии[628].

Циркулярное делопроизводство 1927–1934 гг. отражает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, епархиальное управление формально существовало в полулегальном режиме и не имело государственной регистрации. С другой – оно продолжало выполнять административные функции через систему циркуляров, опиравшуюся на сохранившуюся благочинническую структуру. Документооборот велся викарными епископами, при этом соблюдались традиционные делопроизводственные формы. Такая организация позволяла епархии поддерживать управленческие связи с приходами в условиях государственного давления, но одновременно делала документацию крайне уязвимой к изъятию при арестах священноначалия. Поэтому церковные документы нередко обнаруживаются в судебно-следственных делах как материалы, изъятые при арестах. В этой связи судебно-следственные дела управлявших и викарных архиереев Московской епархии представляют особый интерес для дальнейших исследований по восстановлению историко-документального наследия Московской епархии в 1925–1943 гг.

***

Исследование документации органов управления Московской епархией в 1918–1943 гг. позволяет выявить принципиальное различие в характере формирования и сохранности документов двух периодов, рубежом которых стала смерть патриарха Тихона в 1925 г. На начальном этапе деятельности Московского епархиального совета документирование церковно-административной работы было относительно полным и последовательным. Преобразование духовной консистории в новый орган управления повлекло изменения в организации документооборота, однако традиционная система их фиксации в целом сохранилась.

---

[628] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

Сохранившийся корпус источников позволяет реконструировать основные направления деятельности епархиального управления. Документация высших органов церковного управления (Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета) демонстрирует масштаб нормотворческой деятельности в первый год после Поместного Собора: более двух тысяч постановлений 1918 г. регулировали различные аспекты церковной жизни — от бракоразводных дел до учреждения новых епархий. Журналы регистрации входящей корреспонденции обеспечивали учет обращений. Хиротонии сопровождались полным комплектом документов: протоколами церковно-приходских советов, допросами ставленников, присяжными листами. Кадровые и наградные процедуры сохраняли иерархическую структуру дореволюционного периода. Клировые ведомости храмов за 1920–1924 гг. позволяют проследить динамику церковной жизни, а послужные списки содержат биографические данные о священнослужителях и членах их семей.

Эта упорядоченная система канцелярской работы разрушилась после ареста митрополита Петра (Полянского) в декабре 1925 г. Канцелярия триумвирата викариев переместилась в подвальное помещение храма, прием духовенства велся на частных квартирах, общие собрания благочинных прекратились. Территориальное деление епархии на многочисленные викариатства усугубило положение: документация хранилась при викарных епископах и регулярно изымалась при арестах. Епархиальные советы превратились в негласные совещательные органы при правящих архиереях. Документы 1925–1943 гг. не сформировали целостных фондов и сохранились преимущественно в материалах государственного происхождения – делах о перерегистрации религиозных обществ, материалах судебно-следственного производства, информационных справках ОГПУ и территориальных отделений НКВД. Это следует рассматривать не как результат случайных утрат, а как институционально обусловленное следствие государственной

политики, последовательно изменявшей условия существования и документооборот церковных структур.

В этих условиях циркулярные письма митрополита Сергия (Страгородского) 1927–1934 гг. стали основным инструментом координации епархиальной жизни и составляют небольшой корпус документов внутрицерковного происхождения данного периода. Они подразделялись на дисциплинарно-учетные (контроль за духовенством, сведения о храмах и причтах), богослужебно-канонические (обязательный минимум богослужения, унификация практики) и хозяйственно-финансовые. Размноженные машинописным способом, циркуляры направлялись благочинным для доведения до настоятелей, что позволяло поддерживать управленческие связи с приходами через сохранившуюся благочинническую структуру.

С середины 1930-х гг. и вплоть до конца исследуемого периода репрессивная политика окончательно вытеснила традиционную систему церковного управления и документооборота. Массовое закрытие приходов сопровождалось арестами духовенства. Документация ликвидируемых приходов редко передавалась на государственное хранение по правилам архивного комплектования. Чаще она рассеивалась по делам исполкомов, отделов по делам культов, правоохранительных и судебно-следственных органов или утрачивалась в результате хозяйственного использования и целенаправленного уничтожения. Тем самым была утрачена целостность комплекса приходских документов. Вместо целостных приходских дел остались лишь фрагменты, встроенные в регистрационные списки, надзорные отчеты, сводные справки и следственные материалы, сформированные внешними по отношению к РПЦ инстанциями.

3.2. Корпус материалов о деятельности обновленческих церковно-административных структур на территории Московской губернии/области в 1918–1943 гг.

Документы обновленческих церковно-административных структур, действовавших на территории Московской губернии/области, образуют уникальный комплекс источников, позволяющий проследить работу альтернативной системы церковного управления в условиях острого внутрицерковного противостояния 1920–1940 гг. Их анализ позволяет восстановить особенности функционирования этих структур и определить состав и информационный потенциал сохранившихся источников.

Как показано в § 1.3, сопоставление документальных комплексов Патриаршей Церкви и обновленческих церковно-административных структур позволяет выявить принципиальные различия между основными принципами документооборота канонической иерархии и обновленческих структур при внешнем сходстве форм учетной документации. Как показано в § 3.1, материалы Московского епархиального совета (Ф. 831 РГИА) имеют преимущественно охранительно-каноническую направленность и ориентированы на сохранение преемственности и целостности Патриаршей Церкви (фиксация хиротоний для подтверждения апостольской преемственности, дела о возвращении клириков из обновленчества, сбор послужных списков и клировых ведомостей). Напротив, документы обновленческих структур (ЦГА г. Москвы. Ф. 2303) представляют преимущественно административно-хозяйственный комплекс, фокусирующийся не столько на охране канонического статуса, сколько на оформлении и закреплении новой церковной иерархии и ее встраивании в систему советских институтов, то есть на институционализации этой иерархии и интеграции обновленческих органов управления в советское правовое и экономическое поле.

Основной массив источников по истории обновленчества в Московском регионе сосредоточен в фонде 2303 Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы). Хронологические границы фонда – 1922–1943 гг. охватывают период от учреждения Высшего церковного управления (ВЦУ) до упадка обновленческого движения в начале 1940-х гг., позволяя проследить основные этапы его развития. На основе анализа описи и состава единиц хранения представляется возможным выделить три основные группы документов, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями.

Первую группу составляют материалы переписки между обновленческим Высшим Церковным Управлением (ВЦУ), Синодом и Московским епархиальным управлением (МЕУ). Данный комплекс материалов представлен циркулярами, указами и распоряжениями, направлявшимися из центральных обновленческих органов в адрес МЕУ и далее благочинным и приходам Московской епархии. Эти документы отражают формирование управленческой вертикали обновленческого движения, механизмы административного контроля, а также взаимодействие церковных структур с государственными органами в 1922–1926 гг.

Вторую группу образуют материалы, связанные с подготовкой и проведением выборов делегатов на Поместный обновленческий собор 1923 г. В нее входят протоколы и акты приходских собраний, мандаты и удостоверения делегатов, протоколы благочиннических и епархиального собраний, анкеты избранных представителей, списки членов приходских советов. Эти документы фиксируют попытки реформирования канонического строя и внедрения выборного начала в церковное управление с участием мирян, являясь ключевым источником для реконструкции механизмов легитимации обновленческой иерархии в Московской епархии.

Третью группу составляет организационно-распорядительная документация обновленческого Московского епархиального управления:

протоколы заседаний 1923–1928 гг. с приложениями (рапорты, прошения, послужные списки, ставленнические грамоты). В отличие от лаконичных резолюций архиереев Патриаршей Церкви, важной особенностью обновленческого документооборота является подчеркнуто коллегиальный характер в принятии решений. Протоколы отражают административно-территориальное устройство епархии, кадровые перемещения духовенства и систему церковных награждений, позволяя проследить эволюцию обновленческих структур от становления к упадку.

Таким образом, источники фонда № 2303 ЦГА Москвы показывают специфику обновленческой документации: она ориентирована не на сохранение канонической традиции, а на административно-хозяйственное встраивание в советскую систему управления. Это определяет как информационные возможности материалов, так и подходы к их анализу.

Анализ документальных материалов обновленческих структур Московской епархии целесообразно начинать с рассмотрения документов Высшего церковного управления и обновленческого Синода, поступавших в Московскую губернию. Как описано в § 1.3, после «Второго Всероссийского поместного собора» (обновленческого) 1923 г. было создано Высшее Церковное Управление (позднее замененное Священным Синодом), а на территории Московской епархии – Московское епархиальное управление во главе с «митрополитом Московским» Антонином (Грановским). Эти документы показывают, как в ходе взаимодействия с центральной властью складывалась управленческая модель раскола. Данные материалы представлены в основном циркулярами, указами и распоряжениями, исходящими от Высшего Церковного Управления и Синода в адрес Московского епархиального управления, которое доводило их до сведения «подведомственного» духовенства.

Ближайшей целью живоцерковников с момента захвата церковной власти в мае 1922 г. стал созыв «Второго Всероссийского поместного собора»

(обновленческого). Однако на практике оказалось непросто разъяснить московскому духовенству и прихожанам смысл и необходимость произошедшего церковного переворота. Духовенство Московской епархии часто отказывалось подчиняться Высшему Церковному Управлению, что порождало необходимость применения к таким приходам мер насильственного характера.

Документальным подтверждением предложенного нами довода служит рукописный циркуляр Московского епархиального управления конца 1922 г., адресованный благочинным Московской епархии. МЕУ пересылало в благочиния три указа (№ 1446, № 1447, № 1551), полученных из ВЦУ, для исполнения на приходах епархии. Отсутствие типографского бланка при полном наборе реквизитов позволяет рассматривать документ как заверенную копию для рассылки, типичную для периода становления аппарата управления. Особое внимание привлекает Указ № 1447, в котором поминовение Патриарха Тихона трактуется как контрреволюционный акт и «публичная политическая демонстрация»[629].

Система формирования лояльных приходов была выработана довольно быстро. Главные противники обновленцев уже через несколько дней, как правило, арестовывались и высылались. Если в вышеуказанных циркулярных письмах представлены меры исключительно административного давления, то Указ ВЦУ от 1 марта 1923 г. № 175, направленный в адрес Московского епархиального управления, фиксирует переход к прямым репрессивным мерам. Он оформлен на официальном бланке и содержит рукописную помету о передаче подлинника в 6-е отделение ГПУ, что свидетельствует о прямой связи канцелярии ВЦУ с органами госбезопасности. В нем на основании рапорта МЕУ утверждается список авторитетных «тихоновских» пастырей, подлежащих удалению из Москвы. Формула «признать пребывание... вредным, как в церковном, так и в общественном отношении» переводит

[629] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

внутренний церковный вопрос в политическую плоскость и фактически задает для ГПУ контрреволюционное толкование их деятельности. Дополнительное распоряжение «запретив им до выезда из Московской епархии священнослужение» раскрывает тактику обновленцев: священников лишают возможности проститься с паствой и обратиться к ней с амвона. Под указом стоят подписи председателя ВЦУ митрополита Антонина (Грановского) и его заместителя протоиерея В. Красницкого[630].

Освобождение патриарха Тихона из-под ареста в июне 1923 г. резко меняет характер документации, хотя общий контрольный и репрессивный настрой сохраняется. Циркуляр МЕУ конца июля 1923 г. № 1581 отражает уже не наступление, а тревожную оборонительную реакцию на рост влияния патриарха: признается, что духовенство «снова вовлекается массой верующих» в движение вокруг него. Возвращение клириков в Патриаршую Церковь объявляется «организацией противленчества против власти Рабочих и Крестьян» и «политической контрреволюционной авантюрой». Выражение «нежелательные эксцессы» завуалированно обозначает аресты и ссылки, а приказ собрать все московское духовенство на Троицком подворье 3 августа «для получения соответствующих указаний» показывает попытку централизованного давления на епархиальный клир[631].

Параллельно разворачивается попытка системной реорганизации раскола. В 1923 г. усиливается стремление не только подавлять, но и перестраивать церковную жизнь под контролем обновленческого центра. Циркуляр обновленческого Священного синода от 28 августа 1923 г. (вх. № 1443) становится средством такой перестройки. В нем провозглашается курс на глубокое переустройство и ликвидацию групповых объединений, а прилагаемая анкета из двадцати четырех пунктов подлежит срочному заполнению на местах. Пункт 2 с вопросом о семейном положении епископов

---

[630] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2об.
[631] Там же. Л. 3.

фактически закрепляет практику женатого епископата, пункт 23 требует указать число «самозванных тихоновских епископов» и места их пребывания. Тем самым обновленческая иерархия приобретает черты осведомительной структуры, продолжая линию тесной связи с государственными репрессивными органами, обозначенную Указом ВЦУ № 175[632].

Московское епархиальное управление со своей стороны выстраивает аналогичную линию. Циркуляр МЕУ от 29 июня 1923 г. № 79 последовательно именует Патриарха «мирянином Василием Белавиным», предписывает благочинным направлять подробные рапорты о каждом случае его богослужебной деятельности[633].

К августу 1924 г. документы МЕУ окончательно приобретают черты жестко регламентированной административной структуры. Машинописное приглашение на «очередное экономическое заседание» Расширенного Пленума МЕУ 4 сентября, мотивируемое «быстро меняющимися событиями и ожидаемыми переменами», вводит понятие «Особых комиссий» и требует отчетности об их создании на местах. Подпись «Особо Уполномоченного Синодального отдела по борьбе с тихоновщиной» епископа Амвросия фиксирует превращение обновленческого управления в инструмент политического сыска под церковной оболочкой[634].

Смерть патриарха Тихона в апреле 1925 г. воспринимается обновленческим руководством как шанс остановить постепенную утрату ранее завоеванных позиций. Циркуляр МЕУ № 102 от мая 1925 г. предписывает отметить трехлетие движения (с 12 мая 1922 г.), использовать амвон для разъяснения «непоколебимости Церкви» при смене форм управления и завершать богослужения провозглашением многолетия обновленческому Священному синоду. Документ сопровождается

---

[632] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-4об.
[633] Там же. Л. 24.
[634] Там же. Л. 6.

требованием оперативной отчетности, что продолжает линию бюрократического контроля и политизации богослужения[635].

К лету 1926 г. мобилизационная риторика сменяется финансовым нажимом. Циркуляр МЕУ № 117 от августа 1926 г. объявляет настоятелей лично ответственными за взносы в обновленческий денежный фонд, вводит единовременный сбор с клира и «добровольный» кружечный сбор с прихожан к празднику Успения Божией Матери. Одновременно предлагается централизовать закупку свечей, ладана и вина через одного поставщика, что фактически лишает приходы хозяйственной автономии и усиливает финансовую зависимость от обновленческого центра[636]. Показательно, что далее в деле следуют материалы, отражающие деятельность митрополита Сергия (Страгородского), который до 1934 г. фактически выполнял роль основного посредника в диалоге между государством и РПЦ.

Анализ документов, отражающих взаимодействие ВЦУ и обновленческого Синода с Московским епархиальным управлением, а также связи МЕУ с благочинными и приходами Московской епархии, позволяет проследить становление и упадок обновленческой системы церковной документации 1920-х гг. В эволюции форм заметен переход от рукописных заверенных копий конца 1922 г. к машинописным материалам с выработанным образцом и возможностью тиражирования уже в 1923 г. Состав документации в целом стабилен: основу переписки составляют циркуляры, указы и распоряжения ВЦУ и Синода, направляемые в МЕУ и оттуда – благочинным и приходам. С 1923 г. в этой системе появляются подробные анкеты (24 пункта в циркуляре Синода от 28 августа) и требования детальной отчетности, что говорит о возрастании роли учета и контроля. Важной чертой представленных материалов являются служебные пометы о передаче материалов в государственные органы (прежде всего в ОГПУ). Это

[635] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
[636] Там же. Л. 10.

подчеркивает тесное переплетение церковной и внецерковной сферы и выводит обновленческое движение за рамки внутренней конфессиональной жизни.

В 1924–1926 гг. структура переписки заметно меняется: количество распорядительных бумаг сокращается, тогда как возрастает доля финансовой и отчетной документации (показателен ранее рассмотренный нами циркуляр № 117 от августа 1926 г.)[637]. Это свидетельствует об ослаблении реальных управленческих функций при формальном сохранении внешне благополучного делопроизводства.

В свете рассмотренной переписки между ВЦУ, обновленческим Синодом и Московским епархиальным управлением в 1918–1928 гг. Поместный Собор предстает не как попытка свободного обсуждения вопросов «либеральной» интерпретации церковной жизни, а прежде всего как элемент формирования подчиненной, жестко выстроенной административной вертикали. Анализ материалов по подготовке и проведению Московского епархиального съезда позволяет увидеть, как эта установка реализовывалась на приходском и епархиальном уровнях.

Первоочередной задачей обновленцев в 1922–1923 гг. был не немедленный созыв Собора, а подчинение приходских советов, которым предстояло проводить выборы его участников. Несмотря на очевидную срочность, Собор состоялся лишь через год после данных обещаний: почти весь этот период тема Собора использовалась главным образом как «знамя», призванное привлечь внимание, вызвать интерес и добиться поддержки верующих.

К весне 1923 г. обновленцы в управлении приходами фактически могли опираться лишь на принудительные меры. Как было отмечено в § 1.3, в феврале 1923 г. было издано определение Московского епархиального управления о роспуске существующих приходских советов по храмам Москвы

[637] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

и епархии с 1 марта 1923 г. и организации новых из лиц, признающих ВЦУ и МЕУ. Встав на этот путь, они уже не имели возможности ослабить напор «революции в Церкви»: добровольного признания своей власти ожидать не приходилось. Попытки силового подчинения сопровождались устойчивой формулой о действиях «ради мира церковного». Соответственно, и сам Собор мыслился как противостояние «миротворцев» и «расхитителей» церковного мира – контрреволюционеров. В этих условиях Собор мог состояться только при содействии советской власти, причем содействии заранее согласованном и спланированном, что исключало возможность серьезных отступлений от намеченного курса. К моменту его созыва необходимо было добиться максимального успеха в подчинении приходов обновленческому управлению.

Подготовка «Второго Всероссийского поместного собора» (обновленческого) 1923 г. была заранее и достаточно четко спланирована. Предпринимались меры, призванные обеспечить нужный состав и управляемость Собора. Уже в феврале 1923 г. в журнале «Живая церковь» было опубликовано «Положение о созыве Поместного Собора Православной Российской Церкви», в котором лидеры обновленческого движения закрепили за собой право голоса без выборов. Однако для достижения желаемого результата необходимо было умело использовать и трехступенчатую систему выборов: сначала проходили приходские собрания, где избирались кандидаты на благочиннические собрания, затем благочиннические и епархиальные собрания, утверждавшие членов самого Собора.

К этому моменту требовалось в кратчайшие сроки привести приходские советы к полному подчинению. Именно в связи с этим в феврале–марте 1923 г., накануне Собора, прокатывается новая волна репрессий против московского «контрреволюционного» духовенства. Как мы уже упоминали, в документах МЕУ за март 1923 г. фиксируются попытки избавиться от непокорных священнослужителей: президиум ВЦУ на заседании 28 февраля

предлагает удалить из Московской епархии ряд священников, признав их пребывание вредным как в церковном, так и в общественном отношении[638].

Тем не менее и такие меры не гарантировали послушания приходских советов. Для обеспечения их «лояльности» перед выборами кандидатов на Собор предпочтительным становилось кардинальное обновление состава советов. В документах МЕУ находим решение об их роспуске: соответствующий указ был разослан циркулярно для исполнения благочинным Московской епархии. Определением МЕУ от 20 февраля 1923 г. постановлялось распустить по храмам Москвы и епархии существующие приходские советы с 1 марта 1923 г. Настоятели храмов и благочинные округов обязывались под свою ответственность организовать новые приходские советы не позднее 15 марта – применительно к «Положению о созыве Поместного Собора 1923 г.» – из лиц, признающих ВЦУ и МЕУ. Число мирян в приходских советах устанавливалось не менее трех человек. Избранных членов следовало представить на утверждение МЕУ. За успешное проведение этого решения в жизнь несли ответственность все члены причтов храмов Москвы и епархии[639].

Публикации «Положения» о созыве Собора, указа о высылке духовенства из Московской епархии и указа о роспуске приходских советов относятся к одному и тому же времени. В совокупности эти шаги были направлены на устранение в Московской губернии противостояния между обновленчеством и «контрреволюционной» «тихоновщиной», которая могла привести Собор к нежелательному для обновленцев исходу.

Материалы подготовки «Второго Всероссийского поместного собора» (обновленческого) 1923 г. на территории Московской губернии представляют собой развернутый комплекс источников, отражающий реализацию многоступенчатой избирательной системы в условиях жесткого

---

[638] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2об.
[639] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

административного контроля. Выявленные в фонде 2303 ЦГА Москвы материалы демонстрируют не только техническую сторону организации выборов, но и характер взаимодействия между различными уровнями церковной иерархии, а также механизмы давления на потенциально нелояльные приходы.

Документальный комплекс выборов строился по принципу восходящей административной вертикали, соответствующей трехступенчатой системе избрания делегатов. На первом уровне проходили приходские собрания, на которых формировались списки кандидатов для участия в благочинических собраниях. Второй уровень составляли благочиннические собрания, где определялись представители на епархиальное собрание. Завершающим этапом становилось епархиальное собрание, утверждавшее итоговый состав делегатов на Поместный собор.

Приходской уровень представлен протоколами общих собраний прихожан и актами избрания делегатов. Характерной особенностью этих документов является наличие стандартного формуляра, включающего дату проведения собрания, наименование храма с полным адресом, состав присутствующих с разделением на священнослужителей и мирян, повестку дня и результаты голосования. Документы заверялись подписями председателя собрания (как правило, настоятеля храма), секретаря, а также присутствовавших членов причта и приходского совета. Обязательным элементом формуляра выступала печать приходской общины.

Протоколы и акты приходских собраний из сел Семино[640], Игнатьево[641], и других населенных пунктов Московской губернии демонстрируют единообразие в оформлении при сохранении рукописного характера большинства документов. Текст протоколов излагается по классической схеме: вводная часть с указанием основания для созыва собрания (обычно

[640] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.
[641] Там же. Д. 6. Л. 53.

распоряжение Высшего Церковного Управления от 1 марта 1923 г.), описательная часть с фиксацией хода обсуждения и постановляющая часть с перечислением избранных делегатов. Показательным является акт избрания делегатов Крестовоздвиженской церкви села Семина от 11 марта 1923 г. В документе прямо указывается, что прихожане собрались «согласно распоряжения Высшего Церковного Управления от 1-го Марта сего года» для избрания делегатов на благочинническое собрание 14 марта. Документ подписан настоятелем храма, псаломщиком и церковным старостой[642].

Особую ценность представляют списки членов приходских советов, признающих необходимость церковных реформ, которые служили подтверждением лояльности прихода обновленческому руководству. Сведения о составе приходского совета Христорождественской церкви села Пустого Рождества от 11 марта 1923 г. оформлены в виде таблицы с графами: порядковый номер; фамилия, имя, отчество; возраст; социальное положение; род занятия и примечание. В списке 11 человек в возрасте от 38 до 81 года, все указаны как крестьяне, занимающиеся хлебопашеством. В графе «Примечание» содержится ключевая формула: «В.Ц.У. и М. Еп. Упр. признают и распоряжения их исполняют». Документ подписан священником Александром Лебедевым. Такого рода документация служила инструментом контроля за настроениями на приходах и одновременно способом легитимации новых приходских структур в глазах епархиального руководства[643].

Переход от приходского к благочинническому уровню фиксировался через систему мандатов. Мандат представлял собой удостоверение полномочий делегата, выданное церковно-приходским советом или общим собранием прихожан. Формуляр мандата включал наименование документа, данные о лице, которому он выдан (полное имя, сословная принадлежность,

---

[642] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.
[643] Там же. Л. 221.

адрес проживания), цель выдачи (участие в благочинническом собрании конкретного благочиния с указанием даты), дату составления, подписи председателя приходского совета и секретаря, а также печать прихода. Характерным примером является мандат, выданный церковно-приходским советом Спасской церкви села Ивантеева 28 марта 1923 г. Павлу Петровичу Тархову для «командирования его согласно постановления Общего Собрания Общины на благочинническое собрание по выборам депутатов на поместный Церковный собор». Документ подписан председателем А. Скотниковым и секретарем, скреплен печатью прихода[644].

Аналогичную структуру имеет удостоверение Владимирской церкви села Мытищи от 25 марта 1923 г., в котором зафиксировано избрание пяти депутатов на благочинническое собрание. Документ удостоверяется подписью председателя церковно-приходского совета, священника Сергия Ильинского, и церковной печатью. Обращает на себя внимание двойная датировка документа – 19/25 марта – по старому и новому стилю, что отражает переходный период календарной реформы и сохранение церковными структурами юлианского календаря наряду с официальным григорианским[645].

Благочинические собрания формировали следующий уровень избирательной системы. Протоколы этих собраний отличаются большей развернутостью и детализацией по сравнению с приходскими документами. Помимо стандартных реквизитов, в них фиксировались выступления благочинных с разъяснением задач предстоящего Поместного собора, что придавало процедуре идеологическую окраску. Так, протокол общего собрания причтов и избранных представителей от прихожан 4-го округа благочиния Клинского уезда от 21 марта 1923 г. содержит указание на то, что «благочинным о. Алексеем Орловым было доложено собранию о задачах предстоящего Поместного Собора Православной Церкви». После доклада

---

[644] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 6. Л. 136.
[645] Там же. Л. 138.

приступили к избранию пяти выборщиков (трех от клира и двух от мирян) на епархиальное собрание. В данном случае были избраны священники Алексей Орлов, Иван Цветков, диакон Василий Крылов и миряне Алексей Васильевич Седов и Михаил Васильевич Тимофеев[646].

Особый интерес представляет протокол общего благочиннического собрания 5-го округа Серпуховского уезда от 2 апреля 1923 г., в котором зафиксирована критическая оценка «Положения о созыве Поместного Собора». В документе отмечается, что «Положение» «весьма неудовлетворительно, односторонне, ограничивающее выборное начало и предоставляющее большое место на созываемом Соборе членам по назначению». Несмотря на это, собрание решило провести выборы депутатов на епархиальное собрание, снабдив их определенным наказом. Этот фрагмент протокола является уникальным свидетельством того, что даже в условиях жесткого контроля со стороны обновленческого руководства местное духовенство сохраняло способность к критической оценке навязываемых процедур. Тем не менее делегаты были избраны, а на их поездку и пропитание в Москве постановили собрать по 100 рублей с каждой церкви благочиния[647].

К материалам благочиннических собраний прилагались анкеты избранных делегатов. Анкета представляла собой формализованный документ с детальными сведениями о кандидате. Анкета диакона Дмитрия Петровича Петрова из Троицкой церкви погоста Подлипки Сергиевского уезда включает такие пункты, как имя, отчество и фамилия, возраст (46 лет), образование (окончил курс прогимназии, проверяющим внесено примечание, что по послужному списку 1922 г. он обучался в митрополичьем Чудовском хоре), занимаемая должность (диакон на псаломщической вакансии), место и срок службы (с 1 февраля 1922 г.). Далее следовали идеологические вопросы об отношении к существующему государственному строю и наличии

[646] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
[647] Там же. Л. 47.

контрреволюционного прошлого. В этой графе делегат должен был обозначить свою гражданскую позицию. В документе собственноручно записано: «Советскую власть признаю и против власти никаких выступлений не было». Анкету завершает пункт 14, содержащий подпись с указанием точного адреса: «О. диакон Дмитрий Петрович Петров, погост Талицы, Москов. губ., Сергиевск. у.»[648].

Аналогичную структуру имеет анкета священника Сергея Ивановича Смирнова из Троицкой церкви погоста Подлипы Сергиевского уезда. Он указал образование – окончил курс третьего класса Вифанской духовной семинарии, занимаемую должность – священник с 11 декабря 1920 г., прежние должности – никаких, кроме пастырских обязанностей, но состоял законоучителем. На вопросы анкеты даны типовые лояльные ответы о признании ВЦУ, сочувствии обновленческому движению и утверждении справедливости социальной революции[649].

Завершающим этапом избирательной кампании становилось Московское епархиальное собрание, на котором утверждались делегаты непосредственно на Поместный собор. Итоговые списки участников Епархиального собрания составлялись по территориальному принципу с указанием уезда и благочиннического округа. К примеру, список от Подольского уезда включает 16 человек, представляющих разные благочиннические округа (1-й, 3-й, 4-й и 6-й). Структура делегации неравномерна: от 1-го, 3-го и 4-го округов в список включено по пять представителей (соблюдая равенство делегатов от клира и мирян), в то время как от 6-го округа представлен один делегат[650]. Похожая неравномерность делегатов характерна и для других уездов Московской губернии[651].

---

[648] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 6. Л. 218–218об.
[649] Там же. Л. 220.
[650] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 7. Л. 2об.
[651] Там же. Д. 7.

Анализ документов по выборам на обновленческий Поместный собор 1923 г. раскрывает специфику административной работы обновленцев в Московской губернии. Во-первых, прослеживается четкая управленческая вертикаль: от приходского уровня через благочиннический и епархиальный к общецерковному. Каждый уровень имел свой комплекс документов, формуляры которых воспроизводили традиционные церковные образцы с элементами идеологического контроля. Во-вторых, значительная часть документов сохраняла рукописный характер, что свидетельствует о недостаточной организационной зрелости обновленческих структур на начальном этапе. В-третьих, обязательным элементом переписки становятся анкеты с идеологическими вопросами, призванные зафиксировать лояльность избираемых лиц ВЦУ, обновленческому движению и советской власти. В-четвертых, несмотря на внешнюю упорядоченность процедуры, в документах прослеживаются признаки административного давления: роспуск приходских советов накануне выборов, высылка неугодных священников, требование «единогласных» решений.

Формальная стройность проведения выборов контрастирует с их фактическим содержанием. В большинстве московских приходов удалось достичь требуемых результатов, поскольку уже на первой ступени выборов кандидатов на Собор в актах и протоколах, как правило, зафиксированы «единогласные» решения. В основном документы, сопутствующие всем этапам проведения выборов, составлены сухим, официальным языком. Однако отдельные материалы свидетельствуют о сопротивлении такому порядку. При всей растерянности прихожан в сложившейся обстановке и незнании правильной линии поведения предпочтение при выборе на Собор отдавалось тем священникам и мирянам, которые пользовались доверием прихода.

«Второй Всероссийский поместный собор» (обновленческий) 1923 г. состоялся и был представлен обновленцами как успешный итог их деятельности. Однако такое понимание «успеха» отражает важную

особенность их мышления, во многом приведшую движение к краху: церковную жизнь они воспринимали прежде всего как сферу управления и организации. Успех связывался главным образом с работой аппарата и внешней стройностью структуры, а не с духовным принятием реформ общиной. Реформаторские замыслы, которые для большинства московских прихожан и духовенства были внутренне неприемлемы, могли осуществляться насильственными средствами только при отсутствии в Московской епархии законной церковной альтернативы власти обновленцев.

Сходные тенденции прослеживаются и во внутренней документации Московского епархиального управления, прежде всего в его организационно-распорядительных материалах. Организационно-распорядительная документация представлена, прежде всего, протоколами заседаний Московского епархиального управления, которые велись с момента его образования. Протоколы оформлялись в соответствии с устоявшимися канцелярскими традициями и содержали стандартный набор реквизитов: наименование документа, дату заседания, список присутствующих, повестку дня, содержание обсуждавшихся вопросов, принятые решения, подписи председателя и секретаря. Анализ протокольной документации позволяет проследить эволюцию организационной структуры обновленческого управления, изменения в составе руководящих органов и основные направления осуществлявшейся ими деятельности. Протоколы охватывают период с мая 1923 г. по декабрь 1928 г. – время оформления обновленческого управления в Московской епархии. Неравномерность материала (целый ряд за 1923 г., отдельные документы 1925 г. и особенно полные 1927–1928 гг.) отражает и судьбу архива, и постепенное выстраивание самой работы епархиальных органов.

Меняется и сам вид протоколов: от кратких рукописных записей 1923 г. к развернутым машинописным текстам конца десятилетия, где подробно фиксируются обсуждения и постоянно прилагаются заявления, рапорты,

выписки из приходских протоколов, послужные списки, ставленнические грамоты. Так вырабатывается устойчивый порядок: каждое решение опирается на полный набор сопутствующих бумаг – от первого обращения до окончательной резолюции.

Анализ протоколов показывает несколько основных направлений работы епархиального управления. Доминирующим направлением являлись вопросы территориально-административного устройства епархии. Так, протокол № 68 от 12 июня 1923 г. утвердил список «уполномоченных», за каждым из которых закреплялся определенный уезд Московской губернии[652]. Это позволяло центру контролировать ситуацию на местах. С целью упорядочить делопроизводство был введен строгий временной график: для приема посетителей выделялись специальные часы утром и после обеда, тогда как середина дня, с 12 до 16 ч., отводилась исключительно под рабочие совещания. Особый акцент делался на закрытости этих собраний, поэтому доступ посторонним в зал заседаний категорически воспрещался, а вся документация должна была поступать через дежурного члена совета, что придавало работе управления характер четко отлаженного бюрократического механизма[653].

В рамках административно-территориального направления также рассматривались вопросы учреждения викариальных управлений и регулирования их деятельности. Как было показано в § 1.2, в феврале 1923 г. обновленческий Синод издал циркулярное письмо «Об организации викариальных кафедр и управлений», на основании которого в Московской епархии были организованы викариатства, среди которых особое значение имело Каширское викариатство, учрежденное в 1928 г. Материалы по созданию Каширского викариатства позволяют подробно проследить механизм образования викариальной кафедры.

---

[652] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 4. Л. 63 об;
[653] Там же. Л. 63.

Инициатива исходила от Московского епархиального управления (Протокол № 4 от 8 февраля 1928 г.)[654]. Сама же процедура формирования новой структуры включала переписку между управлением и Священным Синодом о кадровом обеспечении и финансировании новообразованной структуры,[655] организацию викариального съезда духовенства и мирян для избрания кандидата во епископы (11–12 марта 1928 г.)[656] и его утверждение в должности соответствующим постановлением Синода[657]. Особое место среди учредительных документов Каширского викариального управления занимают материалы, связанные с церковным имуществом и борьбой за влияние с Патриаршей Церковью. В этой связи показателен конфликт вокруг чудотворной иконы Божией Матери «Утоли моя печали» из Белопесоцкого монастыря: МЕУ и Синод пытались административно добиться ее передачи обновленческой общине, рассчитывая укрепить финансовое положение викариатства за счет доходов от молебнов[658]. Вероятно, таким способом они хотели перевести викариальную кафедру на самофинансирование.

Административная вертикаль обновленческого управления наиболее отчетливо прослеживается на материалах Клинского викариатства. Согласно § 1.3, Клинское викариатство было одним из полусамостоятельных викариатств Московской епархии, которое в условиях обновленческого раскола оказалось под контролем обновленцев. Исследование делопроизводственного цикла открывается рукописным протоколом викариального съезда духовенства и мирян от 16 декабря 1927 г. Протокол, подписанный митрополитом Петром, архиепископом Георгием и секретарем Воронцовым, утвердил поименный состав Клинского викариального управления и решение о готовности Троицкого собора вносить на его содержание «суммы в двойном размере». На съезде был оглашен Указ

---

654 ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 21. Л. 95.
655 Там же. Л. 111; 123.
656 Там же. Л. 262-267об.
657 Там же. Л. 110.
658 Там же. Л. 134.

Священного Синода от 19 ноября 1927 г. о назначении архиепископа Георгия викарием, а в озвученных докладах с мест отмечалось отсутствие конфликта со «староцерковническими причтами». Несмотря на рукописное исполнение, документ оформлен по всем формальным требованиям: указана дата, четко разделены повестка и решения, имеются заверительные подписи, что придает ему статус юридического акта, определяющего структуру управления на предстоящий год[659].

Протокол заседания Клинского викариального управления от 15 марта 1928 г. фиксирует уже не рутинную работу, а кризис. В его содержательной части, в ответ на «отношение МЕУ от 5 марта с/г № 118» о деятельности архиепископа Клинского Георгия и состоянии дел, подробно описываются потери: переход прихода села Молчанова к «староцерковникам» и аналогичная смена юрисдикции рекомендованным Москвой протоиереем Ф. Некрасовым, перешедшим в Патриаршую Церковь[660]. Именно эта уклончивая подача при фактической фиксации распада обновленческих структур и вызвала жесткую диагональную резолюцию на тексте протокола: «Предложить в срочном порядке во второй раз дать самые точные сведения на предлагаемые вопросы и датировать их»[661], оформленную в виде машинописного распоряжения № 158 от 29 марта 1928 г. и направленную в адрес Клинского викариального управления[662].

Особую напряженность документообороту придает протокол заседания Клинского викариального управления от 5 мая 1928 г. под председательством заместителя главы протоиерея Целицы (Целикова). В разделе «Слушали» зафиксирован пакет из четырех циркуляров Священного Синода и трех отношений МЕУ, датированных февралем–мартом, но полученных лишь 4 мая. В постановляющей части управление фактически заявляет о

---

[659] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 21. Л. 211.
[660] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 21. Л. 300.
[661] Там же.
[662] Там же. Л. 367.

невозможности исполнения ряда предписаний в срок и, отвечая на требование МЕУ № 158, ограничивается ссылкой на ранее поданные сведения, лишь перечисляя даты заседаний под председательством архиепископа Георгия. Протокол заверен подписями заместителя председателя и секретаря Воронцова и скреплен печатью, что придает этой форме пассивного сопротивления официальный характер[663].

Реакцией центра стало распоряжение МЕУ № 199 от 6 июля 1928 г.: вместо дальнейшей переписки было принято кадровое решение[664]. Указом Священного Синода от 20 июня на Клинскую кафедру назначен новый управляющий – архиепископ Сергий (Озерецковский)[665]. Тем самым была предпринята попытка решить кризис в викариатстве через смену архиерея и восстановление жесткой вертикали подчинения. В целом, материалы других протоколов Клинского викариального управления свидетельствуют о постепенной деградации обновленческого движения[666].

Завершает картину анализ протоколов самого Московского епархиального управления и приложений к ним, где Клин упоминается как объект управления. В этих текстах содержатся прямые директивы и критические замечания: «Указать Клинскому управлению на...» или «Отменить постановление Клинского совета как несоответствующее...». Это наглядно демонстрирует, что викариатство не обладало полной автономией, а его делопроизводство было лишь первичным фильтром. Вся система документов – от рукописных протоколов с мест до типографских указов из Москвы – формировала жесткую иерархическую вертикаль, где компетенции викариального управления ограничивались подготовкой решений, подлежащих неизменному контролю и утверждению со стороны епархиального центра[667].

---

[663] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 21. Л. 408–408об.
[664] Там же. Л. 470.
[665] Там же. Л. 483.
[666] Там же. Л. 479–480.
[667] Там же. Л. 495–495об.

В протоколах Московского епархиального управления наряду с административно-территориальными вопросами значительное место занимают кадровые перемещения священно- и церковнослужителей. Документы фиксируют многоступенчатую процедуру рассмотрения прошений о переводах, посвящении в сан и назначении на вакантные должности по инициативе самих клириков, благочинных или приходских советов. Историко-документальное наследие указанных материалов существенно не отличается от аналогичных документов документов канонических органов РПЦ, рассмотренных нами ранее, поэтому их дальнейший специальный анализ представляется излишним.

Особый блок составляют награждения священнослужителей правом ношения камилавки, наперсного креста, палицы и митры. Здесь четко видна иерархия: награды до наперсного креста утверждались епархиальным управлением[668], высшие же отличия требовали ходатайства перед Священным Синодом[669]. К примеру, ходатайство церковно-приходского совета села Никульское-Карамышево о награждении настоятеля священника Феодора Вознесенского наглядно иллюстрирует низовой уровень этой процедуры. Документ составлялся от руки и приобретал юридическую силу только после заверения подписями всего состава причта и совета, включая председателя, секретаря, членов ревизионной комиссии, старосту и диакона. Обязательным элементом формуляра выступала виза благочинного с приложением печати округа, так как именно его резолюция служила пропуском для рассмотрения дела в епархиальном центре[670]. На уровне Московского Епархиального Управления принятие решений фиксировалось в строгой журнальной форме, что подтверждается анализом Протокола № 28 от 22 сентября 1927 г.[671] Секретариат использовал классическую двухчастную разметку страницы, где

[668] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.
[669] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 20. Л. 420.
[670] Там же. Л. 291.
[671] Там же. Л. 280–281.

в левой графе «Слушали» излагалась суть заслуг священника Вознесенского, а справа в графе «Постановили» записывался итоговый вердикт – «наградить наперсным крестом о. Вознесенского ко дню 35-летия за усердное служение церкви Христовой». Этот формат позволял четко разграничивать полномочия, так как награждение наперсным крестом утверждалось на месте Московским епархиальным управлением, тогда как прошения на более высокие знаки отличия переадресовывались в Синод с соответствующей пометкой в протоколе о возбуждении ходатайства[672].

Организационно-распорядительная документация обновленческого Московского епархиального управления представлена протоколами заседаний за 1923–1928 гг., преимущественно рукописными, с отдельными машинописными материалами. В первые годы предпринимались настойчивые попытки выстроить упорядоченную канцелярскую систему: вводился строгий график приема, закрытый характер совещаний, подробно регламентировался документооборот. Однако документы последних лет, особенно викариальных управлений, фиксируют обратную динамику: возвращение приходов в каноническую юрисдикцию РПЦ, игнорирование указаний центра, затягивание сроков исполнения, формальные отписки вместо решения вопросов свидетельствуют о нарастающем разложении обновленческого управления. Попытки вернуть контроль через создание новых викариатств и кадровые замены оказывались малорезультативными.

Протоколы фиксируют три основные темы. На первом плане стоят вопросы административно-территориальной организации: образование викариатств, назначение уездных уполномоченных для наблюдения за ситуацией на местах. Существенный объем занимают кадровые решения – переводы, назначения, рассмотрение многочисленных прошений с многоступенчатой процедурой согласований. Отдельный массив образуют

[672] ЦГА г. Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 20. Л. 420.

награждения духовенства, в рамках которых ясно просматривается распределение полномочий между епархией и Священным Синодом.

Структура формуляров и сам ход документооборота демонстрируют намерение создать жесткую вертикаль подчинения от приходов через викариальные управления к епархиальному центру и Синоду. Материалы Клинского викариатства особенно наглядно демонстрирует кризис этой модели: местные органы не справлялись с реализацией директив, а центр отвечал усилением административного нажима и сменой кадров. Формальная стандартизация документов – обязательные реквизиты, визы благочинных, печати, журнальная форма с разграничением обсуждения и постановлений – создает впечатление налаженной системы. Вместе с тем реальное содержание дел показывает не укрепление, а прогрессирующее ослабление административного контроля над епархиальными структурами.

***

Проведенный анализ документальных материалов церковно-обновленческих структур в 1918–1943 гг. позволяет выделить несколько этапов развития обновленческого движения на территории Московской губернии/области. Эти этапы соотносятся с периодизацией, представленной в § 1.3. Первый этап – период становления и экспансии (1922–1923) – отличался интенсивным документооборотом и высокой организационной активностью. Между тем, как было отмечено в § 1.2, к осени 1923 г. количество обновленческих приходов в Московской губернии составляло всего 10 20%, что свидетельствует о низкой эффективности обновленческих структур с самого начала их существования. Период стабилизации (1924–1925) характеризуется упорядочением делопроизводства и налаживанием как вертикальных, так и горизонтальных связей внутри обновленческой системы, несмотря на их низкую поддержку среди верующих Московской епархии. Третий этап – постепенный упадок обновленческого движения в изучаемом регионе (1926–1935 гг.) – характеризуется

сокращением объема документов, упрощением их форм и нарастающей деградацией взаимодействия структур на всех уровнях. В 1936–1943 гг. фиксируется уже не просто ослабление, а общая деградация движения, завершившаяся фактической ликвидацией обновленческих организаций на территории Московской области.

Важным аспектом проведенного нами анализа является оценка достоверности и репрезентативности сохранившихся документов. Следует учитывать, что документы обновленческих структур создавались в условиях острого внутрицерковного противостояния и находились под контролем государственных органов. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на содержание документов, которые нередко содержат тенденциозные оценки и искаженную информацию о численности сторонников движения и его влиянии.

Информационный потенциал рассматриваемых материалов определяется их возможностью служить источником для изучения различных аспектов церковной истории советского периода. Документы позволяют реконструировать организационную структуру обновленческого движения, механизмы его функционирования, взаимоотношения с государственной властью, внутренние конфликты и противоречия.

Заключение

Исследование архивных материалов, касающихся взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг., позволило выявить, как формировались документальные комплексы, отражающие взаимодействие советской власти и РПЦ в ключевом регионе страны.

Система государственного контроля над РПЦ складывалась поэтапно, через создание специализированных структур на центральном и местном уровнях. В первые послереволюционные годы (1918–1922) она оставалась разобщенной: различные ведомства действовали параллельно, часто проводя противоречивую политику. Создание в 1922 г. Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) стало ключевым шагом к централизации, обеспечив координацию между партийным руководством и местными исполнительными структурами. К концу 1920-х гг. сложились три устойчивых направления воздействия на РПЦ: административное регулирование через губернские и уездные исполкомы, пропагандистское давление через партийные органы и Союз безбожников, а также репрессивные меры органов ГПУ.

В 1929 г. государственная антирелигиозная политика резко ужесточилась. Вместо упраздненной Антирелигиозной комиссии была создана Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК с сетью местных представительств, одно из которых действовало в Московской области. Однако выстроить действенный контроль новой структуре не удалось: как центральный аппарат, так и областное отделение оказались бессильны перед административным произволом на местах и лишь постфактум реагировали на поток жалоб от верующих. К 1938 г. Комиссия вместе с сетью своих областных представительств, превратившихся в фиктивные апелляционные инстанции, была окончательно ликвидирована. На смену идеологическому давлению пришел массовый террор, и судьбу

духовенства и приходов стали целиком определять органы ОГПУ–НКВД. Этот репрессивный курс сменился прагматичным административным регулированием лишь в 1943 г., что было официально закреплено на исторической встрече Сталина с иерархами РПЦ в Кремле.

Эта эволюция государственных структур непосредственно определяла характер церковного управления в Московской епархии. Власть целенаправленно разрушала каноническую вертикаль, созданную Поместным Собором 1917–1918 гг., и формировала альтернативные, подконтрольные государству церковные организации. Поэтому параллельно существовали две системы: патриаршая (которую с 1927 г. возглавил митрополит Сергий) и обновленческая. Высшие органы управления патриаршей частью Московской епархии неоднократно меняли состав и форму под давлением власти: от Московского епархиального совета (1918–1925) и полуподпольный триумвират викариев (1925–1926) к частичной легализации через Временный Патриарший Священный Синод (с 1927 г.) – каждый этап отражал усиление государственного контроля. Попытка адаптации через реформу 1934 г., ориентированную на административно-территориальное деление СССР, была прервана репрессиями 1937–1938 гг., которые практически разрушили церковное управление. На уровне викариатств и приходов шла борьба между обновленческими структурами, которые активно поддерживали власти в 1922–1927 гг., и Патриаршей Церковью, сохранявшей широкую поддержку верующих несмотря на давление. В итоге управление становилось фрагментарным и зависимым от внешних условий.

Одновременно складывались формы церковной администрации, продиктованные не внутренней логикой управления РПЦ, а правилами государства. При широкой поддержке Патриаршей Церкви у верующих власти допускали ее ограниченное существование, получая возможность контролировать работу через правовые и административные процедуры. Это

определяло и характер материалов, отражающих взаимоотношения РПЦ и государства в 1918–1943 гг.

Сохранившиеся архивные материалы Московской губернии/области показывают, как менялось документальное сопровождение этого взаимодействия в связи с эволюцией государственных структур и их методов работы. Все документы делятся на три группы, соответствующие направлениям государственной политики: материалы административно-правового регулирования религиозных обществ, документы идеологического воздействия и документы об ограничении прав и политических репрессиях в отношении духовенства и верующих.

В 1918–1929 гг. государство выстраивало надзор за религиозными обществами, в том числе приходами РПЦ, преимущественно через механизм ежегодной регистрации общин. Архивные документы этого периода наглядно отражают усложнение бюрократических процедур и изменение фокуса контроля: если в начале 1920-х гг. главное внимание в регистрационных делах уделялось материальному аспекту – подробным инвентарным описям церковного имущества, то к концу десятилетия пакет документов стал значительно объемнее, а упор сместился на сбор персональных данных духовенства и актива приходов (через развернутые анкеты и списки). Тем не менее, при формальном соблюдении этих требований община могла существовать легально. Архивные материалы показывают, что целенаправленной кампании по закрытию храмов в регионе в эти годы еще не проводилось.

После решений 1929 г. процесс регистрации стал окончательно единообразным, о чем свидетельствует введение стандартизированных форм номерных бланков. Наметившийся ранее плотный сбор сведений о духовенстве и прихожанах теперь стал использоваться не только для административного надзора, но и при осуществлении репрессивных мер. Вместе с тем сама процедура закрытия храмов существенно упростилась,

поэтому после 1930 г. резко увеличилось количество дел с перепиской по этому вопросу. В 1937–1943 гг. возник заметный исторический парадокс – разрыв между фактическим прекращением приходской жизни из-за массовых арестов духовенства и ее официальным оформлением в документах. Именно этой бюрократической инерцией объясняется рост постановлений о закрытии храмов в Московской области в 1941 г.: власти лишь на бумаге ликвидировали общины, которые де-факто прекратили работу гораздо раньше после арестов священников.

Материалы, касающиеся идеологического воздействия на РПЦ и верующих в Московской области демонстрируют его связь с изменением государственной политики. В местной печати 1918–1922 гг. антирелигиозная тематика носила эпизодический характер. Появление в газетах с 1923 г. постоянной рубрики «Уголок безбожника» знаменовало переход антирелигиозной пропаганды от эпизодических акций к системному присутствию в публичном пространстве. Публикации менялись: от попыток использовать религиозные образы для легитимации новой власти они перешли к дискредитации духовенства и закреплению образа религиозных организаций как враждебной силы.

Документы партийных структур и Союза безбожников (с 1929 г. – Союза воинствующих безбожников) дополняют эту картину. Протоколы заседаний, резолюции, отчеты и планы работы выявляют противоречие между ростом антирелигиозных организаций в отчетах и слабой эффективностью работы на местах. Материалы фиксируют постоянные провалы планов, формальный характер деятельности многих ячеек и признание руководством этих проблем, в том числе в документах Союза воинствующих безбожников середины 1930-х гг. К 1940-м гг. резкое сокращение антирелигиозной тематики в печати и сворачивание деятельности Союза отразили поворот в государственной политике накануне войны, когда приоритетом стала консолидация общества, а антицерковная кампания утратила прежний масштаб.

Судебно-следственная документация и материалы репрессивных органов наглядно демонстрируют, как механизмы административного контроля трансформировались в инструмент системного преследования. Сведения об общинах фиксировались в регистрационных документах и могли использоваться при составлении списков лишенных избирательных прав и в судебно-следственных материалах. Сопоставление этих материалов позволяет установить связь административного учета с практикой репрессивных мер в отношении духовенства и верующих РПЦ.

Содержание и объем судебно-следственных дел напрямую зависели от политического курса. В материалах 1918–1934 гг. встречается развернутая процессуальная документация, включая протоколы допросов, очных ставок и обвинительные материалы. Эта динамика резко изменилась в годы Большого террора (1937–1938), когда конвейерный характер репрессий привел к крайнему упрощению делопроизводства – дела стали предельно краткими, шаблонными и бедными по содержанию. Лишь после 1938 г. произошел частичный возврат к соблюдению процессуальных норм и более развернутому оформлению документов.

Давление государства по всем трем направлениям было нацелено на ослабление епархиального управления в Московской губернии/области, что видно по документам церковного происхождения. Их сохранность напрямую зависела от государственного давления. В 1918–1922 гг. патриаршее епархиальное управление оставило сравнительно полный круг источников, по которым можно воссоздать его устройство и работу. Там содержатся решения высшей церковной власти, текущая переписка, материалы об обращениях, рукоположениях и перемещении духовенства. Клировые ведомости и послужные списки начала 1920-х гг. показывают состояние приходов, состав причтов и биографии священно- и церковнослужителей с их семьями.

После 1925 г., когда умер Патриарх Тихон и был арестован митрополит Петр, управление Патриаршей епархией ушло в полуподполье, а ведение

документации осложнилось. Епархиальные структуры ослабли, и их работа часто сводилась к неформальным совещаниям при викарных архиереях, а документы рассредоточивались по викариатствам и исчезали после арестов. Это было прямым следствием государственной политики, когда архивы ликвидируемых приходов не принимались на хранение и утрачивались, а с середины 1930-х гг. репрессии и закрытие приходов исключили устойчивое ведение документации. Поэтому за 1934–1943 гг. сведения о деятельности епархии представлены преимущественно в документах государственных органов, а документы церковно-административного уровня 1925–1943 гг. сохранились в фондах советских учреждений: в материалах о перерегистрации обществ, в следственных делах ОГПУ—НКВД (где находятся изъятые циркуляры, послужные списки, документы о назначениях, переписка), а также в справках и агентурных сводках органов безопасности и материалах комиссий по вопросам культов.

Документы обновленческих структур также рассредоточены по архивам. Наиболее полный комплекс по обновленческому движению в Московской епархии находится в фонде 2303 ЦГА Москвы. В отличие от документации Московского епархиального совета Патриаршей Церкви (РГИА. Ф. 831), имеющей преимущественно охранительно-канонический характер, обновленческие документы носят административно-управленческий и хозяйственный характер. Они фиксируют оформление и закрепление новой церковной иерархии и ее интеграцию в советское правовое и экономическое пространство.

Фонд 2303 ЦГА г. Москвы (1922–1943) позволяет проследить развитие обновленческих институтов от создания ВЦУ до их сворачивания. В нем выделяются три ключевых массива источников: нормативно-распорядительная переписка центральных органов с Московским епархиальным управлением, материалы о подготовке и проведении обновленческого Собора 1923 г. и протоколы заседаний Московского

епархиального управления с приложениями. Остальные материалы аналогичны документам Московского епархиального совета. Объем документооборота отражает эволюцию движения: период его становления (1922–1923) характеризовался интенсивной активностью, период стабилизации (1924–1925) – упорядочением форм, затем начался упадок (1926–1935) с сокращением документов, а в 1936–1943 гг. зафиксирована деградация движения, сопровождавшаяся дальнейшим распадом обновленческих структур в Московской области.

Таким образом, документальное наследие взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в Московской губернии/области в 1918–1943 гг. свидетельствует об усилении государственного контроля над церковной жизнью и его воздействии на епархиальное управление. Эволюция государственных органов контроля за религиозной сферой непосредственно определяла трансформацию церковного управления и характер создававшихся документов.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. А-353. Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР), 1918–1956 гг.
2. Ф. Р-5263. Постоянная центральная комиссия по вопросам культов при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР, 1929–1938 гг.
3. Ф. 10035. Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области, 1917–1991 гг.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

4. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС, 1898–1991 гг.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

5. Ф. 831. Канцелярия Патриарха Тихона и Священного Синода, 1918–1925 гг.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)

Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА г. Москвы)

6. Ф. 203. Московская духовная консистория, 1744–1918 гг.
7. Ф. 1215. Административный отдел Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Отдел управления Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Административный отдел Московского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1917–1929 гг.
8. Ф. 2303. Московское епархиальное управление (обновленческое), 1922–1943 гг.

Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО)

9. Ф. 19. Административный отдел Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1918–1929 гг.

10. Ф. 65. Административный отдел Московского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1918–1929 гг.
11. Ф. 66. Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1917–1936 гг.
12. Ф. 261. Московский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1929–1930 гг.
13. Ф. 2157. Московский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, г. Москва, 01.10.1929–15.12.1993 г.
14. Ф. 2461 Управление милиции Можайского комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Можайск Московской губернии, 1923–1927 гг.
15. Ф. 4570. Комиссия по вопросам культа при Московском областном Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Москва, 1929–1935 гг.
16. Ф. 4612. Московский губернский революционный трибунал, г. Москва, 1918–1921 гг.
17. Ф. 4613. Московский революционный трибунал, г. Москва, 1918–1923 гг.
18. Ф. 7383. Отдел по связям с религиозными организациями Администрации Московской области. 1923–1999 гг.

Архивный отдел администрации города Бронницы

19. Ф. 64. Бронницкая уездная милиция. Церковный стол.

1.2. Опубликованные источники

Законодательные и нормативно-правовые документы

20. Декреты Советской власти. Т. 1–15. – М.: Госполитиздат, 1957.
21. Декреты Советской власти. Т. 16–18. – М.: Наука, 2004–2009.
22. Законодательство о религиозных культах. Перепечатка с советского издания «Для служебного пользования». – New York: Chalidze publications, 1981. – 210 с.

23. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Известия ВЦИК. – 1918. – 21 января.
24. Декрет ВЦИК от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний, различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 40. – Ст. 477.
25. Инструкция Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»» // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 62. – Ст. 685.
26. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. – М.: Издание ВЦИК, 1918. – 32 с.
27. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений РСФСР. – 1929. – № 35. – Ст. 353.
28. Постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы» // Известия ЦК ВКП(б). – 1929. – № 5. – С. 1–3.
29. Постановление ЦК ВКП(б) от января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд. – Т. 5. – М.: Политиздат, 1984. – С. 74–78.
30. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» // Правда. – 1938. – 19 ноября.
31. Приказ наркома НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. – М. : Материк, 2006. – С. 273–281.

Сборники документов церковных учреждений

32. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти,

1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. [и авт. примеч.] М.Е. Губонин. – М: ПСТБИ: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. – 1063 с.

33. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.: в 10 т. – М.: Новоспасский монастырь, 1994–2000.
34. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви от 8 декабря 1917 г. «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России» // Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – М., 1994. – Т. 3. – С. 3–5.
35. «Обновленческий» раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И.В. Соловьев. – М.: Крутицкое патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 2002. – 1062 с.
36. Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. № 362 // Церковные ведомости. – 1920. – № 11–12. – С. 1–3.
37. Православная Москва в 1917–1921 гг.: сборник документов и материалов / авт.-сост. А.Н. Казакевич, В.В. Марковчин, Т.С. Тугова, А.М. Шарипов. – М.: Изд-во Главархива, 2004. – 696 с.
38. Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, 1877–1970: сборник документов: в 2 кн. – М.: ПСТГУ, 2006.
39. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью: в 2 кн. / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. — Кн. 1. – 399 с.; Кн. 2. – 464 с.
40. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений: вып. 1–4. – М.: Издание Соборного Совета, 1918.
41. Следственное дело Патриарха Тихона: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / сост. и коммент. архим. Дамаскин (Орловский) и др. – М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2000. – 976 с.

42. Черная книга («Штурм небес»): сб. документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А.А. Валентинов; ввод. ст. П.Б. Струве. – Париж: Рус. нац. студенческое объединение, 1925. – 295 с.

Сборники документов советских учреждений

43. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. Кн. 2 / подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – М.; Новосибирск: РОССПЭН: Сибирский хронограф, 1998. – 647 с.
44. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в С.С.С.Р.: полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верхсуда Р.С.Ф.С.Р. и других советских социалистических республик: У.С.С.Р., Б.С.С.Р., З.С.Ф.С.Р., Узбекской и Туркменской / под ред. П. А. Красикова. – М.: Юридическое издательство, 1926. – 712 с.
45. Конфессиональная политика советского государства 1917–1991 гг. Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. – М.: Политическая энциклопедия, 2017.
46. Культура в нормативных актах советской власти. 1917–1993: [сборник документов]: в 10 т. / [сост. О. И. Климкина и др.]. – М.: Юстицинформ, 2009–2012.
47. Лубянка: ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1960: справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М.: Изд. МФД, 1997. – 352 с.
48. Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг.: сборник документов / сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров; коммент. В. Г. Макарова. – М.: Русский путь, 2010. – 800 с.
49. Политбюро и «вредители»: кампания по борьбе с вредительством на объектах военной промышленности: сборник документов / под общ. ред. О.Б. Мозохина. – М.: Кучково поле, 2018. – 752 с.
50. Политбюро и органы государственной безопасности: сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. О. Б. Мозохина. – М.: Кучково поле, 2017. – 398 с.

51. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 400 с.
52. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.

Статистические материалы

53. Административно-территориальное деление Московской губернии и области, 1917–1991: справочник / под ред. В. И. Морозова. – М.: МГИАИ, 1997. – 287 с.
54. Статистический сборник Московской губернии. – М.: ЦСУ, 1923. – 156 с.

Периодические издания

55. Безбожник: еженедельная газета. – М., 1922–1940.
56. Богородский рабочий: газета Богородского укома ВКП(б). – Богородск (Ногинск), 1922–1941.
57. Власть труда: газета Зарайского укома РКП(б). – Зарайск, 1921–1928.
58. Голос батрака: газета Можайского укома РКП(б). – Можайск, 1920–1922.
59. Журнал Московской Патриархии – 1931–1935; 1943–1958.
60. Известия ВЦИК. – М., 1917–1938.
61. Известия Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Егорьевска и уезда. – Егорьевск, 1918–1922.
62. Каширские известия: газета Каширского уисполкома. – Кашира, 1919–1928.
63. Красный луч: газета Звенигородского укома ВКП(б). – Звенигород, 1923–1929.
64. Попы и кости // Крестьянин и рабочий. Орган Ленинского Совета Рабоч. и Крестьян. Д-в. и райкома Р.К.П.– 1919. – № 2.
65. Крестьянин и рабочий: газета Талдомского укома РКП(б). – Талдом, 1918 – 1921.
66. Наша правда: газета Дмитровского укома ВКП(б). – Дмитров, 1922–1929.
67. Новый пахарь: газета Можайского укома ВКП(б), уисполкома и упрофбюро. – Можайск, 1922–1941.
68. Правда: газета ЦК ВКП(б). – М., 1918–1991.

69. Рабочий и искусство: газета Московского комитета ВКП(б) и профсоюзов работников искусств. – М., 1929–1931.

Источники, опубликованные на электронных ресурсах сети Internet

70. Азбука веры: православный портал. – URL: https://azbyka.ru (дата обращения: 15.01.2024).
71. База данных «За Христа пострадавшие» / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – URL: https://martyrs.pstgu.ru (дата обращения: 20.12.2023).
72. Древо: открытая православная энциклопедия. – URL: https://drevo-info.ru (дата обращения: 10.01.2024).
73. Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/
74. Открытый список жертв политических репрессий: база данных. – URL: https://openlist.wiki (дата обращения: 25.12.2023).
75. Православное духовенство: база данных. – URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru (дата обращения: 18.01.2024).

2. Литература (монографии, статьи, диссертационные исследования)

2.1. Монографии

76. Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / сост. Т.И. Хорхордина. – М.: РГГУ, 2001. – 392 с.
77. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.
78. Бабкин, М.А. Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): исследования и материалы. – М.: Индрик, 2011. – 917 с.
79. Баберовски Й. Выжженная земля. Сталинское царство насилия / [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 487 с. – (История сталинизма).
80. Баберовски Й. Красный террор / [пер. с нем.]. – М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2007. – 287 с. – (История сталинизма).

81. Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. – М.: Изд. Совет РПЦ: Арефа, 2008. – 453 с.
82. Беглов А.Л. Русская православная церковь. XX век. – М.: Сретенский монастырь, 2015. – 792 с.
83. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). – М.: Издательство ПСТГУ, 2010. – 177 с.
84. Блюм А.В. За кулисами «министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929 гг. – СПб.: Академический проект, 1994. – 320 с.
85. Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953 гг. – СПб.: Академический проект, 2000. – 322 с.
86. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 967 с. – (История сталинизма).
87. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия 1920–1930 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 759 с. – (История сталинизма).
88. Бурова Е.М. Архивы личного происхождения: учебник. – М.: РГГУ, 2024. – 585 с.
89. Валентинов А.А. Черная книга. Штурм небес. – Париж: YMCA-Press, 1925. – 364 с.
90. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. – М.: Институт российской истории РАН, 1999. – 212 с.
91. Введенский А.И. Церковь и голод. – М., 1922.
92. Введенский, А.И. Церковь и государство: очерк взаимоотношений церкви и государства в Советской России (1918–1922). – М.: Красная новь, 1923. – 268 с.

93. Введенский А.И. Церковь Патриарха Тихона. – М., 1923.
94. Вострышев М.И. Патриарх Тихон. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 383 с.
95. Григорьев О.И. История и архивы Псковской епархии: вторая половина XIX – начало XXI века / О.И. Григорьев. – Псков: Псковская обл. типография, 2013. – 312 с.
96. Дамаскин (Орловский), архим. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период. – М.: Сретенский монастырь, 2016. – 656 с.
97. Дамаскин (Орловский), архим. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним: в 7 кн. – Тверь: Булат, 1992–2002.
98. Дамаскин (Орловский), архим. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь. – Тверь: Булат. – 2003.
99. Дамаскин (Орловский), игум. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Январь. – Тверь: Булат, 2005.
100. Дамаскин (Орловский), иеромон. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. – иеромон. Дамаскин (Орловский). – Тверь: Булат, 1992. – 238 с.
101. Дамаскин (Орловский), архим. Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность: монография. – М.: Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. – 526 с.
102. Зыбковец Н.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). – М.: Наука, 1975. – 214 с.
103. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1951. – 352 с.

104. История Гражданской войны в СССР. В 5 т. / под ред. М. Горького, В. Молотова, И. Сталина и др. Т. 1–2. – М.: ОГИЗ, 1935–1943.

105. История Гражданской войны в СССР. В 5 т. / под ред. С.Ф. Найды, Г.Д. Обичкина, Ю.П. Петрова и др. Т. 3–5. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958–1960.

106. Кандидов Б.П. Голод 1921 года и церковь. – М.: Московский рабочий, 1932. – 96 с.

107. Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на юге. – М.: Безбожник, 1931. – 298 с.

108. Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–1945 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1995. – 138 с.

109. Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность: социологические и исторические очерки. – М.: Наука, 1969. – 303 с.

110. Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / [пер. с англ. И. Кэна, Н. Май]. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. – 620 с.

111. Конквест Р. Большой террор: Сталинские чистки 30-х. В 2 т. / [пер. с англ. Л. Владимирова]. – Рига: Ракстниекс, 1991.

112. Копылова О.Н. Документирование деятельности государственных учреждений в 1917–1941 гг. – М.: МГИАИ, 1985. – 156 с.

113. Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: организация и идеология. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 328 с.

114. Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008). – М.: ПСТГУ, 2018. – 368 с.

115. Крапивин М.Ю., Далгатов А.В., Чемакин А.А. Непридуманная церковная история: власть и Церковь в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х годов). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. – 261 с.

116. Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 674 с.

117. Кузнецова Т.В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления). – 7-е изд. – М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2007. – 304 с.

118. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. – М.: Политиздат, 1984. – 263 с.

119. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия: религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг. – М.: Кучково поле, 2011. – 621 с.

120. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: учебное пособие. – М., 1959. – 359 с.

121. Лавринов В.В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей – М.: Общество любителей церковной истории, 2016. – 754 с.

122. Лисавцев Э.И. Критика философских основ современного богословия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – 172 с.

123. Максимов М.В., прот. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь. – Тверь: Булат, 2003. – 336 с.

124. Мельгунов, С.П. Красный террор в России. – Берлин: Ватага, 1924. – 213 с.

125. Митрофанов, Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. – СПб.: Сатисъ, 2002. – 640 с.

126. Митрофанов Г.Н., прот. Очерки по истории Русской Православной Церкви XX века. Церковь в гонении. Церковь в пленении. – М.: Практика, 2021. – 528 с.

127. Мосс В.Э. Православная церковь на перепутье 1917–1999. – СПб.: Алетейя, 2001. – 405 с.

128. Мраморнов А.И. Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. – М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2013. – 880 с.

129. Никольский Н. М. История русской церкви. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 448 с.

130. Никонов В.В., Жданович С.А., иер., Ушатова Н.П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. В 7 т. – Гжель: ГГУ, 2016–2024.

131. Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. – М.: Политиздат, 1991. – 238 с.

132. Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М.: ЦИНО, 2002. – 312 с.

133. Одинцов М.И. Патриарх Сергий. – М: Молодая гвардия, 2013. – 395 с.

134. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2014. – 421 с.

135. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923 гг. – М.: Наука, 1967. – 193 с.

136. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 410 с.

137. Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1996. – 412 с.

138. Регельсон Л.Л. Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. – Париж: YMCA-Press, 1977. – 572 с.

139. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. – М.: Знание, 1985. – 64 с.

140. Сапсай А.В. Православная Церковь и верующие Алтая в XX веке. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. – 198 с.

141. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII международной научной конференции. – М.:

Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2014. – 719 с.

142. Соколов А.Н. Государство и Православная церковь в России (февраль 1917 – январь 1918 гг.). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – 342 с.

143. Соломина Л. В. Архивы Смоленской области: история формирования и современное состояние. – Смоленск: Маджента, 2011. – 267 с.

144. Старостин Е.В., Хорхордина Т.И., Архивы и революция. – М.: РГГУ, 2007. – 180 с.

145. Старостин Е.В. Архивы России: методологические аспекты архивоведческого знания. – М., 2001. – 47 с.

146. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.). Историографические и источниковедческие аспекты. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 434 с.

147. Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). – М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002. – 621 с.

148. Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014. – 474 с.

149. Фирсов С.Л. Время в судьбе: Святейший Сергий, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. – СПб.: Издательство СПБГУ, 1999. – 205 с.

150. Хлевнюк О.В. Сталин: жизнь одного вождя. – М.: АСТ, 2015. – 464 с.

151. Цыпин, В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 831 с.

152. Черноухов С.С. Архивное дело и архивы Пензенской области. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2009. – 178 с.

153. Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР. – Париж: YMKA-PRESS, 1973. – 82 с.

154. Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. – М.: Ковчег, 2003. – 736 с.

155. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.

156. Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – 388 с.

157. Ярославский Ем. Агитационно-пропагандистская работа Р. К. П. (между XI-м и XII-м съездами). – М.: Красная новь, 1923.

158. Ярославский Ем. Библия для верующих и неверующих. – М.: Гаиз, 1925. – 388 с.

159. Ярославский Ем. Как родятся живут и умирают боги и богини. – М.: Красная новь, 1923. – 48 с.

2.2. Статьи

160. Автократов В.Н. К вопросу о методологии архивоведения // Археографический ежегодник за 1969 год. – М.: Наука, 1971. – С. 22–35.

161. Анучин И.А. Правовое регулирование ссылки и высылки в начале 1930-х годов в СССР // Марийский юридический вестник. Вопросы теории и истории государства и права. – 2009. – № 7. – С. 66–70.

162. Батченко В.С. Нормативно-правовые акты НКВД в вероисповедном законотворчестве на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3–4 (47–48). С. 305–331.

163. Беглов А.Л. Епархии и епископы Российской Церкви в 1927 году, или почему митрополит Сергий (Страгородский) стал перемещать епархиальных преосвященных? // Альфа и Омега. – 2007. – № 49.

164. Богданович Л.А. Конституция 1918 года о правах священно-церковнослужителей // Интеграция образования. – 2001. – № 1. – С. 90–93.

165. Бондарь М.А. Развитие наказаний, связанных с ограничением свободы в советской России // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 1. – С. 116–123.

166. Борисюк А.А. Православные храмы Москвы в 1918-1921 годы. Условия существования и масштабы ликвидации // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – №4. – С.187–197.

167. Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д. Формирование законодательства о религиозных организациях в советский период // Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. – 2022. – № 9. – С. 17–19.

168. Бутейко Д.А. Память новомучеников: о политических репрессиях в СССР как инструменте общественных изменений // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2019. – № 4 (13). – С. 26–36.

169. Варакин С.А. Проблема взаимоотношения советской власти и Церкви в 1920–1930-е гг.: современная историография // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2016. – № 1. – С. 38–48.

170. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 40–50.

171. Гавриш И.В. О полном переходе к пятидневной рабочей неделе с двумя следующими подряд выходными днями // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 3 (124). – С. 62–75.

172. Газов Е.А. Изъятие церковных ценностей в Московской губернии // Московские епархиальные ведомости. – 2012. – № 1–2. – С. 151–157.

173. Гаряева Д.А. Формирование советским государством правовой базы антирелигиозной политики (1917–1929 гг.) // Известия Калмыцкого гуманитарного института РАН. – 2016. – № 2. – С. 19–24.

174. Горбачук Г.Н. Современный приход Русской Православной Церкви и тенденции его функционирования // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 152–156.

175. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Дела по обвинению духовенства и верующих Московской епархии в архивном фонде УКГБ по г. Москве и Московской области // Отечественные архивы. – 2012. – № 1. – С. 67–73.

176. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации // 2000-летию Рождества Христова посвящается: спец. вып. «Вестника архивиста». – М., 2001. – С. 78–112.

177. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Крестный путь России. Гонения на Русскую Православную церковь в советский период // Россия Православная. – 2005. – № 7. – С. 87–117.

178. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Методологические аспекты церковно-исторических исследований на современном этапе // Вестник архивиста. – 2012. – № 2. – С. 137–145.

179. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Методология и практические особенности исследования подвига новомучеников и исповедников Российских // XVII Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 17 февр. 2009 г.): материалы конф. – М., 2009. – С. 12–25.

180. Дамаскин (Орловский В.А.), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: в 7 т. – 2-е изд. – Тверь: Булат. – Т. 2. – 2001. – 527 с.; Т.3. – 1999. – 623 с.; Т. 4. – 2005. – 479 с.

181. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. «Никому и никогда намеренно не сделал зла»: из судебно-следственного дела протоиерея Евфимия Горячева. 1929 г. // Исторический архив. – 2013. – № 3. – С. 81–91.

182. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Подготовка материалов к канонизации новомучеников на примере комиссии по канонизации святых Московской епархии // XXI Международные Рождественские чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 25 янв. 2013 г.): материалы конф. – М., 2013. – С. 7–18.

183. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Роль архиепископа Илариона (Троицкого; 1886–1929) во взаимоотношениях церкви и власти в 1920-е гг. // История государства и права. – 2013. – № 11. – С. 17–23.

184. Дамаскин (Орловский В.А.), архим. Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность. – М.: Регион. обществ. фонд «Память мучеников и исповедников Рус. Православ. Церкви», 2018. – 526 с.

185. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Сложности изучения судебно-следственных дел, имеющего целью включение имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в Собор новомучеников и исповедников Российских // XX Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 24 янв. 2012 г.): материалы конф. – М., 2012. – С. 8–36.

186. Дамаскин (Орловский В. А.), игум. «Справедливость требует, чтобы мне дана была свобода»: документы из судебно-следственного дела протоиерея Иоанна Восторгова. 1918 г. // Исторический архив. – 2012. – № 4. – С. 175–190.

187. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Судебно-следственное дело иеромонаха Макария (Телегина) как источник персональной информации. 1922 г. // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 231–240.

188. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Уничтожение Русской Православной Церкви и большевизм (на примере убийства епископа Варсонофия (Лебедева) и игумении Серафимы (Сулимовой) с группой мирян, 1918 г.) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – 2014. – № 1 (27). – С. 30–34.

189. Дамаскин (Орловский В.А.), игум. Церковно-государственные отношения в начале XX столетия на примере жизни священномученика Гермогена (Долганева; 1858–1918) // XIX Международные Рождественские чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 25 янв. 2011 г.): материалы конф. – М., 2011. – С. 26–41.

190. Егоров В.В. Анализ деятельности комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК в 1929–1930 гг. // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 46–56.

191. Емельянов Н.Е., Хайлова О.И. Гонения на Русскую Православную Церковь (1917–1950-е годы) // Россия и современный мир. – 2008. – № 4. – С. 111–128.

192. Захарова Л.Б. Отношения властей и Церкви в начале 1920-х гг.: кампания по изъятию церковных ценностей // Вестник СамГУ. – 2013. – № 2(103). – С. 64–70.

193. Земсков В.Н. Масштабы политических репрессий в СССР (Против спекулятивных и мифологических построений) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – т. 14, № 3. – С. 79–88.

194. Иванов С.Н. Хронология обновленческого «Переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – № 58 (3). – С. 179–192.

195. Иноземцева З.П. Архивный документ в агиографических исследованиях. Источниковедческий аспект // XXII Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 28 янв. 2014 г.): материалы конф. – М., 2014. – С. 72–86.

196. Иноземцева З.П., Романова С.Н. Дела по обвинению православного духовенства и мирян как исторический источник // 2000-летию Рождества Христова посвящается: спец. вып. «Вестника архивиста». – М.: Рос. о-во

историков-архивистов: Синод. комис. по канонизации святых, 2001. – С. 112–131.

197. Иноземцева З.П. Имеют ли историческую ценность судебно-следственные дела // Труды Регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Вып. 1: Новомученики XX века. – М., 2004. – С. 61–63.

198. Иноземцева З. П. Искусство ставить вопросы. Архивно-следственные документы в агиографических исследованиях. Проблемы и решения // Журнал Московской Патриархии. – 2014. – № 4. – С. 58–66.

199. Иноземцева З. П. Совместимы ли эмоциональные идеологемы с научной критикой исторического источника? // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее / под ред. А.Б. Безбородова [и др.]. — М., 2005. — С. 170–178.

200. Каиль М.В. Православие в России 1914–1964 годов: опыт изучения и общественная память в дискурсе репрессий и поиске альтернативных познавательных подходов // Новый исторический вестник. – 2021. – № 3(69). – С. 74–86.

201. Каиль М.В. Советские мероприятия по отделению Церкви от государства и права верующих: правовые реалии 1917– начала 1920-х гг. // На пути к гражданскому обществу. – 2013. – № 1–2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-meropriyatiya-po-otdeleniyu-tserkvi-ot-gosudarstva-i-prava-veruyuschih-pravovye-realii-1917-nachala-1920-h-gg).

202. Каиль М.В. Управление Смоленской епархией во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. – 2009. – № 22. [Электронный ресурс]. URL: //cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-smolenskoy-eparhiey-vo-vremya-grazhdanskoy-voyny.

203. Копылова О.Н. Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Архивы СССР: История и

современность: межвузовский сборник научных трудов. – М., 1989. – С. 136–143.

204. Катаев Е.А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской духовной семинарии. – 2017. – № 6. – С. 149–156.

205. Кашеваров А.Н. Разработка на Поместном Соборе 1917–1918 гг. официальной позиции Церкви в отношении советской власти и ее религиозной политики // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания патриарха Тихона». – М.: ПСТГУ, 2008. – С. 94–106.

206. Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивист в тоталитарном обществе: борьба за «чистоту» архивных кадров (1920–1930-е годы) // Отечественные архивы. – 1993. – № 5. – С. 29–42.

207. Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 г. – начало 1940-х годов) // Отечественные архивы. 1992. № 3. – С. 13–24.

208. Кочетова А.С. Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК–ЦИК СССР: история создания и деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 2012. – № 4. – С. 52–68.

209. Кривошеева Н.А. «Забота о братском посещении арестованных» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2011. – № 3 (40). – С. 72–79.

210. Кривошеева Н.А. Патриарший курс // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2006. – № 2 (19). – С. 34–109.

211. Кривошеева Н.А. Преследования патриарха Тихона начались с первых дней избрания его на патриарший престол // Вестник Православного Свято-

Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2006. — № 2 (19). — С. 141–160.

212. Кривошеева Н.А. Троицкое Сергиево подворье при Святейшем патриархе Тихоне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2006. – № 2 (19). – С. 226–339.

213. Кузнецова Т.В. Государственный стандарт Российской Федерации о порядке оформления документов//Делопроизводство. – 1998 – № 1. – с. 14-21; № 2. – с. 3-7.

214. Кульчицкий А.Е. Деятельность Антирелигиозной комиссии – борьба с инакомыслием // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 143–146.

215. Лановая Г.М. Церковно-государственные отношения: идея и политико-правовая реальность / Г.М. Лановая // Вестник Юридического факультета ЮФУ. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 23–29.

216. Леонов С.В. ВЧК и Православная Российская Церковь в 1918 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2021. – Вып. 100. – С. 66–79.

217. Мазырин А.В., иер. Вопрос о призвании служителей Церкви в эпоху гонений: два взгляда современников // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – Вып. 6 (43). – С. 70–82.

218. Мазырин А.В., иер. Проблема легализации Православной Церкви в СССР в середине 1920-х годов // Российская история. – 2012. – № 3. – С. 77–91.

219. Мазырин А.В., Николаев С.К. Чины приема в Православную Церковь из обновленческого раскола // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2018. – Вып. 85. – С. 133–149.

220. Мазырин А., свящ. Высший церковно-управленческий орган Русской Православной Церкви в 1926–1934 годах // Вестник церковной истории. – 2006. – № 1. – С. 183–232.

221. Мазырин А., свящ. Церковное управление в Патриаршей Церкви после кончины Святейшего Патриарха Тихона (1925–1934 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2005. – Вып. 1. – С. 116–148.

222. Максимов М., прот. Особенности гонений на христиан в Римской империи и в России в XX веке. Сравнительный анализ // XXIII Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых (Москва, 22 янв. 2015 г.): материалы конф. – М., 2015. – С. 30–52.

223. Максимов М., прот. Священноисповедник Георгий (Троицкий) // Жития новомучеников и исповедников российских XX века. Московская епархия. Доп. т. 1. – Тверь: Булат, 2005. – С. 213–215.

224. Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.) // Вестник Омского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 43–47.

225. Никонов В.В. Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2022. – № 1. – С. 62–72.

226. Никонов В.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников на территории Восточного Подмосковья в 1920–1930-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 3 (96). – С. 61–68.

227. Никонов В.В. Домашний архив как источник для исследований по церковной истории // Московские епархиальные ведомости. – 2020. – № 11. – С. 82–91.

228. Никонов В.В. Исследовательский проект «За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области». Анализ результатов и перспективы развития // Московские епархиальные ведомости. – 2018. – № 10. – С. 50–54.

229. Никонов В.В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. – 2022. – № 1. – С. 105–118.

230. Одинцов М.И. Верующие и власть (1917–1941) // Минувшее: исторический альманах. – М.; СПб., 1992. – Вып. 10. – С. 275–317.

231. Одинцов, М.И. Власть и религия в годы Великой Отечественной войны / М. И. Одинцов // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 145–163.

232. Приказчикова О.Б. Деятельность Постоянной комиссии по вопросам культов (1929–1938 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2009. – Вып. II. – № 2 (31). – С. 41–76.

233. Хорхордина Т.И. Возникновение и развитие школы документоведения и делопроизводства // Делопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 20–27; № 3. – С. 21–28.

234. Христофоров В.С. Архивные материалы органов безопасности как источник изучения истории РПЦ // История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. – М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2013. – С. 133–136.

235. Христофоров В.С. Вечный странник Василий Шульгин // История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. – М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2013. – С. 58–66.

236. Христофоров В.С. Использование документов из архивов органов Федеральной службы безопасности в изучении истории Русской православной церкви // Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе: проблемы и

перспективы : материалы II межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 2011). – Екатеринбург, 2011. – С. 10–24.

237. Христофоров В.С. К истории Марфо-Мариинской обители // История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. – М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2013. – С. 145–152.

238. Христофоров В.С. Правовое регулирование деятельности ВЧК–ГПУ // История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. – М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2013. – С. 8–19.

239. Христофоров В.С. «Я отныне советской власти не враг» // История страны в документах архивов ФСБ России: сб. ст. и материалов. — М.: Изд-во Гл. арх. упр. г. Москвы, 2013. – С. 137–144.

240. Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б): 1922–1929 гг. // Вопросы истории. – 2008. – № 2. – С. 124–133.

2.3. Диссертационные исследования

241. Аристова К.Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917–1923 гг.: первые уроки советской власти: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пенза, 2011. – 239 с.

242. Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Петрозаводск, 2006. – 269 с.

243. Белоногова Ю.И. Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02. – М., 2006. – 203 с.

244. Борисюк А.А. Система церковного управления на территории Москвы, 1918–1925 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2007. – 213 с.

245. Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Йошкар-Ола, 2003. – 361 с.

246. Вяткин В.В. Государственная политика в отношении Русской Православной Церкви на Урале в 1917–1930-е гг. : дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2005. – 247 с.

247. Григорьева О.И. Архивный фонд Белгородской области: формирование и основные направления его использования: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02. – М., 2009.

248. Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг. (по материалам Симбирского – Ульяновского края): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Ульяновск, 2020. – 100 с.

249. Каиль М.В. Православная церковь и верующие Смоленской епархии в 1917 – середине 1920-х гг.: эволюция государственно-церковных отношений и внутриконфессиональные процессы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Смоленск, 2011. – 273 с.

250. Козлов Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 – начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2009. – 258 с.

251. Кочетова А.С. Комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. 1929–1934 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2012. – 208 с.

252. Никонов В.В. Политика советского государства в отношении православных приходов Московской губернии (области) в 1918–1958 гг.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Никонов Владимир Владимирович. – М., 2017. – 689 с.

253. Нуйкина Е.Ю. Документы судебно-следственного производства как источник для изучения религиозной политики советского государства, 1917–1930 гг.: дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. – Екатеринбург, 2002. – 234 с.

254. Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе (1917–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2005. – 252 с.

255. Покровская С. В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Москва, 2007. – 195 с.

256. Сапсай А.В. Становление и деятельность православных общественных организаций Пермской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. теологии: 26.00.01. – Пермь, 2019. – 334 с.

257. Савельев А.А. Источники по истории христианских сект в Западном Забайкалье, вторая половина XIX – начало XX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. – Улан-Удэ, 2004. – 189 с.

258. Соломина Л.В. Развитие архивного дела в Ямало-Ненецком национальном округе (1918–1968 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Чебоксары, 2013.

259. Табунщикова Л.В. Политика советского государства в отношении Русской Православной Церкви на Дону (1920–1943 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук: 5.6.1. – Ростов н/Д, 2023. – 595 с.

260. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2009. – 491 с.

261. Черноухова С.С. Государственные и партийные архивы Урала в 1919–1938 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2004.

262. Шершнева-Цитульская И.А. Правовой статус Русской Православной Церкви в Советском государстве (1917–1943 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2005. – 225 с.

263. Шкурин А.В. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) и ее деятельность по реализации политики Политбюро по отношению к Русской Православной Церкви в 1922–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 09.00.13. – М., 2005. – 224 с.